

Троецарствие

Юрий НИКИТИН

Куявия

«ЭКСМО»

2003

Никитин Ю. А.

Куявия / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 2003 — (Троецарствие)

Эхо великой войны между Артанией и Куявией докатилось до затерянной в горах Долины Драконов. Мальчонка Иггельд, спасший крохотного дракончика от гибели, не желает воевать: Куявия и Артания далеки, однако кто избегает войны, того она находит сама. Отряды артан подошли к Долине Драконов, богатыри сражаются с богатырями, маги с чародеями, колдуны с волшебниками. Но это только начало великой битвы.

© Никитин Ю. А., 2003

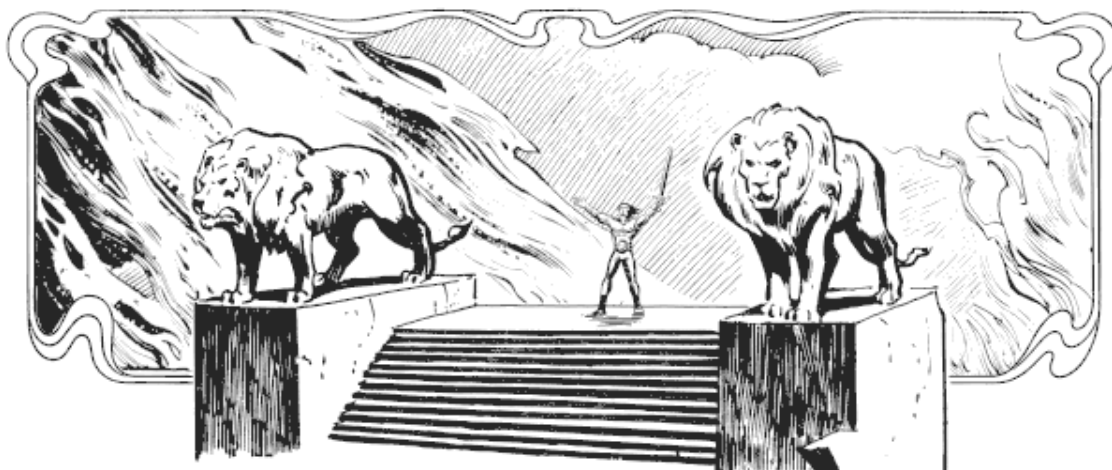
© Эксмо, 2003

Содержание

Часть I	6
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	21
ГЛАВА 4	29
ГЛАВА 5	36
ГЛАВА 6	44
ГЛАВА 7	52
ГЛАВА 8	60
ГЛАВА 9	67
ГЛАВА 10	76
ГЛАВА 11	85
ГЛАВА 12	94
ГЛАВА 13	101
ГЛАВА 14	109
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Юрий НИКИТИН КУЯВИЯ

*Очаровательным женищинам:
Татьяне, Луске, Anais, Pearl, Karele, Нечто Рыжей, Суламифи,
Ruth, Сударушке, Инне Tiggi, Mar —
чье присутствие смягчает суровые нравы буйной Корчмы [http://
nikitin.wm.ru/](http://nikitin.wm.ru/) — с любовью и нежностью:-))*

Часть I

ГЛАВА 1

Солнце склонялось к западу, на вершины гор пал темно-лиловый свет. Каменные острия вспыхнули огнем, словно железные наконечники стрел в раскаленном горне. На долину пала прозрачная пепельная тень, а высоко в небе застыли привычно мелкие багровые облака. Кудрявые ползут ниже долины, на них можно взглянуть с края обрыва. Здесь, в Городе Драконов, знают, что кучерявые никогда не поднимаются над вершинами, а вот эти растрепанные, мелкие, похожие на разметанные ветром перья, брезгают опускаться ниже...

Из дома войта вышел громадный человек, зевнул, посмотрел, шурясь, на багровый диск солнца. Мальчишки зашептались почтительно:

– Ратша!

– Ратша вышел!

– А правда, что дракона тащил за хвост?

Иггельд с почтительным трепетом рассматривал великого воина. Ратша – латник, что значит – в латах с головы до ног. Шлем сверху круглый и блестящий, как яйцо, без всяких плюмажей, как у беров или беричей, из-под шлема на плечи, грудь и спину опускается кольчужная сетка. Латы простые, скрепленные кожаными ремешками, но в щель между ними попасть не так просто, если не привязать его к дереву. Меч тоже прост, похож на меч великого богатыря Дуная, разве что самую малость потяжелее, зато щит – металлический. Хотя нет, основа деревянная, как будто бы взяли щит Дуная, а сверху наложили листы из металла, умело приклепали.

Эти же латы укрывают его до середины голени, там дальше защиту принимают сапоги. Простые, правда, без железа, но прятать и ступни – уж слишком.

Простое бесхитрое лицо всегда дышало сдержанным мужеством. Он добр, Иггельд дважды налетал на него с разбегу, и ни разу Ратша не дал пинка. Только они двое, великий воин Ратша и он, Иггельд, проводили все свободное от домашней работы время в питомнике, в то время как остальные мужчины и мальчишки находили дела поинтереснее: мужчины сидели в корчме, а мальчишки играли в набег, в колдунов, брали в осаду черные башни или умело их же защищали. Самым почитаемым человеком во всем городе был Теодорик, в недавнем войт, староста, а недавно пожалованный именем берича.

Однажды в самом деле дракон не пожелал подчиниться смотрителю, торопливо побежал к котловану и уже сунулся было туда, но Ратша, что оказался вблизи, ухватил одной рукой за хвост, другой уцепился за каменный выступ, и все видели страшный поединок, когда дракон ревел и тупо стремился попасть в родимый котлован, лапы бессильно скребли по камню, а Ратша, покраснев от натуги и растопырившись, как распятый, удерживал за хвост, пока не прибежали другие смотрители. Общими усилиями утихомирили дракона и все-таки заставили что-то там выполнить, настаивать надо всегда, дракон очень быстро понимает, что если не противиться, то его оставят в покое или позволят не слушаться.

Иггельду показалось, что Ратша улыбнулся уголком губ, узнал, и детское сердце запрыгало от счастья. Ветерок донес тяжелый запах сильных зверей. Земля чуть вздрогнула, это со вздохом обрушился, задев каменную стену, дракон. Они всегда, нацелившись прилечь, обрушиваются на землю, будто подламываются лапы. Или будто совсем уж покидают силы. И каждый раз вздыхают так горестно, что кто-нибудь из смотрителей обязательно говорит иронически сверху, мол, да, все верно – тяжелая жизнь у драконов: ешь да спи!

В долине двенадцать вырубленных в каменной толще глубоких котлованов. И достаточно широких, чтобы дракон мог не только поворачиваться, но и делать хотя бы пару шагов из сто-

роны в сторону. Две трети сейчас пустые, в трех выращивают молодых драконов, а в четвертом уже немолодая дракониха, усталая и потертая, неделю назад одраконилась, как говорят, сейчас там копошатся крохотные толстенькие, пока еще слепые существа, похожие не столько на драконов, сколько на крупных неуклюжих жаб.

Иггельд вместе с другими детьми бегал первые дни к котловану, свешивался через каменную ограду и до рези в глазах всматривался в полутьму. Другим детям быстро наскучивало, уносились играть, а он все всматривался, глаза наконец привыкали, начал не только различать крохотных дракончиков, но и постепенно научился отличать друг от друга.

Дядя Ортард, у которого жил, на него не обращал внимания, довольствуясь тем, что дал сироте кров и хлеб, своих забот хватает. Из родни Иггельда никого не осталось: отец и мать, как и два старших брата, погибли во время одного из налетов артан на Нижнюю Куявию, что сожгли всю деревню и перебили жителей. Дядя тогда был на охоте и сумел спрятаться в лесу, а Иггельд с сестренкой Яськой вдали от домов тихохонько удили рыбу. Детей попросту не заметили в густых камышах, а потом, когда они вернулись и застали только пепелище, их увел с собой Ортард, тоже осиротевший. Вообще-то не дядя, просто сосед, но пока брели через всю Куявию, стали считать родным дядей. Яську пристроил по дороге в доме одинокой семьи, чьи дети не выживали, а с Иггельдом шел, пока не уперся в горы, но и тогда взобрался как можно выше, чтобы проклятые артанские дикари уж точно сюда не пришли и чтобы не пришлось пережить ужас потери родных и близких. Здесь еще раз попробовал начать сначала, женился на одинокой женщине с ребенком, мальчиком старше Иггельда, да еще прижили троих, двое выжили, и с рождением каждого на Иггельда обращали внимания все меньше. Так что был предоставлен сам себе, сам находил себе занятие, друзей, игры.

Сейчас Иггельд, свесившись через край, следил, как дракониха облизывала детенышей огромным розовым языком. Жалобно попискивая, все теснились, отталкивая друг друга, старались пробиться к задним соскам, где молока больше. Молока на всех не хватит, еще в первую же неделю половина умрет от голода, Иггельд это знал, сердце сжималось от жалости, хотелось плакать и хотя бы ухватить этих бедненьких малышей на руки и погреть за пазухой.

Дракониха несколько раз поднимала голову и смотрела на него, сперва враждебно, потом взглядывала лишь в первый момент, когда появлялся. За несколько дней, что торчал над краем котлована, свесивши голову, привыкла к нему, как и к большой корзине, в которой ей раз в день опускают большие глыбы мяса.

Корзина устроена таким образом, что, если дернуть за веревку, днище раскрывается, мясо вываливается прямо перед мордой драконихи, чтобы меньше двигалась и не давила детенышей. Правда, все равно встает раз в сутки, уходит в дальний угол котлована, где журчит, уходя в стену, вода, присаживалась, и в это время даже Иггельд отшатывался от поднимающейся снизу вони. Но тут уж ничего не поделаешь, надо, хотя и в этом случае все равно следила издали за детенышами, а когда возвращалась, ложилась на подстилку медленно и бережно, прислушиваясь, не пискнет ли протестующе снизу.

Уже со второго дня Иггельд научился различать детенышей, а их двенадцать, заранее мог сказать, какие выживут, а какие умрут от голода, сердце сжималось от жалости. Особенно несчастным выглядел крохотный дракончик, весь черный, в то время как остальные либо бледно-серые, либо серые с зеленым, а этот совсем черный, вечно опаздывал, его всегда отталкивали, а к соскам попадал, когда оттуда уже вытягивали молоко до последней капли.

Он слабел день ото дня, на пятый Иггельд чуть не со слезами на глазах смотрел, как крохотный дракончик, жалобно попискивая, пытается ползти к матери. Задние ноги волочатся, как перебитые, с трудом подтягивался на передних лапках, ему холодно и страшно. Мать в это время вылизывала другого, Иггельд метнулся к корзине, вскочил, быстро-быстро закрутил колесо, опускаясь вниз.

Дракониха головы не подняла, смотрела пристально громадными злыми глазами. Иггельд подхватил черненького жалобного дракончика, сделал три быстрых шага и приложил к сосцам матери.

Высоко вверху кто-то сдавленно ахнул. Иггельд держал черненького, приговаривал умоляюще:

– Ешь!.. Ну ешь же!.. Не умирай, ешь!..

Совсем ослабевший дракончик наконец захватил уже белыми бескровными губами сосок. Иггельд освободил одну руку, слегка прижал теплое вымя. Густое молоко пошло дракончику в рот, фыркнул, закашлялся, вяло мотнул головой. Глаза вытаращились, слабо махал передними лапками, стараясь высвободиться.

– Ешь, – говорил Иггельд, едва не плача. – Ешь, вот молоко... Ешь!.. Ешь, мой черныш, чернуш, чернышонок... Я не хочу, чтобы ты умирал!

Дракониха повернула голову, глаза грозно сверкнули. Дыхание стало громче, почти сделала попытку приподняться и достать дерзкого зубами, но вздохнула и опустила голову на камни. Плотные веки опустились, глаза погасли.

Наверху голоса стали громче, но Иггельд не поднимал головы, черненький дракончик начал хоть и слабо, но чмокать сам. Остальных Иггельд отпихивал растопыренными пальцами, больно бойкие, перебьются, и так уже как быки, топчете моего чернышика, моего чернулика, самого жалобного дракончика на свете...

Черныш налопался так, что заснул, не выпуская соска из порозовевшей пасти. Лапки дергались, словно полз к теплому боку.

Иггельд потихоньку оставил его там, попятился, только возле корзины повернулся, переступил через борт, но прикоснуться к колесу не успел, корзина сама пошла вверх с большой скоростью. Когда поравнялась с краем, увидел, что за ручку бешено крутит Ратша, а у борта застыли: Апоница, престарелый Якун и молодой энергичный наездник Шварн. Смотрят выпученными глазами.

Апоница покачал головой, из узкой груди вырвался тяжелый вздох.

– Фу-у... ты рехнулся, малыш!.. Это же зверь, а в такой период на всех бросается!.. Вон Якун по ней как угодно топчется, метлой уши чистит, и то сейчас близко не подходит!.. А ты?

Ратша закрепил ручку, глаза сердито поблескивали, но на Иггельда посматривал с некоторым уважением.

– Как он, а? – сказал почти весело. – Подбежал так это по-хозяйски! Мол, отодвинься, дура.

Апоница сказал строго:

– Еще раз сотворишь подобное – больше с драконами не общаться!

Иггельд взмолился:

– Но я же знал, что не тронет!

– Откуда знал?

Иггельд растерянно переступил с ноги на ногу, развел руками. Неожиданно старый и рассудительный Якун сказал неторопливо:

– Апоня, остынь... Он, конечно, рисковал, не спорю. Ты, Иггельд, больше так не делай, понял?.. А не тронула потому, что сам еще... щенок. Любого из нас сразу бы в клочья. И сожрала бы, как... как мясо. А он... гм... от него самого еще материнском молоком пахнет. Не сочла, что вот такое мелкое – угроза. Наверное, и его бы накормила!

Он захохотал, довольный шуткой, Иггельд побагровел от обиды, Апоница покачал головой.

– А что, все может быть. До сего дня за драконами ухаживали только взрослые.

Якун перестал хохотать, сказал серьезно:

– Это значит, что с помощью мальчика можно начинать заниматься молодым выводком намного раньше.

– Тогда уже с помощью мальцов, – буркнул Апоница. – Но где их взять столько? Это только Иггельд сумасшедший. Остальные грезят о мечях и кровавых схватках врукопашную. Впрочем, ты прав, этого мальчика я использую теперь на всю длину веревки.

С того дня Иггельд получил под личную опеку детенышей, но все равно для себя выделял этого самого жалобного дракончика, которого назвал Чернышом. Но главное, должен теперь спускаться в котлован и помогать драконихе с ее приплодом. Она вскоре привыкла и уже с третьего дня перестала грозно взрывать, когда массировал животики щенкам, чтобы опорожнили кишечник, а они на это жалобно пищали. Правда, после этого обязательно облизывала их сама, проверяла его работу.

Вообще-то с детства обожал драконов, грезил ими, лепил из глины их фигурки, говорил только о них и знал про драконов больше, чем иной из тех, кто их выращивал. Это и оказалось решающим, что Апоница, главный смотритель питомника, видя, как управился в тот раз, решил допустить к новорожденным, хотя мальчишка из чужаков, переселившихся в их город недавно, не имеет чести принадлежать к привилегированной касте повелителей драконов.

Иггельд с восторгом принял все, что касалось дракончиков: чистку, кормление, уборку нечистот, трехразовое приготовление пищи. Их приходилось постоянно щупать, массировать толстые животики, но делал все с удовольствием, счастливо, и Апоница, наблюдая за ним, уверился, что мальчишка на своем месте. Да и характер ровный, сильный, спокойный, твердый и терпеливый. Как раз то, что нужно, чтобы день за днем поворачивать воспитание дракона в нужном человеку направлении и так же терпеливо изживать то, что повредит потом.

Иггельд с жалостью видел, что эти детеныши грозного дракона – всего лишь ящерицы, у них нет своего тепла, греются только под горячим материнским боком да еще у него за пазухой. Только к концу недели у них появилось собственное тепло, хоть и очень слабенькое, начали открываться глаза и уши, но по-прежнему ничего не различают, судорожно тыкаются мордочками во все стороны, стараясь понять, что же за пятна появились в их уже привычном темном мире.

Ползали только на передних лапках почти месяц, и все это время упорно следил, чтобы более сильные не оттесняли Черныша от задних сосков, где молока больше всего. Уставал дико, до изнеможения. Однажды Апоница, не обнаружив его вместе с остальными работниками, подошел к котловану и увидел, что мальчишка скрючился под боком у драконихи. Апоница пару раз окликнул, но измученный малец спал мертвецки, а дракониха подняла голову и посмотрела с явным раздражением.

– Все-все, – сказал Апоница торопливо. – Ты права. Во всем права, не сердись... Я ухажу.

На следующий день ничего не сказал мальчишке, только начал присматриваться внимательнее. Тот уже настолько пропитался запахом дракончиков и так примелькался, что Якун прав: она уже допустила бы и до сосков. А возможно, так и бывало, ведь, чтобы пообедать, надо долго выбираться из котлована в корзине, а для Иггельда любое расставание с драконами кажется наказанием.

Правда, в первое время заботиться приходилось больше о самой драконихе, чем о ее выводке. Чтобы молока хватало на всех, ее кормили особо обильно. Перед ней, стараниями Иггельда, всегда стояла бадья с водой, он чистил огромное закованное в костяные доспехи тело, скреб, топтался на спине и колотил по бокам, она сладострастно кряхтела и пробовала перевернуться на спину, а он истошно орал, чтобы не задавила детей.

Правда, они сами поднимали визг, едва прижимала кому-то хвостик или лапку, но Иггельд тоже бдил, как никто. В результате только у нее выжили и уцелели все двенадцать детенышей, небывалое дело; когда выживала треть, считалось событием.

Апоница хмурился, качал головой.

– Перестарался, – сказал он недовольно. – Слабые должны умереть. Природа всегда отбраковывает слабых!.. А ты выходил всех. Ну и что? Допустим... только допустим!.. что слабые и дальше выживут и вырастут. Тогда и они дадут потомство. А уж оно точно будет большим и хилым.

– Черныш не слабый! – запротестовал Иггельд.

– У тебя доброе сердце, – упрекнул Апоница.

– Это плохо?

– Вообще-то хорошо, но доброта бывает малая и большая.

– Как это?

– А вот смотри. Ты пожалел самого слабенького, это хорошо, выказал доброту, не дал ему умереть. Теперь вырастет, даст потомство. Слабое. Уже не один слабый, а двенадцатеро. Придется убивать уже двенадцать детенышей... А разве одного убить труднее, чем двенадцать? Но если оставить жить, то в бою не покажут всей драконьей мощи. Или струсят... Или накинутся, без команды, не разбирая ни своих, ни чужих. Вот так малая доброта может привести к большой... гм... недоброте. Недоброте к людям и драконам.

Иггельд с тоской смотрел на крохотного дракончика, что уже ползал за ним на подгибающихся лапках, падал, скулил от горькой обиды, что могучий друг перестал обращать на него внимание.

– Он не слабенький, – выговорил он наконец, – он просто... отстаёт от других!

Апоница вздохнул. Широкая ладонь опустилась на голову мальчика.

– Ладно, почаще перекармливай к задним соскам. Там молока больше. А потом начинай подкармливать мясом. Первую неделю придется жевать для него самому.

– Все сделаю!

– Но материнским молоком старайся как можно дольше, – предупредил Апоница. – Ничто не сравнится с материнским! Никакая еда.

Самые крепкие и сильные дракончики пробовали взбираться на спину мамыши, у нее панцирь весь из плотно подогнанных костяных плит, крохотные коготки легко цеплялись за едва заметные щелочки, Иггельд не понимал, почему сразу настораживается и, едва начинают приближаться к загривку, грозно взрывается, слегка встряхивается, и все позорно катятся, как со снежной или покрытой травой горки.

Один, самый шустрый, сумел добраться до металлического штыря в ее загривке. Иггельд видел, как все ее тело конвульсивно дернулось, она приподнялась на всех четырех лапах и тут же рухнула обратно, но, к счастью, никого не придавила.

Теперь уже сам перехватывал шустряков, затеявших опасную игру в наездника драконов, ссаживал. Дракониша сперва следила с недоверием, потом то ли поняла, то ли увидела, что не обижает детей, тяжело вздохнула и опустила в полудреме тяжелые кожаные веки.

Однажды дракониша начала беспокоиться, даже отпихивала требовательно пищащих щенков. По совету Апоницы Иггельд подстриг им быстро подрастающие коготки, и дракониша успокоилась, позволяла подолгу теребить соски лапками, выдавливая остатки молока.

Через две недели Иггельд заметил, что дракончики часто пищат, много ползают и перебирают соски. Пришлось давать матери мяса на треть больше, щенки успокоились на целую неделю, затем все началось снова. Пробовали увеличить норму еды для матери, но все равно лежала исхудавшая, тощая, обессиленная.

Это был сигнал, что пора начинать прикорм. Иггельд так и сделал, но слабенького Черныша продолжал прикладывать к задним соскам. Остальные жадно глотали коровье молоко, потом молоко с куриными яйцами, затем уже пережеванное мясо, только Черныш еще целую неделю питался материнским молоком, но затем прорезались зубки, мать стала отпихивать кусачего, и Черныш поневоле перешел на мясо.

Детеныши сильно мерзли, от холода погибает почти треть, Иггельд своего любимца брал на руки и даже совал за пазуху, где тот отогревался и засыпал. Во сне крохотные лапки потешно дергались, а губы плямкали и вытягивались трубочкой: продолжал сосать материнское молоко.

Дракониха не обратила внимания, когда ушел с Чернышом за пазухой к корзине, покругил колесо и поднялся наверх. Весеннее солнце греет уже сильно, хотя воздух холодный, Иггельд сел на край каменного заборчика, потихоньку приоткрыл рубашку, чтобы дракончик увидел солнце. Он в самом деле увидел, фыркнул, зажмурился, потом попробовал ухватить зубами, а когда не получилось, вытянул переднюю лапку.

Иггельд засмеялся:

– Не достанешь!.. До него даже Ратша не дотянется. Лучше грейся, солнышко – это хорошо...

Сбоку раздался негромкий голос:

– Это с кем разговариваешь?

Апоница подошел, редкие брови удивленно всползли на лоб. Был он худой, сторбленный, костлявый, уже немолодой, но семьи у него, говорят, так и не было, из-за драконов, по слухам, так и не успел связаться с достойной женщиной, а недостойные сами не стремились связывать себя прочной веревкой брака.

– Я его на солнышко, – пролепетал Иггельд испуганно. – Я сейчас обратно, это на чуть-чуть... Она видит, что я ничего, что я только на солнышко...

Дракончик с любопытством смотрел на Апоницу, но пахнуло свежим ветерком, мордочка недовольно сморщилась, он юркнул обратно, видно по вздувающейся рубашке, как топчется, устраивается поудобнее.

– Приручаешь? – спросил Апоница. К удивлению Иггельда, сел рядом на прогретый солнцем камень, с удовольствием запрокинул голову, подставляя белое изрытое морщинами лицо уже жарким лучам. – Это бесполезно...

– Я его просто люблю, – возразил Иггельд.

– Это другое дело, – проговорил Апоница. Глаза закрыл, прямое солнце убрало тени от морщин, лицо казалось почти молодым. – А приручать – бесполезно...

– Почему?

– Драконы все еще звери дикие, – разъяснил Апоница. Повернул голову, приоткрыл один глаз. Увидев непонимание в глазах Иггельда, с улыбкой добавил: – Как и кошки.

– Кошки? – переспросил Иггельд. Оглянувшись, совсем недавно через дорогу перебежала тощая кошка с мышью в зубах, переспросил: – Разве кошки... дикие?

Апоница снова опустил веки, тяжелые и набрякшие, как кожистые шторы на выпуклых глазах дракона, сказал мягко, наслаждаясь теплым солнышком, весной, чистым воздухом, пока ветерок относит вонь из котлованов в другую сторону:

– А ты сам подумай... Возьми для примера свинью. Как зовется свин?.. Правильно, кабан. А их детеныш?.. Верно, поросенок. А если взять кобылу?

Иггельд ответил послушно, еще не понимая, к чему клонит старый смотритель:

– Кобыла, конь, жеребенок.

– Корова?

– Корова, бык, теленок!

– Видишь, как у всех свои названия. А у собаки?

– Кобель, сука, щенок. Еще можно – пес... Понимаю, овца, баран, ягненок, а у кошки только: кошка, кот, котенок?

Апоница кивнул, голос ласковый, он жмурился и нежился, как кот на солнце.

– Видишь, сам разобрался. Для домашних у нас есть названия для всех, а для диких – одно. Вот если волк, то как ни крути, а есть только волк, волчица и волчонок. Так и дракон: нет своего названия для самки, для детеныша.

Иггельд возразил:

– Но ведь кошка не дикий зверь!

– Дикий, – ответил Апоница просто. – Слишком мала, чтобы охотиться на людей, но ей хватило ума, чтобы жить среди людей, раз уж не охотятся на нее. Мышей в людских поселениях больше, чем в лесу или степи, там нет таких складов с зерном, вот кошки и прижились, приспособились. А были бы с крупных собак или же с телят, то вполне охотились бы на людей. Нет кошки, что выскакивала бы навстречу хозяину, как выбегает пес, ни одна кошка еще не визжала от радости, не прыгала ему на грудь, не тосковала о его гибели, не пыталась защитить! Точно так же и дракон на человека не очень-то обращает внимание. Подчиняется, как подчиняются нам кошки, когда уступают дорогу, опасаясь пинка.

Иггельд вытащил из-за пазухи и поднял черненькую жабу ближе к лицу. Тотчас же выметнулся розовый язычок, и, как ни быстро Иггельд отодвинул дракончика, тот успел лизнуть в нос. Все четыре короткие лапки протестующе махали, стараясь зацепиться за воздух. Дракончик извивался всем телом, но Иггельд держал крепко, начал почесывать горбатую спинку, и дракончик сразу разнежился, лапки повисли, пасть приоткрылась, а выпуклые глаза смотрели на огромного человека с обожанием.

– Не знаю, – ответил он слабо, – но я его люблю. Очень люблю!.. И он меня... тоже.

Апоница сказал грустно:

– Пока что чувствует от тебя тепло и ласку. Ладно, неси обратно. Это плохо, что привыкаешь.

– Плохо? Почему?

Апоница нахмурился, голос прозвучал глухо:

– Плохо.

ГЛАВА 2

Он самозабвенно возился в котловане с этими быстро растущими ящерицами, когда высоко над головой зазвучали незнакомые голоса. У барьера появились богато одетые люди, дородные, в теплых одеждах из дорогого и редкого меха. Апоница склонился над каменным барьером, указывал вниз, что-то говорил быстро и заискивающе.

Иггельд ощутил недоброе, рядом с Апоницей появился Якун, тоже взволнованный, лицо побледнело, покрылось красными пятнами, будто переел лисьих ягод. Иггельд уловил быстрый взгляд, что бросил на него Якун, уловил незаметный взмах руки, но не понял, что надо делать, на всякий случай перестал играть с детенышами и пошел менять воду.

Апоница крикнул:

– Иггельд, раз уж ты там, возьми дракончиков и отнеси по одному вон к тому краю!

Иггельд, гордясь силой, ухватил сразу двух, отнес, пыхтя, в указанное место. Один из богато одетых сказал, смеясь:

– Крепкий мальчишка!.. Уж его точно выбраковывать не стоит.

Другие тоже смеялись, кто искренне, кто угодливо, но все внимательно следили, как детеныши, разлученные с матерью, с жалобным визгом поползли обратно. Их задние лапы волочились, как перебитые, оба скулили, дракониха вскинула голову и смотрела внимательно. Апоница прикрикивал повелительно, удерживая ее на месте. Малыши совсем выбились из сил, один полз все медленнее, другой распластался и жалобно скулил.

Иггельд хотел подбежать и отнести, но Апоница сказал незнакомым голосом:

– Стоять!.. Не мешай.

Первый дракончик кое-как дополз до материнского брюха, ткнулся мордой в теплое вымя, но так измучился, что сразу заснул. Второй начал ползти, снова остановился, опять прополз пару шагов...

Иггельд слышал голоса:

– Я полагаю, со вторым ясно...

– Да, конечно.

– Погодите, – возразил третий голос, – может быть, остальные будут такими, что и второй покажется бегуном.

– Да, вы правы, сперва пересмотрим всех...

– Запомнили, у этого хвост почти белый?..

Апоница кивком позволил Иггельду отнести к матери и второго, сказал:

– Донесешь еще двух?

– Легко, – ответил Иггельд, деваться некуда, хотя в тот раз думал, что глаза лопнут от натуги, дракончики прибавляют в весе с каждым днем. – Туда же?

– Да.

Он отнес и остановился, приходя в себя, а дракончики резво поползли обратно. На этот раз добрались к матери без передышек и остановок, почти вровень. Апоница кивнул удовлетворенно, но лицо оставалось все еще встревоженным.

Третья пара тоже оказалась резвой, хотя второй отстал, и намного, но просто первый не полз, а почти бежал. Иггельд видел, что этого взяли на заметку особо, указывали Апонице, он кивал и улыбался. Четвертая пара была последней, которую Иггельд донес, да и то дважды ронял по дороге, потом, к его стыду, пришлось носить дракончиков по одному. Правда, оставалось всего четверо.

Сердце его похолодело; наконец-то дошло, что эти нарядные и празднично одетые люди и есть те безжалостные убийцы, что всякий раз обрекают на смерть половину, если не больше,

любого потомства вот так в первый же отбор. А потом, через два месяца, и второй, когда снова половину на смерть, останется только трое, а потом и вовсе один...

В глазах закипели слезы. Последние два ползли вяло, хотя выглядят крепкими и здоровенькими, то ли переели, то ли хотят спать, но ползут едва-едва, два таких толстеньких комочка, по дороге тычутся мордочками во все выпуклости, отыскивая теплый бок матери.

Голоса над головой раздавались недолго. Когда Иггельд всех детенышей расположил у матери под брюхом и поднял взгляд, над барьером оставался только Апоница. Иггельд потащился, донельзя усталый, к корзине. Апоница сам взялся за ручку, начал вертеть, а Иггельд вертел вторую, внизу, так поднялся вдвое быстрее.

– Якун повел их угощать, – объяснил Апоница. Он усмехался, но в глазах была грустная ирония. – От них многое зависит...

– Почему?

– Знатоки, – объяснил Апоница лаконично.

Они сели рядом на каменный заборчик, Иггельд чувствовал, что и бывший наездник драконов испытывает к нему симпатию, хотя ему, Иггельду, едва исполнилось четырнадцать, а наезднику, подумать только, какой старый, уже почти пятьдесят!

Иггельд спросил тоскливо:

– Ну почему, почему отбор так рано?

– Ты же сам видишь, – сказал Апоница с мягким упреком, – кто из них едва жив, а у кого тельце сильное и крепкое. Это видно уже на вторую-третью неделю. Но только через два месяца станет видно, какой детеныш смирный, какой трусливый, а какой чересчур злобный. Мы и так первый отбор проводим только в этом возрасте, чтоб уж совсем точно, хотя напрасно переводим драконье молоко. Потом проводим отбор уже среди сильных, но отбраковываем крайности: чересчур трусливых и чересчур раздражительных... Тут затягивать нельзя, потом вставлять штыри поздно. Или очень трудно. Уже бывало нехорошее...

Иггельд помрачнел. Хоть и говорят, что в раннем возрасте дракончики еще ничего не чувствуют, но почему же они тогда так жалобно кричат, визг и писк доносятся даже до города? И зачем их напаивают дурман-травой?

– Один штырь, – сказал Апоница, словно ощутив мысли мальчишки. – А раньше вживляли в шею три!... Да, на старых рисунках у дракона три штыря. И наездник сидел чуть ближе к спине, штыри на расстоянии растопыренных рук. А теперь мы научились пользоваться одним, дракону не так больно... Иггельд, не переживай так! Разве коню не больно от шпор? Разве не пользуются плетью, хлыстом? А удила, которыми всадник рвет коню рот, тому в радость?

Через две недели, помнил Иггельд, старшие смотрители придут снова. Черныш едва-едва в прошлый раз прошел отбор, но сейчас из шести оставшихся если не самый слабенький, то почти самый, другие уже дерутся друг с другом, играя, а Черныш отползает в сторону и смотрит на них большими непонимающими и, хуже всего, испуганными глазами.

Он безвылазно находился в питомнике трое суток, почти не покидал котлована, чтобы не пропустить Хоту Золотой Пояс, главного оценщика. Тот явился после сытного обеда, устроенного в его честь в доме главного смотрителя драконов. За ним неспешно двигались, посапывая и сыто взрыгивая, шестеро членов городского совета.

Иггельд взял на руки Черныша, тот сразу попытался вскарабкаться ему на плечо, Иггельд не пустил, прошептал на ухо:

– Ты должен показать себя сильным и здоровым!.. Постарайся! Я очень тебя прошу!

Наверху заблистали яркие одежды, он отпустил Черныша к остальным, тот сразу заспешил к маминому брюху. Над барьером показалась голова главного оценщика, Хоты Золотой Пояс, рядом появились еще четверо, все рассматривали драконицу и ее потомство холодно

и оценивающе. Хотя окинул взглядом молодняк, нос поморщился, Иггельд вздрогнул, когда сверху донесся неожиданно резкий неприятный голос:

– Эти два слева чересчур нежные. Медленно соображают, суетливые, костяк хрупкий, утонченны. Мускулатура слабая, плоская. Суставы нерельефные, грудь узкая... Такие часто болеют, до взрослости обычно не доживают, их нужно кормить особо, беречь от жары, холода, ветра, даже от дождя... тьфу! Что вы мне показываете?

Апоница сказал суетливо:

– Это те, что остались от прошлого отбора! А взгляните на вон тех двух...

Иггельд тоже посмотрел на дракончиков, те в сторонке затеяли возню друг с другом, а сверху тут же раздался брюзжащий голос:

– А эти суховаты. Такие возбуждаются по любому поводу, бросаются на стены, а когда надо в бой, уже лежат с высунутыми языками. Эти покрепче, чем те... нежные, но все равно для боя не годятся. Нет, они не струсят, но зачем вам, чтобы бросались в бой, не слушая команды?

Подошел еще один, Иггельд не знал, кто это, не из дракозников, тогда бы узнал, явно один из тех загадочных и страшных людей, что дают деньги на прокорм, дают то больше, то меньше, а могут, как не раз он слышал разговоры взрослых, могут и вовсе перестать давать, драконы почти не приносят прибыли. Он держался гордо, спесиво, перед ним гнулись, а он заговорил громко и важно, любуясь каждым словом:

– По голове дракона можно понять о нем все! Величина головы и выступающие кости говорят о развитости всего костяка, грубости или нежности телосложения. Голова дракона бывает грубой, тяжелой или сухой...

Иггельд посматривал на дракозников, слушают эту чушь, как будто слышат впервые, ни один не повел даже бровью, когда этот важный заявил, что у здорового дракона кончик носа всегда влажный, если не спит, конечно, и не болен, ни один не сказал, что здесь это все дети знают, молчали и кивали, пока он не устал или не сказал уже все, что знал о драконах...

– Ну-ка, – раздался наконец сверху рычащий голос Хоты, – давай собирай всех в корзину...

Иггельд не понял, что и зачем, послушно носил детенышей, дракониха подняла голову и наблюдала за ним, а когда он отнес последних, забеспокоилась, поднялась, явно намереваясь пойти следом и в пасти попереносить всех обратно.

– Давай! – раздался сверху голос.

Раздался страшный хлопок с треском, Иггельд невольно вздрогнул, это наверху кто-то ударил дубиной по туго надутому бычьему пузырю, и тот лопнул. Одновременно упали стенки корзины, трое детенышей с жалобным писком помчались к матери, Черныш спешил третьим, но не потому, что испугался меньше, он от ужаса спотыкался и падал, в то время как другие неслись почти прыжками, добежали до материнского брюха и прижались, дрожащие, перепуганные.

Лишь трое щенков не бежали, хотя один сперва было выскочил, но тут же начал с любопытством осматриваться, отыскивая, что же это за странный новый звук. Двое остались в корзине, один рыча скалил зубы, а второй пытался взъерошить несуществующий гребень на спине.

Сверху послышались голоса:

– Я думаю, все ясно...

– Да, не пришлось долго отбирать...

– Удачно, что все они проявили себя так явно.

– И так ярко! Никаких колебаний.

– Вы тоже так думаете? Тогда на этом и решим. Апоница, из этих трех одного отберем через неделю, а тех можете сегодня же... Поздравляю, эти показали себя неплохо. В прошлом помете, как вы помните, только один не струсил. Да и то, гм, можно сказать, с натяжкой.

Голоса отдалились, истончились, стихли. Дракончики, не слыша повторения странного звука, пошли к матери. Пошли неспешно, без страха, с достоинством. Иггельд потерянно смотрел на Черныша, в глазах зашипало, испуганный дракончик задрожал и расплылся, а его огромная мать как будто вошла в огромное серое облако и ворочалась там, утробно вздыхая.

Ноги дрожали, он весь трясся, как осиновый лист, а когда пошел к корзине, его повело в сторону, и он ударился о каменную стену. Наконец перенес ноги через край, ухватился за ворот. Пошло очень легко, а когда поднялся, Апоница закрепил ручку и сделал шаг навстречу. Морщинистое лицо старого наездника было грустным, в глазах Иггельд увидел море сочувствия.

– Сядь, – предложил Апоница мягко, – переведи дух. День был трудным и... тяжелым.

Иггельд вскричал, слезы брызнули из глаз:

– Что, это все? Все?

– Все, – подтвердил Апоница.

– Так быстро?

– На этот раз... да.

Он заплакал громче, плечи затряслись, рыдания распирали грудь и становились комом в горле.

– Но разве так можно? Так просто?

– Это жизнь, – сказал Апоница.

– Я не отдам!.. Я не отдам его убивать!

Апоница с сочувствием привлек его к себе на грудь, широкая шершавая ладонь с твердыми мозолями с неловкостью прошлась по спине, по плечам, пригладила волосы.

– Я понимаю, – сказал он тихо. – Думаешь, я с легким сердцем отдаю на смерть? А чего же я тогда в такие вот дни напиваюсь... трое суток меня корчит! А за все эти годы должен бы привыкнуть, как думаешь?

Иггельд оторопел, даже слезы высохли. Неверящими глазами смотрел на главного смотрителя. Да, все знали, и он знал про запои лучшего знатока драконов, но как-то не приходило в голову связать их с отбраковкой молодняка.

– Как же вам тогда плохо, – вырвалось у него.

– Очень, – признался Апоница. – Но что делать? Ты можешь предложить другой выход?

Иггельд дернулся.

– Нет, не могу!.. Но и отдать Черныша на смерть не могу. Это же мой... Я его с рук кормил! Он мой палец сосет, когда спит. Он такой теплый, такой ласковый... Он все понимает!

– Он слабый, – обронил Апоница грустно.

– Он не слабый!

– Слабее других, – уточнил Апоница.

– Ну и что?

– Для дракона, малыш, это самое главное – не быть слабым. И так намного слабее людей... в сравнении, конечно. У человека почти все рождаются нормальными, уроды – редко. У драконов почти все уроды, ты сам видел безглазых, безлапых, двух- и трехголовых... Другие вроде бы с виду нормальные, но не смогут давать племя, у кого-то не отрасли крылья, иные помрут от неведомых болезней... Это все наказание, как говорят маги, за грех подражания Творцу. А по-моему, никакое это не наказание, а просто неумение сотворить живое. Одно дело Творец, другое – эти критиканы, что решили утереть нос старику и показать, как надо. Так что, если хотим спасти драконов, должны заранее отбраковывать всех, кто помешает полноценным. Иггельд, мы могли бы прокормить вдвое больше драконов. Даже втрое!.. Но отбираем только самых здоровых. И то, сам видишь, сколько больного потомства от этих самых здоровых.

Он говорил тихо, с болью, потрясенный Иггельд наконец смутно ощутил ту огромную тяжесть, которую несет на себе смотритель, но тут же душа испуганно запахнулась, он вскрикнул:

– Я ничего не хочу понимать! Я не хочу, чтобы мой Чернышник умер! Не хочу, чтобы его... убили.

Апоница привлек его к себе, широкая заскорузлая ладонь гладила по голове, а Иггельд, уже не сдерживаясь, рыдал навзрыд. Плечи вздрагивали, весь трясся, слезы выходили трудно, уже не светлые детские, а горькие мужские, слезы жгучей потери.

Апоница сказал мягко:

– Пойди погуляй. Если хочешь, отдохни день-другой. Работал тяжело, за троих взрослых мужчин. Заслужил отдых. А потом, когда наберешься сил, приходи.

Иггельд спросил горько:

– А Черныша за это время убьют?

– Не Черныша, – объяснил Апоница, он поморщился. – Я всегда против того, чтобы давать имена детенышам. Потом они как будто уже... ну, почти люди. Даже больше, чем люди. Родственники! Не Черныша убьют, а среди детенышей выберут самого сильного, понял? И отважного. Так это называется. Называется правильно.

Иггельд покачал головой.

– Черныша... Черныша убьют...

Апоница помрачнел, сказал зло:

– С сегодняшнего дня всякого, кто даст имена детенышам до последней выбраковки, – выгоню! И назад не приму. Путь Куявии – уменьшать страдания человеческие.

Закат на редкость долгий, а облака громадились в несколько этажей, снежно-белые сверху и раскаленно-красные снизу, даже видно, как пылают днище, рассыпаясь на пурпурные угли. Ночь не приходила и не приходила, он измаялся, истомился, наконец пурпур на небе сменился багровостью, а та уступила темной синеве, на смену которой наконец-то пришла звездная чернота горной ночи.

Он прокрался из дома, дядя уже заснул, как и его жена с детьми, воздух снаружи показался даже теплым, хотя на самом деле не успел остыть после теплого июньского дня. На улице тихо, от корчмы доносятся шум, песни и треск табуреток.

У котлована горят два смоляных факела, а над местом, где раньше спускали лестницу, а теперь – корзину, настоящий фонарь с двойными стенками из бычьего пузыря. Корзины нет, он пометался вдоль котлована, пока не наткнулся на запертый сарай. Замок огромный, а ключ, как он помнит, только у Апоницы.

Сердце застыло, похоже, Апоница что-то чувствует, никогда раньше не запирает корзину. Никто в здравом уме не полезет ночью в котлован к драконихе с ее выводком, а если и полезет, то таких не жаль, среди людей тоже нужна чистка от больных, слабых и дураков.

Он уже отчаялся, когда вспомнил о мастерской Якуна, у того всегда на стенах мотки веревки. Волосы встали дыбом от одной только мысли, что украдет, нарушит, по всему телу пробежала волна страха. Поколебался, однако ноги уже несли к мастерской, дрожащие пальцы тихохонько взялись за дверную ручку.

Отворилось без скрипа, через окошко падал слабый лунный луч, но и без него Иггельд отыскал бы веревки, их здесь множество: толстых, тонких, гладких, как будто смазанных жиром, и мохнатых, будто со вставшей дыбом шерстью.

Вскоре, закрепив веревку за столб у заборчика, спустился по темной стене в еще большую темноту. Сильный запах могучих зверей достиг ноздрей внезапно, Иггельд успел удивиться, почему же раньше не обращал внимания, потом подумал, что днем и так много впечатлений, а сейчас в полнейшей темноте только и надежда на запахи...

Ступни наконец коснулись твердого. Иггельд постоял, прислушиваясь, но лунный свет не доставал до дна котлована, тот казался перерезанным наискось пополам: верхняя часть залита

слабым призрачным светом, извиваются струйками воздушные потоки, поднимаются, а здесь придется идти на ощупь...

Впереди послышался грозный всхрап. Иггельд остановился, прошептал:

– Это я, Иггельд!.. Не раздави меня нечаянно.

Дальше продвигался, стараясь не поднимать ноги высоко, чтобы не опустить на спину или голову нечаянно отползшего дракончика. Запах становился сильнее, в лицо пахнуло жарким и влажным теплом, он догадался, что стоит перед пастью драконихи. В темноте вспыхнули, казалось, два светильника, желтые, приглушенные, Иггельд застыл: никогда раньше не видел, что у драконихи глаза светятся.

– Это я, – повторил он с трудом. Плечи затряслись, он повторил: – Это я... Дай мне Чернышка... я просто поиграю с ним. Дай, я ему не сделаю больно... Я сберегу, я его люблю... Ему со мной будет хорошо...

Наклонившись, он щупал спинки, тельца, и одно извернулось под его пальцами, руку пригнуло к земле, и по ней поползло, вгоняя острые коготки в старенькую одежду из невыделанной кожи, тяжеленькое существо.

– Черныш, – прошептал Иггельд с нежностью. – Мой горбатенький... Сам почувал меня...

Он поднялся, в полутьме смутно виднелась огромная серая масса, огромные, как миски, желтые глаза рассматривали немигающее пристально. Пахнуло тяжелым животным теплом.

– Я его спасу, – прошептал Иггельд. – Я вынесу отсюда и... спасу! Это не похищение, понимаешь?

Он начал отступать, не сводя взгляда с этих горящих недоверчивых глаз. В темноте послышался мощный вздох, в лицо ударила тугая волна перегретого влажного воздуха, чуть не сбила с ног. Глаза медленно гасли. Иггельд, едва не падая, повернулся и поспешил к стене.

Черныша пришлось пересадить на плечо, дракончику там не понравилось, попробовал забраться на голову, едва не свернул шею. Растопыренные пальцы наконец ухватили веревку, Черныш в это время переползал с плеча на плечо и едва не сорвался, но с такой силой вонзил когти, что проткнул коготками ветхую кожу рубашки насквозь. Боль стегнула по всему телу, хотя Черныш вцепился только в шею.

– Сиди тихо, – прошептал Иггельд. – Иначе я не смогу тебя спасти!

Он начал подниматься по веревке, ее раскачивало, Черныш похрюкивал, уверенный, что это новая игра, и поглубже вонзал коготки. Иггельд добрался до края в полуобморочном состоянии, по спине под рубашкой ползли теплые капли. Он перевалился через край, упал, стараясь не придавить Черныша, из-за чего больно ударился о камни лбом, ночь на мгновение озарилась искрами, но только он сам, ослепленный, ничего кроме искр не увидел.

Домой пробрался тихонько-тихонько, но здесь везение кончилось: со второго этажа по лестнице спускался дядя, ступеньки поскрипывали под грузным телом, в ночном халате, в растоптанных башмаках и с фонарем в руке.

– Так вот ты где? – сказал он ворчливо. – Все бегаешь по ночам? Воровать начал, что ли... Боги, что это у тебя?

Черныш, сидя у большого и всемогущего друга на заливке, смотрел бесстрашно и с любопытством. В больших зеленых глазах отражался маленький толстенный человечек с непонятной штукой в руке, надо попробовать ее на зуб. Ортард отшатнулся, едва не выронил фонарь.

– Это дракончик, – сказал Иггельд торопливо. – Его зовут Черныш.

– Что за Черныш?

– Он ласковый и добрый...

– Убери эту гадость! – вскрикнул Ортард. – Это что же за толстая жаба... или раскормленная ящерица в моем доме! Выброси ее, сковырни... сошвырни с себя!

– Это Черныш, – торопливо повторил Иггельд. Голос дрожал, он почти захлебывался словами: – Его нельзя выбрасывать, он стоит дорого!.. Правда, дорого! Вы же знаете...

Ортард приблизил с опаской фонарь, Иггельд отвернул голову, ослепленный, а Ортард, морщась и зло кривя губы, рассматривал Черныша, а тот с интересом рассматривал огромного человека с непонятной светящейся штукой в руке. Здесь, в теплом и надежном месте, совсем не страшно. Всегда можно быстренько сползти вниз и спрятаться за пазуху, там тепло, уютно и безопасно.

– Зачем принес? – спросил Ортард все еще враждебно. – Отнеси и брось обратно в яму!

Он стоял на лестнице, загораживая дорогу наверх. Иггельд потоптался на месте, осторожно попытался снять Черныша, тот еще сильнее вогнал когти в ветхую одежду, снова зацепив тело. Иггельд постарался не дрогнуть лицом, а Черныш, очутившись на руках, довольно захрюкал и начал умищаться поудобнее, из-за чего Иггельда раскачивало, как тростинку на ветру.

Привлеченная громким голосом, в боковых дверях спальни показалась заспанная жена Ортарда, достославная, ее так и называли, достославная Греманна. Волосы цвета старой соломы стояли торчком, заспанное лицо походило на грудь недожаренных оладий, глаза едва смотрели из щелей между припухших век.

– Что за шум? – спросила она недовольно. – Дети ж спят...

Увидела Черныша, рот округлился для вопля. Ортард сказал торопливо:

– Не вопи! Город перебудишь.

Греманна посерела, и без того серое и рыхлое лицо стало уже не горкой оладий, а свернулось в ком сырого теста. Иггельд с тоской вспомнил, что никогда не позволяла ни ему, ни своим забитым детям даже спрашивать о щенке или котенке. Однажды Чилбук и Кеич, младшие дети Ортарда и Греманны, подобрали и притащили домой жалобно мяукающего котенка, так она по возвращении вышвырнула в окно, детей нещадно выпорола. Котенок, не разобравшись, вернулся в дом, где дети снова накормили и обогрели, она выпорола детей еще жестче и велела занести эту гадость подальше и утопить.

Сейчас он в беспомощности переступал с ноги на ногу, наконец собрался с духом, выпалил:

– Это Черныш!.. Он самый умный!.. Но его зрители сегодня убьют...

Ортард спросил рассерженно:

– За что?.. Хотя убьют и убьют, им виднее.

– Он не самый быстрый, – ответил Иггельд. – А им нужен самый быстрый...

Ортард сказал резко:

– Все. Хватит болтовни! Ты явился с этой гадостью, перебудил всех, а теперь еще хочешь занести эту дрянь в дом? Так?

– Так, – ответил Иггельд упавшим голосом. Самому теперь показалось глупым, просто куда еще мог пойти. – Я... я только зайду наброшу на плечи что-нибудь... а то холодно...

– Ночью всегда холодно, – фыркнул Ортард. – Мы ж не на равнине, здесь горы, если заметил! Ладно, иди. Но я не уйду спать! Подожду здесь, пока не унесешь эту пакость!

Иггельд торопливо проскользнул в комнатку. Чилбук и Кеич спали, но Елдечук, старший сын Греманны, проснулся, тер глаза, таращился сонно.

– Ты че? – спросил он сонно. – Ты это... ой, че это у тебя?

Иггельд осторожно опустил Черныша на пол. Тот замер, опасливо приглядываясь и принюхиваясь, прежде чем сделать шаг в незнакомом месте. Елдечук вытаращил глаза, свесился с постели. Иггельд торопливо перебирал нехитрые вещи, собрал теплое, сунул в мешок, взял лук, колчан со стрелами и повесил за спину.

Елдечук разрывался между диковинным дракончиком и сводным братом, что ведет себя так непонятно.

– Что случилось?

– Я ухожу, – ответил Иггельд.

Эти слова вырвались сами, но тут же сообразил, что в самом деле уходит, ничего другого не придумать, как уйти из этого дома, уйти отовсюду, где Черныша обрекли на смерть. Елдечук смотрел вытаращенными глазами, спросил шепотом:

– Можно его потрогать?

– Только не напугай, – сказал Иггельд. Он осторожно открыл окно, тихонько скрипнуло, он замер, скрип показался оглушительным. – Все, Елдя, прощай!.. Подай мне Черныша.

– Его зовут Черныш?

– Давай его сюда.

Елдечук, страхась дракончика и донельзя гордый, сграбастал и, покраснев от натуги, поднял до подоконника. Иггельд принял на руки, потом наконец сообразил, что и Черныша можно в мешок. Тот отчаянно забарахтался, Иггельд запихал с силой, стукнул по голове, и Черныш присмирел, понял, что здесь свобода заканчивается, где-то буянить и сопротивляться можно, а где-то нельзя.

Елдечук спросил жалобно:

– А когда придешь?

– Когда-нибудь, – ответил Иггельд. – Когда-нибудь.

Мир уже спал, спали люди, звери и птицы, только соловьи, они как будто не птицы, пели тщательно, виртуозно, очень умело и красиво, днем слишком много грубого шума и грубых звуков, днем кричат, полагая, что поют, грубые неотесанные птицы, и потому соловьи молчат, а вот сейчас, ночью, поют и поют, и неважно, что нет слушателей, соловьи поют потому, что не могут не петь... и к тому же знают, что хоть один человек в огромном городе да не спит, слушает, а им лучше один вот такой слушатель, чем целая толпа пьяных гогочущих мясников.

Он скользнул вдоль глухой стены дома, перелез забор и оказался на улице. На миг представил злорадно, каким будет лицо дяди, когда подождет-подождет, а потом красный от гнева пойдет в детскую комнату, готовый разорвать на части, а там обнаружит только спящих детей, если Елдечук не перебудит Челбука и Кеича и не расскажет им, что приходил Иггельд и приносил настоящего дракона, вот такого огромного, в двери не пролезал, вон царапины на косяке...

Злорадство испарилось, едва подумал, что в самом деле ведь ушел, а куда идти, во всем городе нет человека, который приютил бы с дракончиком на руках, да еще с таким, которого надо утопить как непригодного.

ГЛАВА 3

Черныш отчаянно барахтался в мешке, пришлось переложить за пазуху. Там сразу свернулся клубочком и затих. Но едва вышли из дома, Иггельд сделал пару шагов и с разбегу наткнулся на столб из металла, так показалось. Вскинул голову, на него смотрел огромный и красный, словно выкованный из красной меди, гигант Ратша. Сердце Иггельда застыло, а за пазухой, как назло, зашебурилось. Не успел перехватить, из распахнутого ворота высунул голову Черныш.

Ратша крикнул, спросил гулким, как из пещеры, голосом:

– Ого, что это у тебя?

– Это?.. Да это так просто...

– У тебя зверь за пазухой, парень.

– Это не зверь, – ответил Иггельд затравленно.

– А кто?

– Черныш!

– Ах, Черныш, – протянул Ратша. – И куда ты его несешь?..

Голос звучал строго, Иггельд посмотрел в широкое лицо, Ратша уже не улыбался, смотрел внимательно, рука лежит на плече Иггельда, пальцы в любой миг могут стиснуть так, что захрустят косточки.

– Он... – выдавил Иггельд. – Он...

– Ну-ну, говори.

– Его забраковали, – выдавил с трудом Иггельд. – Он должен умереть...

Пальцы на плече разжались. Иггельд не поверил глазам, огромный человек кивнул, произнес с сочувствием:

– Да, это тяжело. Когда человек гибнет, так ему и надо, не жалко. А вот этих... да, жалко. Не знаю почему, но жалко. Ладно, неси, попрощайся с ним.

Иггельд миновал гиганта, еще не веря, что пронесло, пустился бежать, опомнился не раньше, чем ноги вынесли за пределы города и обжитой долины. Дыхание из груди вырывалось с хрипами, пот выступил на лбу, а между лопатками взмокло. Мешок, туго привязанный, разболтался при беге, надо бы остановиться и привязать снова, но сейчас уже никто не гонится, да и не гнался, а при ровной ходьбе в спину не колотит, только от него жарко даже в эту холодную ночь.

Он отчаянно прикидывал, куда пойти и что делать, а ноги все несли и несли навстречу рассвету, и когда солнце показалось из-за края, город уже лежал далеко внизу у ног, а он по узкой тропке забирался все выше и выше в горы. И тогда понял, что неосознанно уже решил, где спрячется, переждет, пока минует для Черныша опасность, а потом вернется в город с большим и сильным дракончиком, здоровым и быстрым. И все увидят... И все поймут, и все скажут...

Высоко в горах есть еще долина – маленькая, холодная и негостеприимная, насквозь продуваемая свирепым северным ветром, из-за чего там никто никогда не селился. Иггельд поднимался туда однажды, в надежде подстрелить горного козла, начался снегопад, а следом – метель, наверняка пришлось бы превратиться в ледышку, но просто чудом обнаружил, что одна из щелей ведет в пещеру, просторную, сухую, чистую, а через пещеру к тому же бежит ручеек с чистой водой.

В тот раз переждал метель, выбрался через заметенный снегом вход, увидел свежие следы коз, поохотился и с добычей вернулся в город. Потом еще поднимался в ту долину, всякий раз добывал либо козла, либо барана, а то и дикого кабана: в уголке долины приютилась небольшая

дубрава, там обитало целое стадо свиней. На них никто не охотился, и если бы им было что жрать, заполонили бы всю долину и хлынули бы вниз неудержимым потоком.

Сейчас торопливо поднимался по знакомым местам, уже год не был здесь, с тех пор, как полностью посвятил себя драконам. Ничего не изменилось, это же горы, а не быстрорастущая трава...

Звезды колыхались в небе при каждом шаге. Вообще-то в горах никто не смотрит на звезды, это не ровная, как стол, степь, где иначе заблудишься, в горах ориентирами служат вершины. Он знал, что, кроме него, почти никто ни разу не поднимался выше Города Драконов, только слышали, что в самых горах есть еще клочок ровной земли, там горы источены норами, но никто там не живет, там такие свирепые ветры, что замораживают даже драконов.

Он поднимался, поглядывая на звезды и вершины гор, воздух становился все холоднее, а к утру, перед восходом солнца, ему казалось, что он попал в разгар зимы, дыхание замерзло прямо на губах, облачко пара вылетало белое, сразу превращалось в крохотнейшие снежинки.

Солнце поднялось из-за сверкающих вершин, ослепило, он некоторое время стоял, держа одной рукой за стену, другой прикрывал глаза. В двух шагах начинается обрыв, бездна, придется идти вот так, вдоль обрыва, а дальше, насколько он видел, тропка даже сужалась, над обрывом придется продвигаться, чуть ли не прижимаясь к стене животом... Или спиной, если захочет смотреть в бездну.

Он хотел повернуться к пропасти спиной, но зашевелился Черныш, начал брыкаться. Задняя лапешка запуталась в рубашке, и если вот так толкнется в стену, как брыкает в живот, то кувыркнется с обрыва. Пришлось прижаться спиной и так пройти с десятков страшных шагов, глядя остановившимися глазами в жуткую пропасть, что начинается прямо от его подошв. Все это время Черныш шевелился, устранивался, вертелся, даже высовывал мордочку из ворота, но, глотнув морозного воздуха, предпочел обиженно скрыться в тепло и уют, и как раз в это время тропка расширилась, можно повернуться и даже чуть отойти от края пропасти.

Ветер начал усиливаться, толкал в спину. Он ощутил, что страшноватая долина уже близко, заставил усталые ноги двигаться чаще. Черныш скулил, тыкался мордочкой в грудь, живот, искал привычное теплое вымя.

– Потерпи, – прошептал он, – мы должны добраться...

Ветер уже ревел, свистел в ушах, толкал в спину, продувал во все щели. Отвесные стены впереди сузились, оставался широкий проход, впереди открывалась просторная долина, дальше за пеленой вихря видна новая вертикальная стена, но он от ужаса застыл еще больше: гладкий камень под ногами отполирован ветром так, словно превратился в ровный блестящий лед.

Он сделал еще несколько шагов, свирепый ветер подхватил, толкнул в спину. Он поневоле побежал, откинувшись всем корпусом назад и стараясь противиться, но ураганный ветер опрокинул, потащил по гладкому камню. Иггельд зажмурился, обхватил Черныша и старался принимать толчки на себя, на плечи, на руки, защищая маленького дракончика.

Снизу оцарапало до крови, ветер не стих, но основная струя шла прямо через долину, а его отшвырнуло к внутренней стене. Он осмотрелся, лязгая зубами уже от холода, высмотрел щель, поднялся и побежал к ней, все еще подгоняемый свирепым ветром.

Из темной расщелины пахло нечистым воздухом, шерстью, что-то огромное метнулось навстречу. Он успел увидеть горящие глаза, хищную звериную морду с растопыренными ушами, с приплюснутым, как у свиньи, носом. Она с жуткой смертоносной бесшумностью метнулась мимо, только лица коснулась мерзкая гладкость. Сердце остановилось в смертельной тоске, словно воочию увидел смерть, повернулся, провожая взглядом, и понял, кого напоминают ему драконы, особенно вот так, в полете, с растопыренными угловатыми крыльями.

Пещера оказалась тесной, даже теснее, чем помнил, но в прошлом году сам был меньше, ветер бессильно ревет у входа, там крутится снежок, холодно блестят отполированные до

блеска камни. Иггельд, шатаясь, почти теряя сознание от усталости, пробрался на середину пещеры, сбросил с плеч мешок. Теплое одеяло, еды на два дня, огниво, малый запас для растопки первого костра, маленький котел, всякие мелочи...

Наконец он запустил руку за пазуху, пальцы коснулись свернувшегося в колечко тельца.
– Вылезай, лежебока... Здесь будем жить.

Черныш появился из-за пазухи с обвисшими лапами, голова тоже бессильно падала на бок, а глаза затянуло пленкой. Ужас ударил в голову, Иггельд вздрогнул от собственного отчаянного крика:

– Черныш!.. Черныш, не спи!

Но с ужасом видел, что Черныш не спит, а умирает или уже умер. От голода или холода, а может быть, сам придавил насмерть, когда тащило ветром, детеныш дракона первый год жизни вообще слабый и беззащитный, они одинаково умирают от холода и от жары, умирают от недостатка воды или воздуха, хотя человеку такой воздух кажется обычным, умирают от ушибов, которые не замечают кошки или собаки их размеров.

– Черныш!

Черныш бессильно свисал с ладони, лапы даже не дернулись. Иггельд пощупал, помял, слезы брызнули горячие, он орал, плакал, целовал застывшую мордочку, положил на землю и вдвух в маленькую пасть воздух, тормошил, теребил, снова дул в рот воздух... в какой-то момент лапки слабо дернулись, Иггельд заорал счастливо, теребил и тормошил сильнее, целовал, грел озябшим телом, тельце дрогнуло, по нему пробежала судорога, глазки открылись.

– Черныш! – крикнул Иггельд. От слез почти не видел дракончика, горячие капли падали на мордочку, высунулся красный, как пламя, язычок, слизнул, мордочка перекинулась, слезы горькие и соленые, жгучие. – Черныш, только не оставляй меня!.. Только не оставляй!.. Я же один на всем свете!.. Кроме тебя, у меня никого нет!..

Дракончик задрожал. Иггельд поспешно укутал в самое теплое одеяло, торопливо разжег огонь и, держа Черныша в одеяле, как ребенка, старательно отогревал перед костром. Щель завесил вторым одеялом, заткнул мешком, и вскоре воздух в пещере прогрелся, он сам перестал дрожать, но Черныша нацеловывал, грел дыханием, совал за пазуху, вытаскивал и снова целовал, проверяя, живой ли.

Только сейчас осознал во всей пугающей ясности, что в самом деле порвал со сплоченным обществом зрителей драконов и даже... людей. Он уложил Черныша на толстое меховое одеяло, сам лег рядом, обнял, а в череде пошли чередой пугающие мысли.

Когда детеныши появляются на свет, дракониха сама разгрызает и поедает скорлупу яйца, освобождает маленького беспомощного дракончика, тщательно вылизывает, мордой прижимает к соскам, да и сам слепой еще и глухой детеныш находит горячие наполненные молоком соски, ползет к ним, ползет к матери или другим дракончикам, чтобы согреться, скулит, привлекая внимание... Правда, когда глаза открываются, он уже начинает исследовать мир, но и тогда за всем следит мать, чаще всего предостерегающе ворчит, чтобы не отползли далеко, а непослушных героев громадной пастью нежно хватает и относит обратно.

Это она поощряет игры маленьких дракончиков, часто сама же их и начинает, но строго следит, чтобы в азарте не начали друг друга кусать слишком сильно, но вот теперь этот дракончик целиком и полностью на нем, на Иггелде, а он ощутил, что совершенно ничего не знает о драконах, что растерян, испуган и что взял на себя слишком много.

Мелькнула трусливенькая мысль вернуться, но, когда представил, сколько насмешек придется вытерпеть, не говоря уже о том, что этим возвращением погубит Черныша, зажмурился от стыда, помотал головой и сказал, почти прошипел со злостью:

– Нет, назад пути нет. Мы им покажем!

Черныш бегал по пещере, обнюхивал стены, пол, пробовал жрать песок, скулил, а когда вышел вслед за Иггельдом из пещеры, от неожиданности скульнул и сел на толстую задницу. Мир огромен, бесконечен, ярок и полон ошеломляющих запахов.

Иггельд ходил следом, как заботливая мамаша, а Черныш разрывался между желанием обнюхать старые следы горного козла, проследить, куда летят такие странные мелкие драконы в перьях, попробовать на вкус зеленый мох, свисающий с камней, погнаться за сороконожкой и все время оглядывался на Иггельда.

– Ага, – догадался Иггельд. – Это ж я теперь твоя мама! Я должен учить, показывать... Ладно, запоминай.

Мы не кочевые артане, сказал он себе, вкладывая в «кочевые артане» все презрение цивилизованного человека к дикарям. Мы должны выбрать себе место, где будем жить. И это место должно быть... удобное.

В горах немало пещер, больших и малых, он целыми днями лазил, осматривал, пока не отыскал достаточно просторную, но с длинным узким лазом со стороны юга. Чернышу в двух местах приходилось почти прижиматься к полу. Зато в самой пещере чисто, просторно, много песка, сухо. Холодный ветер терял силу в длинном изогнутом проходе, в самой пещере сквозняков нет, Черныш вскоре привык к новому месту, он требовал только, чтобы Иггельд находился близко.

В первые дни Иггельд просыпался от тяжести: Черныш потихоньку снимался со своего места и перебирался к спящему хозяину-папе. Иггельд, проснувшись, сердито отправлял дракончика на его место, тот неохотно уходил, очень медленно и все время оглядываясь, не передумал ли могучий друг, не сжалился ли над его горбатеньким видом, не разрешает ли взглядом, движением... Иггельд, зажав сердце в кулак, покрикивал, и бедный Черныш, тяжело и горестно вздыхая, укладывался, делал вид, что засыпает, а сам следил, чтобы Иггельд уснул, тогда можно потихоньку встать и тихонько-тихонько перебежать к нему и лечь так, чтобы касаться его боком, лапой или хотя бы кончиком хвоста. Но лучше всего – мордой, чтобы любимый папочка, открыв еще сонные глаза, сразу увидел перед собой его любящую морду с оскаленными в улыбке зубами.

На первый день хватило еды, что захватил с собой в мешке, на второй – наведалься в рошу, без труда убил кабанчика. Помня наставления старых охотников, выбирал именно кабанчика, а не свинку, та пусть приносит новых поросят. Теперь это его долина, его роща и его свиньи, должен заботиться обо всем своем мире сам. Он должен выжить.

– Сейчас я разведу костер, – объяснил он Чернышу. – Это такой красный зверь, кусается больно... Привыкай, будет с нами жить. Если подружиться, то... словом, с ним подружиться стоит.

Он постоянно разговаривал с Чернышом, помня наставления Апоницы, что дракон должен привыкнуть к голосу зрителя, научиться различать оттенки, и тогда покажется, что дракон «все-все понимает», хотя на самом деле просто... словом, не углубляйся, как сказал однажды Апоница, это маги до всего докапываются, им нужна суть, а у нас получается – ну и ладно, этого и добивались!

Если бы не жуткий ураганный ветер, в долине можно жить, строить дома, добывать руду, он успел увидеть настоящие залежи железа, копать не надо, все наверху. Стадо свиней, что в роще, может прокормить две-три большие семьи или целый поселок рудокопов. А там можно завести и своих...

Когда-нибудь, подумал он, доберутся и до этой долины. Хотя почему «когда-нибудь»? Я уже добрался. Наверное, и остальные забираются в новые места и обживают, потому что либо сами уходят от людей, страшась наказания, либо их изгоняют.

Черныш высунулся из уже обжитой пещеры и, задрав короткорылую мордочку, очень внимательно следил за облаками. Иггельд понимал, что очень скоро дракон обнаружит, что облака ничем не угрожают, их нельзя есть, на них не поохотишься, с ними нельзя играть, и постепенно перестанет их замечать вовсе.

– Ты по сторонам смотри лучше, – сказал он наставительно. – По сторонам!

Лобастая голова повернулась к Иггельду. На миг стало не по себе, дракон за ночь подрос еще, как показалось, морда жуткая, глаза навывкате, страшные клыки высовываются из-за прикушенных толстых губ. В следующее мгновение длинный красный язык выметнулся как молния. Лицо обожгло горячим, влажным. Иггельд завопил, начал отмахиваться, а Черныш, довольный игрой, все старался попасть языком между мелькающих рук и все же лизнуть двуногого папу в лицо, вылизать ему нос, уши...

Так прожил месяц в полном одиночестве, если не считать обществом Черныша. Выходя на охоту, щель задвигал обломком скалы, а когда возвращался с добычей, едва хватало сил, чтобы отодвинуть. Черныш бросался навстречу с визгом, он то ли чуял издали приближение любимого папочки, то ли спал сразу же возле входа. Иггельд отбивался, отплеывался, а потом, нацеловавшись, начинали вдвоем разделять зверя.

С оленями и козлами проще, а к кабанам Иггельд не подпускал: среди зрителей ходили жуткие рассказы, как даже самые здоровые драконы помирали в жутких корчах от съеденного сала. Черныш жутко обижался, всякий раз старался хотя бы лизнуть запретное.

Со второго месяца начал проситься на охоту, но на прогулках всего пугался, отпрыгивал, прятался за всемогущего родителя. Иггельд сперва тревожился, не вырастет ли дракон трусом, но когда второй раз шли той же дорогой, Черныш уже спокойнее обнюхивал ранее испугавший камень или пень, трогал лапой, рычал, пробовал испугать, а то и пробовал на зуб.

Черныш ростом с хорошего кабаненка, такой же плотный, массивный, толстый, только лапы намного короче, а брюхом почти касался земли. На спине поблескивали крупные чешуйки, иногда казался Иггельду большой уродливой рыбой, иногда жабой или укороченной ящерицей, но стоило тому поднять голову и посмотреть Иггельду в глаза, сразу же хотелось схватить этого отважного, хоть и перепуганного огромностью мира зверячика на руки, прижать к груди и расцеловать в умную, самую замечательную в мире морду.

Труднее приучить оставаться на месте и ждать, когда Иггельд удалялся, но без этого нет успешной охоты, а без охоты обоим голодная смерть, так что бедному дракончику пришлось усвоить жестокий урок: если противиться этому приказу, то вернут в пещеру, а гулять и охотиться родитель уйдет один.

Оставив Черныша на опушке, Иггельд обычно крался между дубов, выбирал среди стада свиней кабанчика, те всегда самозабвенно пожирают желуди, вокруг любой свиньи по десятку полосатых зверьков, совсем не похожих расцветкой на родителей.

Одной стрелы хватало, чтобы поразить дичь. Стадо с визгом отбегало к следующему дереву, Иггельд поспешно подбирал добычу и бегом возвращался к Чернышу, а тот, не осмеливаясь сойти с места, отчаянно рыл землю лапами и смотрел умоляющими глазами: где был так долго? Я тебя жду уже сто тысяч лет!!!

Однажды, когда шел третий месяц их пребывания в Долине Ветров, так ее называли все, несколько дней подряд стояла прекрасная теплая погода, он выбрал низкое место, где ветры проносились выше, и потащил Черныша к тому месту, где ручей пробился на поверхность и разлился почти что речкой. Черныш вытаращил и без того выпуклые глаза, смотрел непонимающе, а Иггельд сразу же попытался затащить его в воду.

Ручей шириной в три шага, а в самом глубоком месте до колена, но Черныш уперся, вырывался, шумно дрожал, горбился и поджимал короткий хвостик под брюхо, что было признаком сильнейшего ужаса.

– Это, – объяснял Иггельд терпеливо, – вода, вода, вода... Тебе придется встречаться с нею часто. Ты же пьешь из того ручья, что в пещере? Это такой же, только больше... да это и есть тот самый, только наверху... Ну, давай, не трусь!

Он сам влез в ручей, даже присел на дно, чтобы вода поднялась почти до плеч. Черныш в ужасе носился по бережку, вопил, плакал, визжал, а потом, когда Иггельд сделал вид, что опускается под воду, плюхнулся в ручей всем телом, поплыл, тут же ощутил под лапами надежное тело родителя, стал карабкаться на голову, едва не оборвал уши и не вырвал когтями все волосы.

Иггельд вынес на берег, успокоил, снова занес на руках, прижимая к груди, начал медленно опускаться в воду. Толстенькое тельце в руках затряслось, как былинка на ветру, судорожно начало выкарабкиваться, полезло в панике на голову. Иггельд хотел присесть, но подумал, что бедный ребенок совсем рехнется, поднялся во весь рост и начал уговаривать, поглаживать, постепенно опускаясь все ниже.

Он так увлекся, что не сразу заметил подходившего издали человека с поднятыми в приветствии руками. Вздрыгнул, когда тень упала на прозрачную воду ручья, резко обернулся с Чернышом на руках, что тоже попробовал вздыбить крохотный гребень на хребетике и оскалить зубы.

Апоница помахал рукой.

– Это я, я. И все еще твой друг, хотя ты, признаться, поступаешь неверно. Но это оставим, я просто беспокоюсь за тебя.

Иггельд вышел из ручья, тело пробирала дрожь, вода ледяная даже сейчас, в разгар лета. Апоница опустился на камень, глаза внимательно рассматривали дракончика, потом перевел взгляд на Иггельда.

– Настоящий дракон не должен бояться.

– Он еще не дракон, – возразил Иггельд. – Это ребенок!

– Ребенок дракона в таком возрасте ничего не боится, – сказал Апоница. – Вообще не боится. В любом возрасте. Ну да ладно, я не о нем... Как ты?

– Держусь, – ответил Иггельд. – Зато со мной Черныш. Он не трусливый, он... он осторожный! Он очень умный. Он все понимает.

– Ну да, конечно, – согласился Апоница. – Только вот не говорит. И не все делает. Зато у него глаза умные, верно?

Иггельд усмехнулся.

– Все так.

– Давай, трус, выходи, – сказал Апоница. – Не прячься!

Черныш осторожно выглядывал из-за спины Иггельда, как застенчивый ребенок. Когда Апоница слишком уж обращал на него внимание, отступал и снова прятался, а когда гость смотрел в сторону и вроде бы не замечал, Черныш потихоньку осмелел, зашел к нему сзади, обнюхал и даже попробовал подергать за полу длинного халата.

– Понятно, – сказал Апоница саркастически. – Если боимся мы, то это осторожность, а если другие – трусость. Я оставил коня там, у пещер. Думаешь, ты надежно спрятался? Твое логово любой найдет. Я кое-что привез. Это немного, но мы собрали, кто что может.

– Что?

– Да все по мелочи. На тот случай, если дурь не пройдет и вздумаешь зимовать...

– Да я не думал, – начал Иггельд и осекся. Сказать по правде, он вообще не думал о зиме, и так каждый день дается с боем. – Хотя... даже не знаю. Думаю, мне пока что нельзя возвращаться.

Апоница поинтересовался мирно:

– А когда, считаешь, придет пора?

– Когда выращу Черныша большим и сильным, – ответил Иггельд. – Когда увидят, что он вовсе не трус. Когда смогу доказать, что я прав!

Апоница грустно усмехнулся.

– А, значит, члены Совета ошибались?... Да ты совсем ребенок. Сам вроде Черныша. Ладно, пойдем затащим в пещеру выюки, да отбуду, пока не застала ночь. Хоть ночи летом и короткие, но не хочу в потемках над краем пропасти...

Черныш бежал сзади, потом начал шнырять по сторонам, обнюхивал камешки, переворачивал плоские, слизывал мокриц и червей, а когда впереди показалась знакомая стена с черной щелью, понесся галопом вперед, смешно вскидывая толстый зад.

Апоница сказал одобрительно:

– Задние лапы крепкие. Что значит, не в котловане рос... Много бегает?

– Да все время, что не ест и не спит.

Черныш как услышал, что говорят о нем, пронесся могучими прыжками, не сбавляя бега, к самой пещере, исчез в темноте. Когда они наконец пересекли продуваемое свирепым ветром плато, приблизились, из темноты навстречу блеснули два изумрудно-зеленых глаза.

Апоница сказал с удовольствием:

– Неужели охраняет ваше логово?

Иггельд сам не поверил, Черныш вот-вот либо убежит, либо подожмет хвост и бросится ласкаться, они сделали еще пару шагов, Черныш стал виден, он по-прежнему загораживал вход, на незнакомца смотрел вопросительно: а ты кто, что пришел вот так? Это наша пещера!

Когда Апоница попробовал подойти ближе, Черныш заворчал, гребень на спине поднялся, а молочные зубы предостерегающе блеснули. Апоница тут же остановился, подмигнул Иггельду. Тот, сам донельзя пораженный, громко и четко похвалил дракончика, поощряюще постучал палкой по боку, сунул в счастливо раскрытую пасть кусочек жареного мяса.

– Хорошо, – сказал Апоница. – Вообще-то даже отчаянные трусы защищают свое логово... особенно если загнаны в угол. Здесь другого выхода нет?

– Нет, – признался Иггельд. – Дальше глухая стена. Хотя пещера просторная.

– Все равно неплохо, – похвалил Апоница. – Если сумею выбраться до снегов, приведу Шварна или Чудина, помнишь такого? А то привыкнет твой зверь только меня так встречать...

Иггельд воскликнул:

– Да зачем столько трудов ради меня! Я того не стою.

– Ты не стоишь, – согласился Апоница, – а твое сумасшествие – стоит. Поверь, все смотрители драконов тебя понимают. И каждый из них в какой-то миг, день или час был тобой. И со слезами не давал... выбраковывать чернышиков, лапчечек, зайчиков, любимцев! Кто-то, может быть, даже подумывал вот так же схватить своего любимца и убежать с ним куда глаза глядят. Так что мы не враги. Но мы – трезвые. И, увы, взрослые.

В тюках теплые одеяла, спальный мешок, чугунный котел и множество мелочей, при виде которых Иггельд сразу воспрянул, а жизнь показалась намного краше. Апоница помог занести вовнутрь, потом еще раз дважды попробовал зайти в пещеру, Черныш неуверенно прорычал, Иггельд громко и четко похвалил, почесал, дал жареного мяса, сырое – еда, а жареное – лакомство.

– Приведу, – сказал Апоница на прощанье, – кого-нибудь из них, а то и обоих сразу.

– Мне как-то неловко, – признался Иггельд.

– Хорошо, хорошо, – одобрил Апоница. – Дракон не должен подпускать чужих. Потом научишь различать своих и чужих, но сейчас пусть просто не подпускает никого. Пока все, кроме тебя, чужие.

К удивлению Иггельда, уже через неделю он приехал снова, с ним был Шварн, привезли еды, соли, топоры, пилу. Апоница пустил Шварна впереди себя, Черныш осторожно и пока еще неуверенно зарычал. Иггельд с удовольствием постучал палкой по бокам, почесал его же

загрибок, похвалил, и Черныш в восторге, что угадал, как поступить правильно, тут же испортил образ грозного серьезного зверя, брякнувшись на спину и замахав всеми четырьмя.

ГЛАВА 4

Первое время Черныш жутко скучал по матери и собратьям, постоянно просился на ручки. Иггельд, сжав сердце в кулак, всякий раз относил его на отведенное место, гладил, успокаивал, уходил. Черныш вроде бы спал, но стоило Иггельду самому заснуть, как вскоре просыпался от того, что Черныш, стараясь согреться и постоянно ощущать живое тепло матери, забирался на него, как на матрас.

Лишь через пару недель воспоминание о большой драконихе и множестве братьев изгладилось из памяти ребенка, теперь там прочно утвердился образ горячо любимого и обожаемого папочки, что такой сильный, такой теплый, который гладит, чешет, кормит и восхитительно чистит уши.

На прогулках Черныш прыгал перед ним, то приносил в пасти большой камень, то при-волакивал целое бревно и снова искательно заглядывал в глаза: ну вот он я, прикажи что-нибудь, да что угодно, я тут же выполню, ты увидишь, какой я послушный, как я тебя люблю, как стараюсь сделать все, чтобы ты меня любил и не бросал...

Иггельд приказывал, гонял, заставлял бегать и прыгать, присматривался, как быстро рых-лое тельце становится тугим и мускулистым, компактным, крепким. Кажется, удалось, думал он напряженно. Самое главное в воспитании – это как можно раньше закрепить у молодого дракона полезные навыки и отучить от вредных. Если не сделать, пока еще ящеренок, то потом уже ничего не получится. Дракон не поймет, почему раньше было можно, а сейчас нельзя. Возмутится, взбунтуется. Сделает по-своему, а если человек не сумеет переломить на свое, то авторитет хозяина разлетится вдребезг. И хозяином станет дракон.

Зима запаздывала, ночами землю сковывал лед, но поднималось солнце, льдинки таяли, от земли шел пар, но однажды задул ветер с Севера, земля стала неотличима от камня, хоть ставь ее вместо каменных стен, в роще свиньи попрятались в глубокие норы, за желудями выбегали ненадолго и тут же, торопливо набивши брюха, ныряли в свою преисподнюю.

Первое время он и Черныш пользовались запасами, что доставили Апоница и Шварн. Дважды Шварн приезжал с Чудином, молодым и неразговорчивым дракозником, оба раза при-возили зерна, масла, сыра и хлеба. Однажды Иггельд перебрал все, посчитал, прикинул, и полу-чилось, что с великим трудом хватит до середины зимы. Потом, понятно, просто околеют от голода и холода. Страшные даже летом горные тропы сейчас засыпал снег, выбраться невоз-можно, и к нему тоже никто не придет, не накормит, не спасет.

Укутавшись так, что превратился в шар, он сказал строго-настрого:

– Сиди и жди!.. В огонь не суйся!.. Помнишь, как он в прошлый раз тебя куснул?.. А ты ревел, слезы катились с орех размером? То-то!

Черныш с великой обидой в глазах смотрел ему вслед, но едва Иггельд отодвинул первый камень и снял выделанную кабанью шкуру, дракончик в испуге прижался к земле от ворвавшег-ося холодного ветра. Иггельд протиснулся в щель, как можно более тщательно заделал вход, ветер ревел страшными голосами, дергал за одежду, старался сорвать плотно прихваченную ремешком шапку.

Едва он шагнул от заделанного входа, могучий порыв толкнул с такой силой, что Иггельд позорно покатился, как клубок шерсти. Его несколько раз ткнуло лицом в колючий хрустящий снег, а когда раскинул руки и ноги, стараясь зацепиться, его несло в таком положении, пока не ударился головой о камни, где тут же заклинило между валунами.

Он скорчился, укрываясь за камни, сгреб с лица налипший снег, пугливо огляделся. Мир, и без того безжизненный, страшный и злой, стал жутким, мертвым, угрожающим. Земля вся усыпана снегом, но везде выглядывают камни, снег не задерживается, струйками змеится по

каменным плитам, слышно шипение и сухой шелест, с которым крупные оледенелые снежинки трутся одна о другую.

Едва приподнялся, ветер ожег щеки, швырнул в глаза горсть крупнозернистого снега. Отвернувшись, Иггельд с тоской думал, что надо пройти целых триста шагов, чтобы добраться до роши. Сейчас даже ее продувает ветром, хотя и не сквозным, а как бы боковым, заодно, не зря свиньи выбегают ненадолго, торопливо роются в листьях, там под толстым слоем еще толще слой желудей, и снова прячутся, чтобы по весне уже нежиться там и валяться кверху копытцами...

Он перебегал вдоль стены, прячась не столько от кабанов, сколько от ветра. Наконец, добравшись до роши, притаился, вытащил лук и с ужасом понял, что от холода не сможет натянуть тетиву.

И все-таки в тот раз ему повезло, буквально сразу же довольно крупный кабан вылез из норы, вскинул морду, нюхая воздух, и направился к ближайшему дереву. Иггельд вытащил пальцы изо рта, где отогревал, сразу же ожгло холодом, но стрела довольно послушно легла на тетиву, начал оттягивать ее, пока не коснулся кончика уха.

Кабан всего в пятнадцати шагах, не промахнуться, стрела ударит точно, но и нора слишком близко... Иггельд задержал дыхание, оттянул стрелу еще чуть, сделал поправку на ветер, расцепил кончики пальцев. Вжикнуло, почти заглушенное свистом ветра, кабан подпрыгнул всеми четырьмя и, круто развернувшись, ринулся в сторону норы. Стрела торчала из-под левой лопатки, погрузилась глубоко, но нора...

– Куда! – заорал Иггельд. – Там волки!

Это было нелепо кричать такое, но кабан то ли ошалел от неожиданного крика, то ли еще чего, но пробежал мимо норы, там наконец сообразил, что сделал глупость, затормозил, круто развернулся и снова ринулся к норе. Он едва успел сунуть в нее голову, как предсмертная судорога скрутила ноги, задержался и застыл, задние ноги вытянулись в струнку.

Иггельд, плача от счастья, выбежал, ухватил тяжелое тело, выволок, из темноты вроде бы сверкнули злые желтые глаза, но он ничего не хотел знать и бояться, присел и кое-как взвалил тушу на плечо. Ветер снова пытался свалить с ног, но теперь Иггельд уже шел, прижимаясь к стене, цепляясь за камни, считал шаги, чувствуя, как дрожат от изнеможения ноги, а когда показались родные камни у входа, взмолился, чтобы хватило сил дотащить и доволочь тяжелую добычу.

Да, он тогда добрался, донес, отодвинул камень, втащил, закрыл за собой и, без отдыха, доволол кабана до костра. Черныш прыгал, сбивал с ног, вылизывал, рассказывал, виляя хвостиком, какой он хороший, никуда не бегал, ждал, даже в огонь не лез, ничего не трогал.

Огонь все еще горел, Иггельд, стуча зубами, подбросил поленьев и принялся разделять кабана. Обессиленный, он помнил, что сумел поджарить большой ломоть, съел, тут же усталость заполонила все тело, он заснул прямо у костра.

Проснулся от того, что рядом сопело и чавкало. Еще не придя в себя, ощутил, что произошло страшное, поспешно поднял веки. Черныш, уже с отвисшим брюхом, доедал кабана. Почти доедал: половина обглодана, выедены все внутренности, и, самое страшное, из-за чего Иггельд застонал и заплакал, – в первую очередь сожрано все сало, его Иггельд старательно срезал и сложил отдельно.

– Плюнь! – закричал Иггельд страшным голосом, но сам же устыдился собственной глупости. – Что ты наделал!.. Как же я без тебя?

Черныш смотрел чистыми честными глазами. Увидев, что родитель проснулся, взвизгнул и, прыгнув к нему, лизнул в нос.

– Как же я без тебя? – повторил он уже безнадежно. – Черныш, у меня ж никого, кроме тебя, нет на всем свете...

Он обхватил большую лобастую голову, язык на мгновение замер, ощутил соленые слезы, но тут же заработал чаще, с неистовым рвением, стараясь вылизать своего родителя, утешить, вылечить.

– А кто вылечит тебя? – прошептал Иггельд.

Он не выпускал его из объятий, плакал, а Черныш сопел и сочувственно вздыхал. Так, обнявшись и обессилев, оба заснули. И спали долго, Черныш – потому что любил поспать, а Иггельд не успел отдохнуть и согреться, да и потому, как он потом думал, что страшился проснуться рядом с мертвым дракончиком.

Спали они не меньше суток, если не двое. Проснулся голодный, во всем теле ни капли усталости, а только жажда двигаться, прыгать, ворочать камни. Осторожно разлепил глаза, и Черныш, что спал мордой к нему, тут же приоткрыл один глаз, убедился, что папа уже проснулся, распахнул оба глаза и приглашающе подпрыгнул на всех четырех: давай играть! Кто от кого удирает, а кто гонит и валит на спину?

Иггельд, не веря глазам, всматривался в его морду. Похоже, за время сна даже подросла, раздалась в стороны. Нос холодный, глаза ясные, губы не лопаются, а сам дракончик переполнен энергией.

– Ну ты и салоед, – прошептал он счастливо. – Как же ты выжил?.. Расскажу Апонице...

Черныш понял по голосу, что можно целоваться, ликуя бросился на грудь любимому папочке, повалил, облизал, Иггельд тоже обнимал, целовал, щупал, чесал, хватал на руки и бегом носил по пещере, приводя Черныша в дикий восторг.

По ту сторону входа свирепо завывал на разные голоса ветер. Утомившись с Чернышом, Иггельд посерьезнел, прислушался, и настроение сразу упало. Если в Городе Драконов такая выюга случается один-два раза за всю зиму, все запираются в теплых домах и отсиживаются, то здесь это даже не выюга, а обычная зима. А уже завтра-послезавтра надо снова на охоту. И кто знает, повезет ли на этот раз...

Свиней становилось все меньше, по крайней мере, добывать все труднее. Возможно, в норах они не размножались, а когда лютый мороз и ветер, то не до того, чтобы пропускать молодую свинку и поджидать, когда выйдет матерый кабан.

К концу зимы пришлось резко уменьшить рацион. Черныш отыскивал в дальнем углу старые кости и грыз их целыми ночами. У него менялись зубы, мучительно чесались, он готов грызть даже камни, но кости можно еще и глотать, те усваивались, Иггельд видел, как прямо на глазах кости самого Черныша становятся толще.

Пришла весна, в рошу из нор выплеснуло множество мелких полосатых поросят. Всем хватит пропитания, подумал Иггельд, он чувствовал, как исхудали, кожа да кости, быстрее растите, размножайтесь, а то взрослых почти не осталось...

Черныш придумал сам себе забаву: в ручье водилась рыба, стремительная и сильная, неизвестно чего она поднималась из долин против бурного течения, Иггельд сам видел, как даже прыгает через пороги и небольшие водопады, но поднимается упорно, а здесь Черныш с утра до вечера сидел на исхудавшей заднице и то ловил лапами, то пытался хватать зубастой пастью. Когда удавалось поймать, он с торжеством приволакивал к Иггельду, складывал к ногам, садился на задницу и смотрел в лицо папы радостными блестящими глазами.

– Спасибо, молодец, умница, – говорил растроганный Иггельд. – Давай я тебя почешу...

Черныш томно закрывал глаза и вытягивал шею. Иггельд чесал, гладил, ласкал, потом обязательно делил рыбу, отщипывая себе кусочек, чтобы приучить дракона всегда приносить хозяину, а для Черныша он не хозяин, тот искренне и честно считает его любимым папочкой, да и он сам для него вовсе не дракон, не зверь, не чудовище...

Теперь Иггельд приносил с охоты молодого кабанчика, Черныш – рыбу, и к тому времени, как дороги очистились от залежей снега и приехал навестить Апоница, оба почти нагуляли прежнее мясо.

Апоница крепко обнял, отстранил, сказал дрогнувшим голосом:

– Если честно, я не ожидал...

– Чего?

Апоница сглотнул ком в горле.

– Ты хоть понимаешь, что ты сделал?

– Я спас Черныша, – ответил Иггельд.

Апоница отмахнулся.

– Что твой дракончик!.. Ты – выжил! Я не знаю, кто из взрослых мужчин сумел бы пережить здесь зиму в одиночку?

– Я не один, – ответил Иггельд гордо.

– Ах да, конечно...

Со стороны ручья донесся рев, визг, потом оттуда выметнулся Черныш, отряхнулся всем телом, брызги разлетелись, как мелкие осколки льда, а он понесся к ним во весь опор, резко затормозил перед Иггельдом, кося огненным глазом на Апоницу, раскрыл пасть, огромная рыбина упала к ногам Иггельда.

– Молодец, – похвалил Иггельд. Он потрепал Черныша за голову, пару раз скребнул за ухом, сказал: – Иди лови дальше!

Осчастливленный Черныш унесся к ручью, смешно подкидывая зад и помахивая хвостом. Апоница проследил за ним взглядом, в глазах изумление.

– Ты что, научил его ловить рыбу?

– Я? – удивился Иггельд. – Он сам меня научит!

Апоница все еще смотрел вслед дракону. Тот спустился в ручей, видно только горбик спины, там часто слышались шлепающие удары по воде, довольный, а иногда раздраженный рев, щенячьи взвизги, высоко взлетали брызги.

– Пока еще холодно, – сказал Апоница с сомнением. – Да и вода здесь... ледяная. Они легко простуживаются.

Иггельд кивнул.

– Да знаю. Но... мы в самом деле такое пережили! И еще... мы не выжили бы, если бы не ели зимой свинину. Черныш тоже ел. И сейчас, теперь уже ничего не могу поделаться, ест сало так, что за ушами трещит.

Апоница покачал головой.

– Сожжешь ему печень. Хотя... если он не в котловане, а вот так носится, то у него и сало в желудке сгорит без вреда.

Иггельд с облегчением вздохнул.

– Спасибо. Я так тревожился.

– Да ладно, – ответил Апоница, взгляд его был пристальным. – Я же вижу, что ты сам во всем разобрался. А сейчас, скажу честно, твой драконша прошел бы любые испытания. Он выглядит здоровым, крепким. И мышцы нарастил, как... не знаю просто, у кого!

– Боролись за жизнь, – просто сказал Иггельд. – Но теперь все позади.

– Впереди новая зима, – предостерег Апоница. – Правда, будешь на год взрослее.

– И Черныш.

– И Черныш, – согласился Апоница. – Иггельд, я горд тобой. Ты поступил неправильно, это я о драконе, но у тебя чистое честное сердце, ты бесконечно добр, и ты совершил... подвиг! А я расскажу в своем клане, что у драконов гораздо больше запаса выживаемости, чем мы думаем. И больше пластичности. В котловане любой дракон помер бы, наевшись сала. И

нагрузки нашим драконам можно увеличивать, если смотреть вот на твоего. Ему не повредили, еще как не повредили!

Он снял с коней возле пещеры все припасы, понаблюдал, как Иггельд и Черныш носят вдвоем: Черныш держал в пасти тяжелейший мешок, тот волочился по земле, дракончик вскидывал пасть повыше, даже привставал на коготки, чтобы стать выше ростом, тащил, пыхтел, гордый, что ему тоже доверили работу взрослых.

– Стараются, – сказал он с непонятной усмешкой. – Странно все это...

– Что?

– Никогда не видел драконов вот так... на свободе.

Иггельд пожал плечами, глаза показались Апонице глазами взрослого человека.

– А что такое свобода? Посуду мою и здесь. И точно так же рублю дрова, жарю мясо...

Правда, со мной Черныш, а это и есть то, ради чего нужна свобода.

Апоница посмотрел на небо, сказал обеспокоенно:

– Пойдем в твою пещеру, хлебнем хоть горячей воды, если у тебя есть нечего. Дни пока что короткие, не хотелось бы, чтобы меня с лошадьми ночь застала на узкой тропке.

Они носились по долине взад-вперед и наискось, преодолевая ревушую ярость ветра, Иггельд соорудил из шкур плотные мешки, нагрузил камнями, так и бегали наперегонки. Черныш сперва противился, комично изгибался и пробовал задней лапой сорвать тяжелый груз, но Иггельд в конце концов сумел убедить наивного и доверчивого ребенка, что ему так красивее, что все его с этим грузом любят больше, и Черныш смирился, бегал с мешком камней на спине, который стараниями Иггельда становился все тяжелее и тяжелее.

Правда, увеличивая нагрузку, он следил, чтобы подрастающий дракончик не таскал сам по себе палки, а затем бревна. А если таскал, чтобы захватывал их только коренными зубами обеих челюстей. У молодых драконов привычка хватать клыками нижней челюсти, что вытягивает ее, потому все зрители в первую очередь следили, чтобы прикус у драконов был правильным. Страшное и восхитительное зрелище, когда огромные страшные зубы, способные дробить не только кости быков, но и каменные валуны, красиво перекусывают листок так, словно разрубывают острейшим мечом.

При смыкании клыки и резцы челюстей дают ту знаменитую хватку дракона, из-за которой их в старину ценили во время Великой Битвы молодых богов со старыми. Тогда только драконы сумели переломить ход тысячелетней войны, после чего тцары и князья начали давать денег на разведение и воспитание драконов, посылать им стада скота на прокорм, хотя по-прежнему велели держаться с драконами подальше от городов и сел.

Да, Апоница прав: размеры, рост, сила – все это зависит от того, какие родители. Но Апоница и не прав в том, что ориентироваться надо только на родителей. Если даже человека слабого и хилого можно в каменоломне превратить в здоровяка с грудями мышц, то дракон куда больше зависит от того, чем кормят, чему учат, как нагружают. Прав Апоница только в одном: невозможно оставлять все двенадцать детенышей, ведь дракониха может давать приплод через каждые два года, и если всех оставить жить, драконами уже через сотню лет был бы заселен весь мир. Но это другое, это не к нему, есть же люди, что спокойно могут убивать даже людей, а он не может раздавить даже муравья или жука, если тот его не кусает... но даже если укусит, он такого муравья осторожно снимет и посадит на дерево или на листок.

Что драконы могут сильно меняться, он узнал из рассказов самих же зрителей драконов, знатоков всех легенд, историй, сказаний, бывальщин, подлинных случаев. Самое простое изменение – на жарком юге, как гласят летописи, драконы уже во втором поколении полностью освобождаются от толстого подкожного жира, с которым здесь уже рождаются, высоко в горах у них легкие втрое больше, чем у тех, кто живет в подножьях, а у драконов, что живут и даже спят на снегу, между костяными плитками выросла длинная и очень плотная шерсть.

Драконы, что рождаются и живут среди драконов, ничем от них не отличимы, но те драконы, с которыми люди общаются, он сам видел, стали совсем иными по привычкам, образу жизни. Значит, очень много зависит от того, в каких условиях дракон живет, чему и как его учат, в каком направлении развивают.

Апоница, конечно, жалел о потере такого умелого и работающего только за хлеб смотрителя за драконами, но сам же, похоже, сумел обратить это себе на пользу, теперь приезжал часто, привозил еду, теплые вещи, даже прихватывал на запасных конях вязанки дров – все пригодится в холодную зиму. И наблюдал, советовал, но не настаивал, когда Иггельд что-то не выполнял или делал по-своему.

Прошло два года, в город доходили слухи о чудаковатом мальчишке, что сдружился с драконом и живет с ним в горах, вместо того чтобы жить с людьми. Многие посмеивались, поговаривали, что едва у парня появится интерес к женщинам, он придет в город. И уже не уйдет, здесь за эти годы подросли очень горячие девушки.

«Подружился», – это слово заинтересовало Апоницу, он отметил его как ключевое, как самое точное слово, почему дракон все еще не сожрал своего хозяина, почему так охотно выполняет его команды, почему старается понравиться, искательно заглядывает в глаза и даже надоедает требованиями: ну прикажи мне что-нибудь, ну пошли куда-нибудь и вели принести, я очень хочу, чтобы ты увидел, какой я послушный и как тебя люблю!

Апоница приехал не один, Иггельд с удивлением и испугом увидел на крупном, совсем не рабочем коне высокую фигуру Ратши. Апоница помахал издали, крикнул:

– Ты пока спрячь или придержи дракона, а мы привяжем коней понадежнее!

– Как вы добрались? – спросил изумленный Иггельд.

– С трудом, – признался Апоница.

– Но там же не проехать на лошади с выюками!

– Выюки в самом узком месте пришлось перенести на руках, – признался Апоница, – а потом снова на коней.

Ратша прыгнул, небрежно бросил повод Апонице, сам с любопытством рассматривал Иггельда. Иггельд решил про себя, что Ратша изменился, но не понял чем: все те же раздутые мышцы, толстые руки, шея как у быка, сильное мужественное лицо...

За спиной послышался быстрый топот, Иггельд, не оборачиваясь, вскинул руку и сказал громко:

– Ко мне!.. Рядом!.. Спокойно!

Черныш, уже размером с молодого бычка, с готовностью остановился рядом, торопливо сел на толстый зад, выпуклые глаза уставились в незнакомого человека. Не смея сойти с места, он вытянул шею, стараясь если не дотянуться до Ратши, то хотя бы лучше уловить от него запахи.

Ратша заметно напрягся, не двигался, Апоница же привязал и успокаивал коней, те дрожали и роняли пену, крикнул жизнерадостно:

– Ты заметил, как он вырос?

– Еще бы, – ответил Ратша. – Эта долина поставила перед выбором: умереть или нарастить мускулы.

– А какие бревна он таскает! – сказал Апоница.

– Представляю, – ответил Ратша.

Иггельд, смущенный, подошел, Апоница его обнял, а Ратша похлопал по плечу. И снова на Иггельда повеяло изменениями, причину которых не мог уловить.

– А как грызет, – добавил Апоница, – бревно толщиной в ногу перекусывает за раз!

Ратша отстранил Иггельда, с удивлением посмотрел на его рот.

– В самом деле?

– Ну да, – заверил Апоница. – Я не представляю, каким он станет, когда отрастут крылья!

– Крылья? – удивился Ратша еще больше. Понял, засмеялся: – Ну ты и старый дурень!.. Что ты мне все о драконе?.. Дракон, конечно, подрос, но ты посмотри на самого Иггельда!.. Он почти догнал меня, а какие плечи, какие руки!.. А грудь, посмотри на его грудь!

Он с силой потыкал вытянутыми пальцами Иггельду в грудь. Ощущение было таким, словно с силой били тупым концом копья. Иггельд натужно улыбался, понял, с подсказкой Ратши, что именно показалось в богатыре странным: последний раз, когда виделись, он смотрел на Ратшу снизу вверх, а теперь почти глаза в глаза. Хотя, конечно, у него никогда не будет таких могучих рук, таких широких плеч и такой выпуклой груди, что будто укрыта латами из толстой меди, а вдобавок поверх еще и широкие пластины стального панциря, что на самом деле не панцирь, а все его же собственные груди мускулов. Сейчас Ратша в тонкой полотняной рубашке, а кажется, что в панцире, а каким будет, когда в самом деле наденет... Иггельд представил и содрогнулся.

Апоница засмеялся, сказал с некоторой неловкостью:

– Ты прав... но Иггельд меня поймет, мы ничего не замечаем, кроме своих драконов. Иггельд, приглашай к своему очагу, мы кое-что привезли. Твой дракон вино пьет?.. Правильно, еще мал. Ратша, да не тронет тебя этот зверь. Он еще ребенок, пока даже лягушек боится.

Иггельд возразил:

– Никого уже не боится! Но в самом деле он очень дружелюбный. А злобности его придется учить особо, хотя мне почему-то очень не хочется.

Он оглянулся, взмахнул рукой.

– Черныш, свободен!.. Гуляй!

Они пошли к пещере, сзади прогремел тяжелый топот. Апоница и Ратша, хоть и привыкшие к виду драконов, в испуге шарахнулись в стороны, видя несущуюся за ними вприпрыжку гору мускулов, закованную в костяной панцирь.

Иггельд оглянулся, огромная туша дракона едва не сшибла с ног. Он прикрикнул, Черныш с готовностью отпрыгнул. Он смотрел на своего старшего друга, учителя и самого лучшего в мире папочку, который совсем недавно носил на руках, преданно, с любовью и обожанием.

Ратша переводил дух, стараясь сделать это как можно незаметнее, Апоница уже пришел в себя, с сомнением покачал головой.

– Знаешь, пора его в котлован.

– Он не опасен! – взмолился Иггельд.

– Сейчас. А завтра?

– И завтра не опасен!

– Я говорю не про собственно завтрашний день, – уточнил Апоница. – Это все-таки зверь. Если разъярится, то... гм, чуть не сказал, что здесь все сметет и всех пожрет! Но здесь только ты. Будешь рисковать дальше?

Иггельд пропустил их впереди себя в пещеру, обернулся и показал Чернышу кулак. Дракончик съежился и виновато припал к земле. В пещере Ратша с любопытством огляделся, руки его размеренно вытаскивали из мешка сыр, сушеную рыбу, краюху хлеба.

Апоница оглянулся на светлую нору входа, там мелькнул и пропал темный силуэт.

– Как только увидишь, – велел он, – что в поведении начинается всякое... тут же в загон. Нет, прямо в котлован!

– А что должно начаться?

– Всякое, – ответил Апоница с неопределенностью. – Любопытство дракона смотрит на человека как на что-то более сильное. Но даже подросток начинает сомневаться... со временем, верно? А молодой дракон вскоре сам пробует подчинить себе хозяина. Понимаешь, слишком уж заметна разница между человеком и драконом. Разве тебе не зазорно было бы подчиняться... крысе? Подрастая, ты не попробовал бы поменяться с нею ролями?

Иггельд задумался.

ГЛАВА 5

В Городе Драконов, он помнил, все дракозники постоянно твердили о необходимости все увеличивающихся нагрузок для молодых драконов и никак не могли придумать, как же эти нагрузки совместить с жизнью в котловане. Потом, когда в самом чувствительном к боли месте приживается железный штырь и когда можно уже сидеть на спине и гонять по тесному котловану, а затем уже взлетать, как раз и начиналось спешное наращивание мышечной массы, но даже Иггельд своим детским умом понимал, что время упущено.

Сейчас же он каждый день бегал с дракончиком по долине. Тот быстро уставал, скулил, Иггельд тут же останавливался: нельзя дитяню подвергать чрезмерным нагрузкам, иначе перестанет слушаться, но после короткого отдыха снова убегал, манил, и дракончик, у которого силы восстанавливались быстро, с азартом догонял хозяина.

Пробовал взбираться на Черныша верхом, тот пришел в неописуемый восторг, начал носиться и скакать, а когда Иггельд свалился, бросился к нему и едва не зализал до смерти, умоляя: ну давай еще! Давай залезай мне на спину, побегаем, я тебе покажу, как я умею быстро!

Иггельд свалился после пятого скачка, потом после десятого, но даже когда научился держаться дольше, все равно это не дело, пожаловался Апонице, а тот привез старую упряжь для драконов. Вместе подлатали, подшили, а когда прилаживали на Черныша, Апоница в изумлении крутил головой. Ведь еще не дракон, только дракончик, а грудь настолько широка, что ремни без всякого запаса на последнюю дырку. Что дальше? Это уже не дракон, а что-то чудовищное...

Черныш с подозрением обнюхивал широкие ремни, Иггельд закрепил на толстой, как бревно столетнего дуба, шее, поближе к загривку, еще один ремень – широкий и толстый, протянул под грудью. На загривке укрепил свернутое втрое старое одеяло, получилось подобие седла. Пара ремней быстро и ловко застегивается на его собственном поясе. Теперь прыжки Черныша уже не сбросят со спины, а чтобы соскочить самому – достаточно одного движения большим пальцем.

Дракон, успокоившись, с удовольствием принял новую игру. Теперь не надо смирять себя, можно нестись во всю мочь, останавливаться на полном скаку, подпрыгивать, поворачивать так резко, что собственный хвост начинает крутить тело волчком.

Апоница отошел в сторону, вообще укрывшись за выступом скалы. Иггельд, побледнев, сказал Чернышу, хорохорясь:

– Сейчас попробуем твою полную скорость!.. А то все черепашишься...

– Не сразу, – выкрикнул Апоница. – Не сразу!

– Да, – ответил Иггельд, – конечно...

Его отшвырнуло, и, если бы не ремни, упал бы на землю, а дракон выскользнул бы, как мокрая молния, но сейчас отяжелевший Иггельд видел только мелькающие вокруг камни, выступы скал, именно вокруг, потому что Черныш ухитрялся носиться не только боком, но и чуть ли не вверх брюхом. Ветер свистел в ушах, рвал волосы, а от мелькания в глазах стало дурно.

Донесся вопль Апоницы:

– Смирйай!.. Смирйай, пока не поздно!

Иггельд уперся ногами покрепче, перед глазами все мельтешит, Черныш несется вдоль каменной стены, на ходу игриво задевая ее костяным боком, чешется, закричал во весь голос:

– Прямо!.. На простор!.. Прямо!

В подтверждение приказа он начал дергать ремни, довольно бестолково, но Черныш мгновенно понял, понесся, как Иггельд и велел, хотя вряд ли дергал верно. Апоница с облегчением вздохнул, глядя им вслед. Черныш носился кругами, долина для него уже мала, хотел

выскочить через горловину, но ветер с такой силой ударил в морду, что Черныш ошалел, выпучил глаза, зарычал в ответ. Ветер вбил в пасть мешок воздуха, рык перешел в хрип, дракон даже попытался лапой достать из пасти этот злой и недобрый ветер, что вот так ни за что напал, из груди вырвался визг. Иггельд поспешно похлопал его по спине, постучал ногой, приказывая повернуть обратно. Черныш еще показал ветру острые клыки, мол, не боюсь, после чего все же повернулся и понесся огромными прыжками обратно.

Иггельд едва сумел остановить его возле пещеры, Апоница сидел на камне и, откинувшись на скалу, подставил лицо солнечным лучам, глаза закрыты. Так, с закрытыми глазами, сказал ровным голосом:

– Ого, все еще слушается?.. Иггельд, на сегодня хватит. Дай свиненку отдохнуть.

– Да он не устал, – возразил Иггельд. – Вон как скачет! Дрожит весь, так побегать хочется!

Они сорвались с места, Апоница лишь усмехнулся вслед.

Чуть ли не к вечеру Иггельд свалился, едва живой от усталости, мрачный, в ссадинах, молча и долго жадно пил, наконец пожаловался сорванным голосом:

– Эта тварь совершенно не слушается!

Апоница вскинул брови, глаза его весело блеснули.

– Вот как? А ты же доказывал, что он не устал!

– Он и сейчас не устал, – возразил Иггельд. – Но слушаться перестал.

– Мне показалось, что он тебя обожает.

– Может, и обожает, – ответил Иггельд хрипло, – но когда сам захочет.

– Эх, – сказал Апоница с сожалением, – у тебя много любви к драконам, но мало выдержки. Ты же сам знаешь, что легко приучить слушаться любого, пока он сыт и весел, и трудно, если устал.

– Он не устал!

– Молодому дракону скучно, – сказал Апоница наставительно, – когда его подолгу заставляют повторять одно и то же. У него голова устает раньше, чем ноги. Это старый может выполнять команды до бесконечности, а молодому хочется играть! Вот и делай так, чтобы обучение походило на игру!.. Ты тоже подстраивайся под него...

– Я?

– Если ты умнее, – сказал Апоница с усмешкой, – то тебя это не унизит, а только разве-селит. Играя с драконом, научить его слушаться себя беспрекословно – что может быть лучше? Да ты все и так делал играя, а сейчас делаешь вид, что для тебя это новость!

С этого дня Иггельд ежедневно ездил у Черныша на спине, заставляя бегать все дальше и дальше. Все повторялось, хотя теперь дракончик перепрыгивал даже широкие трещины с Иггельдом на своем загривке. Наконец Иггельд приучил его носиться, как ветер, огромными прыжками, он сам на спине и два мешка с камнями по бокам, но быстро взрослеющий Черныш перестает ощущать и такую тяжесть, приходилось то заставлять бегать до изнеможения, то нагружать еще и еще, а потом мчаться по прямой, обгоняя птиц.

Возвращались не раньше, чем Черныш начинал уставать, Иггельд чувствовал, что недалеко до момента, когда дракон перестанет слушаться, и, едва останавливались перед пещерой, хвалил, обнимал, чесал, гладил, чистил уши. Вскоре у Черныша выросли такие мышцы, каких Иггельд не видел даже у самых могучих взрослых драконов. Когда-то это позволит отрастить могучие крылья, а пока он, как бескрылый кузнечик, скакал по камням с такой легкостью, которую никогда бы не показали драконы из питомника.

Но уже не детеныш, а для подростка другие требования: Иггельд часто лупил толстой палкой по спине и груди молодого дракона, а потом и по животу, подавая это все как игру, и у Черныша там в ответ утолщалась кожа, нарастали чешуйки. Теперь ему для прокорма требо-

валось много мяса, но, хорошо это или плохо, после обильной кормежки Черныш почти полностью терял слух и обоняние, старался забиться в нору и спать, спать, спать...

Крупного оленя теперь съедал целиком за раз, но зато, правда, этого хватало на пару недель. Правда, через неделю готов сожрать второго, но, если не дать, как будто и не чувствовал голода. Несмотря на то что съедал всегда с костями, копытами и шерстью, приходилось долго ждать, когда что-нибудь наконец-то выпадет из-под хвоста. Обычно это случалось на седьмой-восьмой день после кормежки, Иггельд сперва тревожился так, что места не находил, совсем забыл про такую важную мелочь из жизни этих больших ящериц с крыльями.

В первый и даже второй год не было даже намека на крылья, просто крупная такая, толстая ящерица, даже не ящерица, а жаба с нагло выпученными глазами, на третий год наметились бугорки, начали приподниматься. Черныш беспокоился, часто переворачивался на спину и ерзал так, а верх блаженства для него наступал, когда Иггельд чесал по этим выступам палкой или скреб жесткой щеткой.

Затем, когда зуд достиг такой степени, что Черныш не мог заснуть, бугры лопнули, оттуда высунулись жалкие культяпки крыльев. Пока еще толстенькие жилистые пальцы без всякого намека на перепонки, потом медленно пошли в рост, и восхищенный Иггельд понял, что крылья – это всего лишь передние лапы, у которых между пальцами натянуты перепонки. Как у жаб, которым драконы – прямые родственники. Только если у жаб вся мощь в задних лапах, а передние у нее просто жалкие отростки, то у драконов передние разрослись, пальцы вытянулись, перепонки между ними оставались такими же тонкими и прочными, что первым драконам помогало перепрыгивать с дерева на дерево, а потом перескакивать пропасти, а их потомкам уже позволило летать.

По всем старым летописям Иггельд знал, что в глубокой древности драконы были только с двумя лапами, задними, а передние превратились в крылья. Все птицы, которые тоже были ящерицами, а потом их боги превратили в птиц, тоже только с задними лапами, но у драконов есть и все четыре лапы, и... крылья! Апоница отмахивался от вопросов, слишком занят, чтобы ломать голову над чепухой, что не относится прямо к кормлению и воспитанию драконов, другие дракозники даже не желали слушать.

И все-таки он сам дошел до ответа, когда вспомнил, что у ящериц отрастают оторванные хвосты, у раков – клешни, у кузнечиков – оторванные ноги. Иногда природа ошибалась, и вместо оторванной лапы отрастал хвост, у раков часто вместо оторванной клешни отрастал усик, он сам видел однажды ящерицу, у которой вместо хвоста отросла лапа. Иногда лапы отрастали на месте глубоких ран. Скорее всего, у одного дракона на месте ран отросли лапы. Он выжил и дал потомство, а его дети сумели тоже выжить и постепенно расплодились. С четырьмя лапами получили преимущество, и двулапых драконов постепенно вытеснили. Двулапые остались, по слухам, только в горных труднодоступных районах Артании.

Хотя, подумал внезапно, муравьи и есть шестилапые. Или у жуков вот и крылья, и все лапы на месте. Почему дракон должен быть похож на двулапую утку, а не на прекрасного крылатого жука?

Крылья отрастали быстро, но, понятно, пока что на таких культяпках не летать, Иггельд начал учить Черныша растопыривать их по команде, Черныш с готовностью принял игру, и когда Иггельд уже убедился, что все получается, Черныш все забегал вперед и прыгал перед ним: ну скажи, чтобы я распахнул крылышки, ну скажи!.. Ты увидишь, какой я послушный!

Иггельд вынужденно хвалил, чесал и гладил, думал, как же не хватает мудрого и опытного Апоницы, ведь так из дракона можно сделать и никчемного чесуна, что привыкнет лезть на ручки к папе и подставлять холку для чесания.

Когда крылышки отросли побольше, Черныш еще не понимал, что с ними делать, пока что это было добавочное место для чесания.

Драконы, как слышал Иггельд, жили раньше в горах над обрывами, и когда их дети подрастали, просто бросались с обрыва и растопыривали крылья. Ветер подхватывал, так учились летать. Многие все же разбивались, это последний отбор. Но, понятно, своего Черныша не подвергнет такой жестокости...

Черныш бегал за ним в восторге, размахивал крылышками, как папочка руками, что всякий раз хвалил и чесал, называл умницей.

Однажды, когда бежали против ветра, Черныш поднялся в воздух, пролетел пару шагов и, от изумления перестав махать культиками, так шмякнулся мордочкой, что взвыл, заскулил, смотрел с патетической обидой на злой и несправедливый камень, что вот так взял и напал на него просто ни за что. Иггельд поспешил на помощь, побил камень, чтобы не обижал его дитя, Черныш сразу же успокоился, видя немедленное отмщение, лизнул папу и попробовал залезть на ручки.

– Отвыкай, – сказал Иггельд, – хотя мне самому жаль, что уже не подниму тебя, бычок... Ну что, на сегодня хватит?

Нет, заорал Черныш молча. Нет, давай еще!

И снова носились по долине, размахивали: один руками, другой – крыльями. На третьем круге Черныш забыл про злой камень, снова поднялся в воздух и пролетел уже шагов пять, отчаянно колотя по воздуху крылышками. На этот раз ухитрился выставить перед собой лапы, даже откинулся на задницу, не ушибся и завизжал от счастья и открытия, что воздух – та же вода, только очень жидкая, можно ходить по дну, а можно всплыть, если часто-часто махать крылышками.

С того дня он уже выбегал из пещеры с особенным рвением и в жадном нетерпении смотрел на Иггельда. Если раньше была одна команда: «Гуляй!», то сейчас добавилась «Летай». Он произносил их одну за другой, чтобы у Черныша был выбор: мог летать, если хочет, или носиться по долине, переворачивая камни, слизывая длинным быстрым языком мокриц, ловить ящериц, раскапывать норы с мышами и хомяками.

Когда Черныш возвращался и распластывался, как мокрая тряпка, не в силах даже оторвать от земли морду, Иггельд всякий раз с восторгом рассматривал его распушенные в изнеможении крылья, самое удивительное, что создала природа: тончайшие, почти исчезающие не только на солнце, но даже слабый лунный свет просвечивает их насквозь, зачем-то на крыльях как бы наклеены сверху толстые отливающие металлом узкие пластины, не шире чем в два пальца, слегка выпуклые, между пластинами по два-три шага, эти узкие пластины не смогут защитить все крыло...

И лишь когда дракон опускался на землю и начинал убирать исполинские крылья, у Иггельда захватывало дыхание от великолепной грации, с которой крылья складываются на спине. Если у гуся или лебедя они просто становятся меньше и компактно исчезают у кого на спине, у кого на боках, то здесь нежнейшая и тончайшая ткань попросту скрывается под сходящимися пластинками из металла, вся спина отливает сталью, не пробить, не поцарапать, и с первого взгляда не отличить дракона, способного летать, от простого дракона, закованного в прочнейший панцирь костяной брони.

Пластины на спине сходятся настолько плотно, что Иггельд не раз пробовал просунуть хотя бы волосок в щель – все напрасно. К тому же по краям этих металлических пластин густо растет рыжий мех, и когда дракон складывает крылья и спина становится сплошным покатым горбиком, как у покрытой панцирем черепахи, то все возможные щелочки пережимаются надежно, капли воды не пробьются.

Апоница прибыл через месяц, все те же две лошадки, нагруженные так, что остановились перед пещерой, дрожа с головы до ног, в мыле, на широко расставленных ногах, с поникшими к земле мордами. Апоница торопливо сбросил тяжелые тюки на землю, коням подвезал к мор-

дам мешки с овсом. Привязал повыше, захватив и глаза, пусть лучше смотрят в мешок, чем увидят игривого малыша... Интересно, какой он сейчас?

Послышался топот, из остатков рощи выметнулся громадный зверь, ростом с раскормленного быка, но весь в черном блестящем панцире, огромная голова, пасть распахнута, блестят зубы, глаза горят бешенством.

Апоница застыл, а зверь налетел, прижал к стене, Апоница зажмурился в ужасе, горячий язык шлепнул по лицу, дыхание обжигало грудь. Дракон визжал, как щенок, Апоница открыл опасливо глаза. Дракон, глядя на него радостными глазами, повилял хвостиком, со скрежетом царапая каменную плиту, снова нетерпеливо взвизгнул.

– Ну что там? – раздался из темного зева пещеры недовольный голос. – Играй сам!

– Иггельд! – крикнул Апоница. – Это я! Принимай гостей!

Из темноты показалась согнутая фигура, на свету разогнулась, рука метнулась к глазам, защищая от прямых солнечных лучей.

– Апоница?.. Как я рад!

– А как рад я, – ответил Апоница, – что ты вовремя... Или что дракон у тебя дурак...

Они обнялись, Иггельд отстранился, всматриваясь в покрытое морщинами лицо старого наставника.

– Почему дурак?

– Да все еще не сожрал меня, – ответил Апоница. – Если бы я знал, что он у тебя вот так свободно... можно сказать даже, непривязанно бегают, ни за что не рискнул бы вот так...

Черныш посмотрел укоризненно, взвизгнул, в нетерпении ударил лапой по земле. Брызнули искры, в твердой земле остались глубокие следы, будто прорезанные бороздой.

– Он тебя знает, – пояснил Иггельд. – И уже с тобой дружит. А кто же друзей ест?

Апоница с сомнением смотрел на дракона. Тот улыбнулся в ответ, показав два ряда зубов, способных сразу размолоть в муку любую кость.

– Не знаю, не знаю, – ответил Апоница. – Наши драконы все злобные и недоверчивые. Возможно, это все твое содержание на воле? Ты не слишком рискуешь?

Иггельд хотел возразить, но краем глаза ухватил пролетающих над горами диких гусей. Он быстро указал на них Чернышу, сказал:

– Вверх!.. Добыча!.. Третий во втором клине...

Черныш прыжками понесся навстречу ветру, прыгнул, растопырил крылья, отчаянно заколотил ими по воздуху и по крутой дуге взмыл в небо. Настолько крутой, что Апоница не поверил глазам. Хоть и против ветра, но все-таки почти отвесно вверх.

Иггельд подвигал руками, словно что-то вязал в воздухе. Сказал вслух:

– И последний, что замыкает в левой ветке...

Дракон – Апоница не верил глазам – схватил гуся, именно третьего во втором клине, а затем последнего. Гуси разлетелись в ужасе, а он кругами опустился, распахнул жуткую пасть, и к ногам Иггельда вывалились два измятых гуся.

– Невероятно, – прошептал Апоница. – Такого еще не было... Никто и никогда... Как ты этого добился?

– Играючи, – ответил Иггельд с гордостью. – Нет, в самом деле, играя. Я относил гуся по дороге, а когда Черныш находил, хвалил и чесал. Потом приучил приносить. Ну, а от этого до гусей в небе – рукой подать.

Апоница не находил слов, качал головой. Как бы Иггельд ни хорохорился, за этим обучением стоит колоссальнейший труд, но ясно и другое: он добился такого в обучении, чего не смог еще ни один драконопастух.

– Все получилось очень удачно, – сказал он наконец. – Все одно к одному: ты сумел вырастить очень сильного и здорового дракона, а только здорового можно к чему-то приучать, а с больного какой спрос? К тому же ты постоянно рядом, а это установило между вами какие-

то иные отношения, чем между хозяином и работником. Но самое удивительное, ты даже не замечаешь...

– Что?

– Котлованные драконы в этом возрасте даже не пробуют летать.

Апоница отбыл, Иггельд повернулся и свистнул. Черныш резво выбежал из пещеры, глаза влюбленно отыскивали Иггельда. Тот поспешно отступил, вскинул руки, защищаясь от огромного горячего языка.

– Ты меня залижешь до смерти!.. Перестань!

Черныш в нетерпении запрыгал на всех четырех. Земля дрогнула, в недрах протестующе застонало. Иггельд опустил руки, и Черныш тут же ловко лизнул его прямо в нос. Иггельд поперхнулся, замахнулся рассерженно, а Черныш вроде бы в смертельном испуге прижался к земле и заскулил, делая вид, что ну прям умирает от страха.

– Перестань, – повторил Иггельд. – Сегодня мы с тобой попробуем самое важное.

Что, молча заорал Черныш, что? Говори скорее, какой ты медленный, я же помру от нетерпения! Вот сейчас прямо упаду и умру, что ж ты меня мучаешь, черепаха бестолковая, засыпающая на ходу?

– Это попробуем без Апоницы, – сказал Иггельд нервно. – Все равно ничем не поможет, а опозориться могу... Сиди смирно! Нет, лучше ляг. И не дергайся, пока я закреплю все ремни. Сегодня их надо закрепить как следует... Попробуем взлететь. Оба. Но машешь крыльями ты один, понял? Такие вот мы, люди, коварные... И летаем только чуть-чуть! Понял?

Черныш в восторге затрубил, завизжал, едва не вывихнул шею, пытаясь дотянуться до всадника и лизнуть его в обожаемое лицо.

– Сидеть! – строго повторил Иггельд.

Черныш с готовностью плюхнулся на зад, Иггельда бросило поясницей на крохотный, пока еще остренький шип, из таких вырастет гребень, сейчас же сцепил зубы от боли, сказал зло:

– Лежать!

Черныш с великой поспешностью бросился на пузо, замер, только косил благодарным глазом на родителя: ну, прикажи еще что-нибудь! Прикажи! Ты увидишь, какой я послушный, как люблю тебя, как делаю все, что только пожелаешь!

– Молодец, – наконец проговорил Иггельд. Он перевел дыхание, копчик ноет, сказал уже громче: – А теперь бегом, понял? Лапами, лапами. И – взлет! Понял? Вверх, вверх!

Он указал на пролетевших птичек. Дракон проводил их непонимающим взглядом, оглянулся на Иггельда, в глазах недоверие, потом вспыхнул восторг. Спина затряслась, скачки все ускорялись, прыжок, похолодевший Иггельд ощутил, что оторвались от земли, впереди выход из долины, навстречу бьет тугой холодный ветер, просто режущий, Черныш растопырил крылья, бестолково колотит ими, темные скалы не приближаются, ветер даже вроде бы относит обратно... зато поднимает, поднимает!

Черныш покачивался на растопыренных крыльях, Иггельд застыл, боясь шевельнуться и тем самым обрушить неустойчивого в воздухе молодого дракона. Свирепый ветер тугой волной бьет в грудь, отталкивает, но долина резко пошла вниз, скалы справа и слева начали укорачиваться, а когда совсем опустились, Черныш сделал осторожный поворот, ветер сразу подхватил их и погнал над долиной. Внизу быстро прошли зазубренные пики.

Он бросил осторожный взгляд вниз, в глазах потемнело. За его долиной, окруженной стеной скал, сразу бездна, темный провал, конец света...

Черныш в растерянности растопырил крылья, ветер нес его, как сорванный лист. Иггельд чувствовал, как там, в глубине, колотится большое совсем не драконье, а детское сердечко, ему страшно, ему жутко, закричал громко:

– Чернышка!.. Все хорошо!.. Я тебя люблю!.. А теперь возвращаемся!

Черныш от счастья перестал махать крыльями, они провалились в воздухе так, что зад Иггельда начал отрываться от спины дракона, а во всем теле появилось странное ощущение, которое никогда в жизни не испытывал. Черныш тут же отчаянно замахал крыльями, взлетевший к гортани желудок не только опустился, но и попытался протиснуться в кишечник, тело потяжелело.

– Домой! – прокричал Иггельд, лицо налилось свинцом, нижняя челюсть и язык едва двигались. – Домой!

Черныш тут же, словно ждал, развернулся и понесся обратно. К счастью, ветер утих сразу же, едва поднялись над вершинами гор, долину не искать, вот она, облепленная почти со всех четырех сторон отвесными скалами.

Едва скалы начали уходить вверх, появился ветер, разросся, по земле, отполировывая до блеска, скользили тугие воздушные струи. Черныша трепало, бросало из стороны в сторону, он растерялся, Иггельд орал, перекрывая ветер, чтобы развернулся против ветра, Черныш едва успел повернуть прямо перед стеной, где зиял широкий темный туннель, ветер попытался снова скинуть, поднять, почти удалось, но Черныш все-таки исхитрился подвигать крыльями, их наконец прижало к земле.

– Молодец, – похвалил Иггельд, едва двигая застывшими от страха губами. – Ты... молодец...

Черныш посмотрел на него круглыми от ужаса глазами. Его трясло от страха и усталости, лапы подогнулись, он сразу лег, вытянул шею и закрыл глаза. Бока вздымались часто, из груди доносились хрипы.

– Ты молодец, – повторил Иггельд. – Не лежи на ветру, простудишься. Пойдем, пора обедать.

Черныш кое-как поднялся и затрусил за ним, огромный и в то же время маленький и жалобный. Иггельд уложил его в пещере, хвалил, чесал, сам запихнул в пасть большой ломоть хорошо прожаренного мяса с диким луком.

Он вылетал на охоту все дальше, придирчиво высматривал горных баранов, туров, натравливал Черныша, а после победы хвалил, чесал и бил палкой по бокам, что Черныш просто обожал. Через три года это был молодой и очень сильный дракон. Ему еще не хватало боевого опыта, но по мощи уже превосходил всех, кого Иггельд видел в питомниках. Апоница навещался все чаще, осматривал Черныша, подавал советы. Иггельд выслушивал всякий раз вежливо, но все чаще про себя думал, что старый смотритель говорит не совсем то. Они с Чернышом ушли далеко вперед, Апоница даже не представляет, что драконы могут намного больше...

Он однажды отослал Черныша на охоту прямо при Апонице, а пока они беседовали, Черныш вернулся с тушей оленя в лапах и положил перед Иггельдом. Апоница непонимающе смотрел, как дракон отступил от добычи и смиренно сел на задницу, насколько позволял короткий хвост.

– Что это он?

– Олень, – объяснил Иггельд. В душе пело и плясало. – Обычный олень. Сейчас обдерем, вырежем лучшие куски, поджарим...

Апоница с оленя перевел взгляд на дракона.

– Но как же он...

– Что? Почему принес?

– Да...

– Мы же друзья, – объяснил Иггельд небрежно. – Одного сам съел, другого мне принес.

Апоница медленно приходил в себя. Бросил еще один изумленный взгляд на дракона, съязвил:

– А я думал, что ты готовишь на вас двоих!

– До этого еще не дошло, – ответил Иггельд, – хотя, если честно, он тоже предпочитает жареное. Ведь все, что останется, я даю ему. Ты увидишь, что он сперва выберет то, что зажарено с чесноком и травами, потом просто жареное, а сырые куски оставит на потом.

Апоница покачал головой.

– Не приучай к человеческой еде, – предостерег он. – Человек – свинья. Нет, человек не свинья, он в отличие от свиньи действительно ест все. А дракон на такой еде быстро спалит желудок. Тебе его не жалко?

– Жалко, – признался Иггельд, – потому и балую... Но, если не давать, обидится.

– Будь тверд, – посоветовал Апоница. – Для его же пользы!

– Но как ему объяснить, он же решит, что жадничаю.

– Будь тверд, – повторил Апоница. – Ухитряйся сочетать нужное с приятным. У тебя получается, Иггельд!.. Разве то, что он делает, он делает по своей воле? Я еще не видел драконов, чтобы не боялись воды!

Иггельд гордо и в то же время смущенно заулыбался.

– Я этого не знал, – признался он. – Думал, что Черныш такой урод. Вот и приучал мыться. Теперь его от воды не оттянешь. Правда, из-за рыбы.

– Рыбу они все любят, – согласился Апоница. – Только ни один дракон ради рыбы не полезет в ручей, даже если воды там по колено.

Прощаясь, обнял Иггельда, прижал к груди.

– Я стар, – сказал он со вздохом. – Увы, мне это уже не по силам. Но ты сделал великое дело! Даже если этот зверь тебя сожрет... следовало бы, конечно, ты ведь рушишь все, что дракозники накопили за тысячу лет... даже если сожрет, ты все же доказал, что твоим путем тоже можно идти. Не знаю, до каких пор. Может быть, он уже завтра осознает, что подчиняется крохотному слабому человеку, взъярится от унижения и сожрет тебя?.. Не знаю, не знаю. Но ты продвинулся уже очень далеко.

Иггельд проводил старого учителя до отдохнувших коней, на душе тоскливо. Похоже, старый учитель его слушал, но не слышал.

– Надеюсь, он все-таки меня не сожрет, – сказал он, стараясь, чтобы это звучало шутливо. – Друзей не жрут.

ГЛАВА 6

Он слишком хорошо знал случаи, когда детеныши крепких и сильных драконов вырастали слабыми и трусливыми. Это случалось чаще всего, когда в драке сталкивались чересчур неравные по силам, молодой дракон получал такую трепку, что помнил всю жизнь. Хуже того, при всей трусости они становились чересчур злобными, никогда не упускали случая напасть на более слабых. При виде сильных пускались наутек, не слушая никаких приказов. Остановить их удавалось только втыканием железного штыря в спинной мозг.

Еще когда крылышки Черныша были не крылышками, а жалкими культяпками, Иггельд наметил пути, по которым будут ходить, бегать, а потом и летать. А сейчас он смотрел на них сверху, со спины Черныша, с которым вылетали теперь каждый день на охоту и на прогулки. Долина оставалась внизу и позади, далеко впереди другая долина, впятеро больше, где Город Драконов и множество котлованов, но туда летать пока рано, хотя долететь уже смогли бы, пока что исследовали ближайшие горы, скалы, глубокие ущелья, опускались возле бегущих внизу горных речек и пробовали воду на вкус.

Сила в Черныше бурлила, но уставал быстро, это бегательные мышцы уже как стальные корни, а крылья еще нелетанные, неокрепшие, слабенькие. Иггельд понуждал опускаться на все удобные места, переводили дух, снова перелет через ущелье, через пропасть, а то и просто по кругу. Охотились, высматривая сверху стада горных баранов, козлов или оленей. Если от драконов даже тупые бараны давно научились прятаться в глубоких щелях, куда ни один дракон не просунет голову, то стрелы Иггельда догоняли на бегу, а если добыча успевала юркнуть в щель, Черныш садился рядом, а Иггельд нырял в пещеру и с торжеством выволакивал тяжелую тушу.

Постепенно исследовали все горы вокруг своей долины, убеждались, что пешим или конным попасть в нее можно только с одной стороны, там узкая горловина, один горный обвал мог бы перекрыть ее полностью. Правда, с другой стороны в стене гор длинная прямая дыра, через которую ветер и вырывается из тесной долины, но она выходит как окно на отвесной стене. От подножия до этой дыры карабкаться, как до луны, да еще и как туда попасть через нагромождение скал, через пропасти, ущелья...

Как-то нацелившись опуститься на удобное место – ровная такая длинная каменная плита, он в последний момент заметил отдыхающего в тени горного дива. Черныш уже хрипел, крылья дрожали, лететь в другое место поздно, и так обнаглели, переборщили, Иггельд сжался в ком, в голове промелькнуло все, что знал о горных дивах. Они вели род не от первого человека, созданного Творцом, а от восставших против Творца ангелов, их потомство было могучим, свирепым и одновременно слабым: чаще всего рождались безголовые или безрукие, а то и вовсе куски мяса, обросшие шерстью. А которые выживали, как выжили драконы, дивы, морские змеи или другие чудища, то либо оставались бесплодными, либо их преследовало то же проклятие: давать миру уродов. Когда-то они владели всем миром, а человек прятался в пещерах, но теперь вот драконы и все потомство восставших ангелов исчезает под натиском человека...

Черныш плюхнулся на плиту, лапы разъехались, больно ткнулся мордой, а пузом как прилип, почти расползся по ней, словно тесто по горячей сковородке. Тяжелое дыхание вырывалось с хрипами, бока раздувались, будто у стельной коровы, а потом схлопывались, будто исчезали вовсе. Он даже глаза закрыл от изнеможения, Иггельд чувствовал под ногами, как часто-часто колотится драконье сердечко.

Див хмыкнул, шелохнулся, Иггельд увидел между ног гиганта огромную дубину, сделанную из цельного дерева. Черныш, услышав незнакомый звук, открыл один глаз, тут же он у

него стал как блюдо, распахнулись уже оба, на спине поднялись пока еще мягкие иглы гребня. Из горла вырвался предостерегающий рык. Див что-то проворчал, Черныш зарычал громче.

Иггельд сказал торопливо:

– Мы не враги!.. Мы сейчас уйдем... Переведем дух и уйдем!

Рычание Черныша стало угрожающим. Он косил одним глазом на папочку, показывая, что вовсе не боится этого огромного и лохматого, вот сейчас бросился бы и разорвал в клочья, как барана, вот только папа не позволяет...

Див проворчал громче, огромные мускулистые руки, каждая толще, чем бедро взрослого мужчины, сжали дубину крепче. Иггельд в страхе вскинул руки, взрослый дракон справился бы с горным дивом, но для молодого это чересчур, а если этот див просто стукнет дубиной по нежному пока что носу, дракон ошалеет от боли, запомнит и будет пугаться любой тени.

– Нам нечего делить! – крикнул ему Иггельд. – Мы сейчас уходим!

Див проворчал еще громче, Иггельд с облегчением разобрал хриплые рычащие слова:

– Тогда ух...дите... Здесь охочусь я...

Черныш, осмелев, зарычал во весь голос. Если без драки, то можно сделать вид, что вот прямо сейчас он ринулся бы на этого верзилу и разорвал бы на мелкие кусочки, если его не удержит... папочка, держи меня крепче!..

Див нахмурился, проревел зло:

– Он что... всегда... такой?

– Какой? – переспросил Иггельд с невероятным облегчением: если есть разговор, то уже не до драки, надо только говорить и говорить, а чем дольше говоришь, тем меньше желания начинать, так бывает даже у мальчишек, а взрослые должны быть еще умнее...

Див рыкнул:

– Хитрый.

– Он же совсем ребенок, – сказал торопливо Иггельд.

– Да?.. Ну, этот ребенок когда-то вырастет...

С каждым словом див произносил слова все отчетливее, Иггельду даже почудилось, что и во взгляде исподлобья появляется больше от человека, вытесняя звериное.

– Он таким и останется, – сказал Иггельд уже почти без страха. – В смысле, недрачливым. А это просто хорохорится. Драться он не любит. Ну мы пойдем, хорошо?

Див буркнул:

– Да ладно, отдохните еще. Его ж трясет...

Он поднялся во весь громадный рост, настоящая скала из костей и тугого мяса, рука подняла дубину – ствол столетнего дуба, сердце Иггельда остановилось, но див забросил дубину на плечо, повернулся и неторопливо двинулся по ущелью.

Черныш отдышался, Иггельд занял место на загравке, за спиной знакомо зашелестело, он оглянулся на медленно распускающиеся крылья, толчок едва не свернул шею: Черныш понесся быстрыми прыжками, с силой оттолкнулся и расправил крылья во всю ширь.

Тугие струи воздуха поддерживали, передавали из одних гигантских ладоней в другие ладони, покачивая по пути, Черныш некоторое время шел по ущелью, показывая, что никого здесь не боится: ни дивов, ни страшных застывших скал, похожих на злых зверей, сам грозно храпел и пробовал выпускать огонь из пасти, но пока что выплескивался просто горячий воздух.

Потом Иггельд издали рассмотрел темный шар воздуха на выходе из ущелья, заставил Черныша спуститься до самой земли, поднырнули, польстив самолюбию могущественного демона вихрей. Черныш что-то ощутил, но Иггельд разговаривал с ним громко и все время отдавал команды, которые выполнять Чернышу самому интересно, и так они вылетели на простор. Иггельд перевел дыхание, а Черныш уже радостно завизжал: крупное стадо туров неспешно двигается к лесу.

– Можно, – сказал Иггельд. – Если дотащишь до нашей пещеры, то завалим даже двух. Дотащу, заорал Черныш молча, он повернул и часто-часто заработал крыльями.

Апоница прибыл усталый, через узкое место опять переносил выюки на себе, молча сложил перед пещерой, на благодарности отмахнулся: не от себя, дракозники собрали, жалеют, а сам трижды обошел вокруг дракона. Брови его поднимались все выше. Иггельд перехватил недоумевающий взгляд старшего зрителя, но Апоница ничего не сказал. Лишь когда отошли в сторону, Апоница спросил напряженно:

– Я вообще не понимаю, как будешь управляться с ним дальше. Сейчас – да, вы оба все еще два щенка. Два игривых беспечных щенка-балбеса. Для вас самое серьезное занятие – ловить собственный хвост. Но твой дракон взростеет! А это все-таки дракон, дорогой Иггельд. Не кошечка, что с человеком не справится, потому и не задируется.

Иггельд пробормотал:

– У меня другие методы.

– Да знаю твои методы! Они действуют... пока еще. Но дальше? Самое надежное – вбитый штырь. Боль – это рычаг, которым заставляешь подчиняться любого сильного и хищного зверя. Можно, конечно, использовать систему веревок, ведь со штырем уже опоздали, но веревки... гм... сложно и ненадежно. В полете трудно рассчитать, с какой силой какую надо потянуть, за какую дернуть, а какой дать провиснуть.

Иггельд помялся, лицо было смущенным. Апоница смотрел требовательно, Иггельд сказал наконец:

– Я исходил из того, что мы – друзья. Другьям не требуются шпоры или хлыст. Сколько бы мы ни говорили про коней как про верных друзей, но все-таки кони – верные помощники, а не друзья. А вот собака – друг. Помощниками управляем удилами, хлыстом, шпорами, а другу достаточно сказать слово... Мой Черныш, как и собака, – не раб, не помощник, а друг. Он слушается меня, потому что любит меня. Он помнит, что я носил его на руках, согревал, поил теплым молоком, сам жевал сырое мясо, а потом совал в его крошечный беззубый рот... Я для него – папа, хотя он уже побольше меня.

Апоница невольно оглянулся на эту гору-сыночка. Зябко передернул плечами.

– Да уж, – признал он. – Если уж побольше, то побольше. Но то, что делаешь ты, смертельный риск. Я могу принести дурман-травы, даже помогу вживить штырь. Поболит не больше недели, он у тебя на диво живучий.

Иггельд покачал головой.

– Я лучше пойду на риск.

Апоница нахмурился.

– Понимаешь... – сказал он нерешительно, – я тебе верю, но это я... С драконами я имею дело вот уже сорок лет, к тому же помню, что мне рассказывали отец и дед, а они были лучшими в разведении драконов. Они говорили дивные вещи! Да, насчет того, как быстро драконы приспособляются, как легко вывести новую породу... Другие считают иначе. Словом, я просто тебя предупреждаю, что с драконом, который не... безопасен, тебя в город не впустят. Такой вольный дракон очень уж пугающее зрелище. Скажи, ты хоть раз видел обыкновенного коня, чтобы без удил? Ведь если снимают уздечку, то обязательно привязывают к коновязи. Если в степи, то даже верному вроде бы коню спутывают ноги, чтобы не убежал!.. А тут дракон, на котором ни узды, ни штыря боли!

Иггельд сказал несчастным голосом:

– Но ты же не испугался?

– То я, – повторил Апоница. – Я тоже немного сумасшедший. Но у других нет ни сумасшедшести, ни такого знания драконов. Любой убоится, когда увидит твоего зверя.

Иггельд подумал, сказал:

– Коня – да, привязывают. А собаку?

Апоница покачал головой.

– Собаку... Собак тоже привязывают в чужих местах. Не потому, что убежит, собака хозяину верна, но чтобы народ не распугивать.

– Тогда мне суждено жить вне людных мест, – ответил Иггельд кратко.

– А проживешь?

– Сейчас же как-то живу?

Апоница проглотил слово, что уже вертелось на языке, пожал плечами, смолчал.

Черныш тогда еще со второй попытки научился справляться с ветром, использовать, садился, сперва хоть и трепещущий от ужаса, но уже без риска разбиться о каменные стены, а потом и вовсе привык, ветер перестал замечать, просто использовал его, как дети используют снежную горку. Горка хоть и мешает, закрывая вид из окна родного дома, зато можно показаться. Черныш быстро усвоил, что чем сильнее встречный ветер, тем круче и стремительнее получается взлет.

Иггельд с высоты орлиного полета осматривал такие измельчавшие горы, в груди долгое время растекался холодок сладкого ужаса. Черныш в потоках воздуха то приподнимался, то опускался так резко, словно до этого шел по твердой земле, а потом вдруг в пропасть, раскачивался из стороны в сторону, с боку на бок, приходилось приучать себя сидеть неподвижно, не пытаться помочь молодому дракону удерживать равновесие, не перегибаться на противоположную сторону, как страстно хотелось.

Через пару недель осмотрел Черныша, дал отдохнуть, покормил, сказал:

– Пора кое-кому утереть нос! Как ты думаешь?

Черныш преданно смотрел в глаза и скреб каменную землю шипастым хвостом. Иггельд уселся на спину, теперь там всегда наготове широкий непродуваемый плащ из кожи для защиты от встречного ветра, Черныш дождался разрешения, лапы с силой оттолкнулись от земли. Если навстречу ветру, то хватало одного сильного прыжка вверх, и тут же надо растопыривать крылья, ветер тут же сдуру подхватывает, не понимая, что им этого и надо.

Город Драконов лежал намного ниже, Черныш послушно шел над вершинами гор, поглядывал с недоумением на папочку, но тот всякий раз указывал направление, в котором ничего интересного не было. Зато вскоре показались зеленая долина, множество домов, темные ямы котлованов, Черныш тут же заинтересовался, вытянул шею.

– Правильно, – похвалил Иггельд. – Именно туда и летим. Ты у меня умница, глазастьенький.

Сердце стучало, он не верил глазам: оказывается, долина, а в ней и Город Драконов, совсем рядом, а он как долго добирался, едва не замерз по дороге, помял Чернышику за пазухой! Да и Апоница всякий раз добирается к нему с огромным трудом, лошади едва не падают. Как все близко для тех, у кого крылья...

Он колебался: с драконами надо на восточную часть долины, где котлованы. Всякий наездник опускается к своему дракону в котлован, садится в седло, проверяет, насколько дракон слушается команд, затем дает знак работникам, те начинают крутить огромные колеса. Металлическая сетка неспешно отодвигается, наездник дает команду дракону взлетать. И возвращаются всегда снова в этот же котлован. Тут же накрывают сеткой, наездник покидает своего зверя уже в корзине.

– А, ладно, – решил он вслух. – У нас нет своего котлована, а в чужой не полезем! И... вообще! Ты не их дракон, а мой. Не нравится, тут же уйдем.

Народ привычно задирает головы, когда пронеслась широкая тень дракона, начал разбегаться. Иггельд направил дракона прямо на городскую площадь. Крылья взметнули ветер и облачко пыли, когти скрежетнули по камням. Черныш не лег, а стоял, гордо и настороженно

оглядываясь по сторонам. Красиво вырезанные ноздри часто-часто раздувались, схлапывались, маленькие уши подрагивали, глаза возбужденно блестели – столько народу еще не видел, такие запахи еще не слышал.

Народ пугливо прятался за домами и в дома, он слышал, как с лязгом захлопывают на запоры двери. Из дома берича Теодорика вышел высокий рослый человек, Иггельд узнал его сразу. Ратша ничуть не изменился, только стал заметно меньше ростом, в короткорукавной кольчуге, на поясе блистали металлическими бляшками ножны широкого меча.

– Иггельд, – проговорил он издали, негромкий голос гулко прокатился по затихшей площади. – Апоница много о тебе рассказывал... Так это и есть твой заморыш? В прошлый раз он был совсем крохотным.

– Погляди, какой заморыш, – предложил Иггельд с обидой. – Сладишь ли?

Ратша без страха рассматривал дракона. Тот по незаметному для других движению руки Иггельда сел на зад, в такой позе грудь особенно широка, могуча, а передние лапы – толстые и крепкие, как колонны, поддерживающие своды дворцов.

– Да, – сказал наконец Ратша, – я не наездник и не смотритель, но скажу, что это боевой дракон!.. Он весь из мускулов. Его пустить против вражеского войска – половину перебьет сразу.

Иггельд поморщился.

– Ты воин, – ответил он как можно уклончивее, – а я нет.

– Но дракон боевой, – заявил Ратша уверенно. – Не опасно его так?

– Он спит рядом и ест со мной из одной миски, – возразил Иггельд. – Как он может быть опасен?

– Кто знает, что у него на уме, – пробормотал Ратша. – Вон какая пасть... такой если хватит...

– Ты его сам скореехватишь, – сказал Иггельд. Он нервно оглядывался. – Черныш, сидеть!.. Что они все прячутся?

Ратша оскалил зубы. Взгляд твердый, но по-прежнему дружелюбный, смеющийся.

– Иггельд, Иггельд... Даже не замечаешь, как ты вырос!.. А изменился? Раньше и ты бы спрятался, если бы вот так на площадь дракон... Забыл, где они живут? Не в пещерах, как ты, а в домах.

– Ты же не испугался, – пробормотал Иггельд.

– Я, – усмехнулся Ратша. – Я по свету такое успел повидать... Но если правду, то испугался и я. Меня и сейчас трясет. Нет, не снаружи, а там, внутри. Но если выкажу страх, то что же тогда остальным?..

– Ратша...

Он махнул рукой.

– Да успокойся, успокойся. Я же понимаю, будь он опасен, ты бы не сел на нем здесь, посреди города. Ты-то человек мирный и не рисковый. Но одно дело знать, другое... гм...

Иггельд сказал внезапно, эта идея только сейчас пришла в голову, безумная, но показавшаяся осуществимой:

– Знаешь, пока Апоницу позовут... он наверняка в котлованах, давай пока полетаем?

Ратша смотрел на него пристально.

– Как это? У меня крыльев нет.

– На Черныше, – объяснил Иггельд горячо. – А что? Ты же никогда не видел горы... и город сверху?

Ратша посмотрел на дракона, снова перевел взгляд на него, глаза стали очень серьезными.

– Ты всерьез?

– А почему нет? Ведь на драконах перебрасывали очень важных людей, не слыхал?

Ратша усмехнулся.

– Слышал. Но я не настолько важный. Впрочем, если ты уверен...

– Уверен, уверен!

Черныш по его знаку послушно опустился на каменную землю пузом. Ратша зашел почти с хвоста, дракон повернул голову и следил за ним настороженно, в глазах вроде бы голодные искорки. Иггельд подал руку, пристегнулся, сказал виновато:

– Извини, не подумал, но тебе надо держаться за меня.

Ратша поинтересовался:

– И что, меня это должно обидеть?

Иггельд двинул пяткой, Черныш поднялся. В самом деле, мелькнула мысль, когда-то он держался за Ратшу, как за дерево, а сейчас такое, просто неловко... Черныш повернулся, выбирая место для разбега, здесь нет встречного ветра, да и на спине вдвое тяжелее, пошел мощными скачками, оттолкнулся. По бокам чуть сзади сидящих выросли крылья, развернулись с одновременным мощным хлопком. Ратша охнул, ощутив непривычную тяжесть. Черныш снова и снова сильно бил крыльями, их поднимало выше и выше, простор уже не только сверху, но впереди и по бокам тоже – небо, голубое чистое небо, странно синее, с густой синевой, хотя с земли казалось голубым, воздух непривычно морозный при обжигающих лучах солнца...

Иггельд услышал, как за спиной громко ахнуло. Пальцы Ратши впились ему в пояс, сдавили.

– Это же... как высоко!

– Черныш, – крикнул Иггельд, – хватит карабкаться вверх, голову разобьешь о небо!..

Дракон послушно растопырил крылья. Иггельд чувствовал, не оборачиваясь, что Ракша легонько склоняется то на левый бок, то на правый, рассматривает проплывающие далеко внизу горы. Отсюда Город Драконов и долина выглядят жалким зеленым пятнышком, горы смотрятся оскаленными потемневшими челюстями с неровными, хоть и сверкающе белыми зубами. Отсюда даже виден далекий край гор, там уже зеленеет бесконечный простор равнины, а сами горы легли на ровную зеленую гладь, как исполинская подкова, выгнулись, захватывая часть пространства.

– Страшно, – донесся из-за спины голос. – Страшно... И как здорово! Это же какая красота...

Иггельд спросил с неловкостью:

– Нравится?

– Еще бы. Страшная красота. Подумать только, чего человек лишен... а какие-то вороны...

– Вороны сюда не залетают, – ответил Иггельд с обидой. – Сюда не всякий орел...

– А что орел? Люди, да – орлы! Эх, Иггельд, никто не ждал от тебя такого.

Черныш медленно поворачивался, раскинув крылья. Солнце уже опускалось за край, они видели, как внизу сперва от высоких гор пролегли длинные черные тени, расчерчивая залитый ярким светом мир, потом тени удлинились, разрослись и затопили весь мир тьмой. Там, на земле, уже ночь, а здесь еще сверкающий день, солнце светит ярко, и еще непривычно то, что солнце бьет лучами почти снизу, золотит брюхо дракона, просвечивает пурпуром крылья, зажигает рубиновым огнем глаза.

Ратша за спиной судорожно вздохнул.

– Какая жуткая, нечеловеческая красота... А вы, наездники, такое видите всякий раз!

Иггельд сказал с неловкостью:

– Ну, не всякий... Если только вечером вот так. Да и не всегда небо ясное. Вчера так вообще были тучи.

Он постучал по боку Черныша, тот сделал вид, что не услышал, Иггельд постучал сильнее, требовательнее, послышался вздох, словно Черныш тоже любовался прекрасным зрелищем заката, тела внезапно стали легче. Ратша ахнул и крепче вцепился в пояс Иггельда.

– Это он слишком круто снижается, – торопливо объяснил Иггельд. – Можно бы и по длинной дуге... если бы перевозили беременную тцарицу...

Ратша выдавил ему в затылок:

– Я пока не беременный. И вроде еще не тцарица.

– Тогда терпи, – ответил Иггельд и сам удивился, что так уверенно разговаривает с могучим Ратшей, самым сильным воином их края, идолом мальчишек. – Быстрее будем на месте.

– На каком?

– Откуда прилетели, – ответил Иггельд.

– А-а-а, – протянул Ратша. – А я думал, он несет нас в драконье гнездо. Как добычу.

Иггельд раскрыл рот, чтобы объяснять, спорить, доказывать, бороться с невежеством, захлопнул, догадавшись, хоть и не сразу, что воин так шутит, а у него, у Иггельда, с пониманием шуток всегда происходит что-то не так. Не так понимает или не понимает вовсе.

Горы разрастались, раздвигались, уже не видно далекой зелени, горы от края мира и до края, вон наконец знакомый хребет, вершины поднимаются навстречу падающему дракону... ну не падающему, но крылья подобрал почти наполовину, проваливается сквозь бьющий снизу ветер, так тонет большой плоский камень: не мчится вниз, а идет медленно, плавно, покачиваясь из стороны в сторону.

Иггельд предостерегающе постучал по спине – не увлекайся, чувствовал за спиной сдавленное дыхание Ратши, да и у самого сердце почти остановилось. Черныш наконец начал выдвигать крылья шире, еще шире, ветер снизу становился все тише, наконец Черныш поплыл на растопыренных парусах, ветра уже нет, желудки опустились на место.

И все равно зеленая долина выглядела маленькой и жалкой в сравнении с грозным величием холодных гор. Домики совсем крохотные, ямки котлованов едва заметные в полутьме, а освещенные дома выглядят отсюда как слабые светлячки.

Черныш сделал полный круг, выбирая место для посадки. На площади находился только один человек, он сидел на пустой опрокинутой бочке, а когда Черныш снизился, из-за домов вышли еще люди, их лиц Иггельд в полутьме не рассмотрел: Черныш закрыл крыльями. Ветер теперь в лицо, затем спина вздыбилась, Ратша охнул и крепче ухватился за Иггельда, это Черныш опустился на зад, но не проехался, обдирая еще мягкую плоть, а как прилип, крылья с сухим треском потянулись на спину.

Ратша шумно выдохнул, Иггельд расстегивал ремни, руки почему-то дрожали. Ратша исчез, а когда Иггельд соскользнул по гладкому боку на землю, Ратша уже без всякой боязни стоял почти у самой морды Черныша. Подошел Апоница, хлопнул Ратшу по плечу.

– С посвящением!.. Раньше не летал?

– Только с ложа на пол, – признался Ратша.

– Ну и как, понравилось?

– С ложа на пол?

Оба рассмеялись, подошли Шварн и Чудин. Поздоровались Ратшу, тот поворачивался гордый, указал на подошедшего Иггельда:

– Вы хоть узнаете в нем того заморыша, что унес за пазухой другого заморыша?.. Признаете дохликов, что ушли умирать в горы?

Апоница внимательно всматривался в Иггельда, сказал торопливо:

– Пойдемте ко мне в дом. Как я понимаю, ты готов отдать его в котлован...

Иггельд ахнул, что его так поняли, отшатнулся, прокричал:

– Да как же... да ни за что! Апоница, как ты мог... Как мог на меня такое?.. Да чтоб я друга в темницу?

Он задохнулся от возмущения, грудь ходила ходуном, разводил руками, не мог отыскать слов, только побагровел, кончики ушей вспыхнули. Апоница смотрел пристально, наконец тяжело вздохнул, уронил взгляд.

– Ладно, прости... Истолковал так, как будто ты... уже не совсем сумасшедший. Ладно, что будет, то будет. А чего не будет, того и не будет. Пусть этот летающий... заночует в моем дворе. Ничего не разрушит?... Ладно, даже если и разрушит. Пойдем, здесь все-таки городская площадь. И хотя город существует благодаря драконам, но все же... порядки все ужесточаются.

– Черныш, – сказал Иггельд. – За мной!

Он видел, как все четверо напрягаются, как деревенеют лица, а улыбки застывают, когда горячее дыхание из нависающей над ними пасти дракона развеивает волосы. Черныш добросовестно шел следом, очень близко шел, желая быть в стае всемогущих людей, гордый тем, что приняли, что тоже с ними, и только жаль, что другие драконы не видят, что он идет, тоже человек, вместе со всеми.

Во дворе Апоницы сперва пришлось загнать в сарай трех свиней, увести коня и шугнуть кур. Черныш лег возле колодца, голова с вытаращенными глазами оказалась возле ведра. Апоница вздохнул, но ничего не сказал, широким жестом пригласил всех в дом.

Уже на крыльце оглянувшись, спросил с глубоко упрямным беспокойством:

– А его не надо привязывать... хотя бы к коновязи?

– К коновязи?

– Да, это глупо, он и всю конюшню на себе утащит, но хотя бы... чтобы он видел?

Иггельд сказал с упреком, хотя раздувался от гордости:

– Посмотрите на него! Разве похоже, что он собирается убежать?

Черныш приподнял голову, видя, как все четверо рассматривают его с крыльца. Хвост заскреб по земле, а голова приподнялась. Иггельд увидел, что дракон готов сорваться с места, уверенный, что с ним хотят играть, крикнул поспешно:

– Лежать!.. Сторожи!

Черныш замер, на морде готовность не пропустить никого во двор, бдиль и не пущать, Апоница вздохнул:

– А что он сторожит? И от кого?... Ладно, постараюсь предупредить всех домашних, чтобы ни под каким предлогом не выходили.

ГЛАВА 7

В просторном доме Апоницы собрались в самой большой комнате, он устроил настоящий пир: велел сестре, что жила в его доме взамен давно умершей жены, достать из подвала острый вантийский сыр, мясо молодого теленка, отваренное в редких травах, что придавали особый пряный вкус давно привычному мясу, на столе появился и кувшин вина, но Иггельд, как с неудовольствием заметил Апоница, ел драгоценное мясо так же безучастно, как и обычное, а сыр глотал, не смакуя и даже не разжевывая.

Да что это я, спохватился он, я уже постарел, по-настоящему постарел, стал ценить вкусную еду и питье, а этот молодой и горячий пока не знает и не ищет удовольствия во вкусной еде, для него высшая радость – драконы! А для меня... разве не так?

В просторной комнате один светильник горел у дверей, другой на столе, оба давали слабый оранжевый свет, зато в широкое окно смотрела огромная полная луна и заливала комнату ярким светом ночного солнца. Светильник же подсвечивал лица снизу, делая их странными и незнакомыми, по стенам двигались широкие пугающие тени.

Ратша толкнул впавшего в раздумья хозяина.

– Не спи за столом!

Апоница вздрогнул, на него смотрели с улыбками, со всех сторон блеснули молодые здоровые зубы, слышался стук ножей, отделяющих куски мяса и сыра.

– Я думаю, – огрызнулся он. – Это вы еще не думаете, а... как молодые драконы!

– А старые? – спросил Шварн хитренько.

– Старые драконы уже думают, – отрезал Апоница с достоинством. – На то они и старые. Я вот что думаю, Иггельд... Ты сделал великое дело. По-настоящему великое. Жаль только, что никто тебя не поддержит.

Все насторожились, Шварн спросил с непониманием:

– В чем?

– В новых методах, – отрезал Апоница. – Вы что, не заметили? Это же не просто чудо-чество. Иггельд сумел воспитать... вылепить, создать!.. не дракона-раба, как у нас, не дракона-помощника. У него это друг, что за косой взгляд на хозяина раздерет нас всех в клочья!

Ратша зябко повел плечами, вздрогнул.

– Да, – признался он, – ты в самую точку! Эта зверюга все время смотрит то на него, то на всех нас и как бы умоляет: ну попробуйте толкнуть моего хозяина или замахнитесь, ну сделайте что-нибудь такое, чтобы я получил право показать хозяину, как я его люблю!.. Представляю, как бы он доказывал. И подошвы бы не выплюнул!

Иггельд смутился, жалко покраснел, запротестовал:

– Да что вы такое на него говорите! Он же такой умный!

Он не понял, почему все переглянулись, Ратша сказал довольно:

– Ага, даже не сказал, что у него зверь покорный или хотя бы послушный!.. Он сам не считает его рабом, заметили? Говорит о нем, как... об Апонице!

Все заулыбались, Апоница оставался серьезным, кивнул.

– Ты прав, Ратша. Хотя и кичишься, что знаток только воинского дела, но пожил с нами, многое понял лучше, чем мы, ибо смотришь со стороны.

Лунный свет померк, в комнате стало намного темнее. Ратша охнул, сдавленно выругался. Перед окном, заслоняя весь проем, поднималась огромная блестящая в лунном свете глыба. Искры рассыпались на чуть изогнутых металлических пластинках, искрились на двух толстых выступах, из-под которых страшным огнем горящих углей полыхали пурпурно-красные глаза. Ниже на сильно выдвинутом широком уступе из двух красиво вырезанных ноздрей

шел легкий синеватый дымок. Пасть приоткрылась, грозно блеснули огромные зубы, вспыхнул жарким огнем высунутый язык, совсем уж жутко смотрелась уходящая вглубь глотка.

Иггельд сказал смущенно:

– Да что это он такой любопытный... Простите, я сейчас!

Он вскочил, едва не опрокинул стол, Ратша едва успел поймать подпрыгнувший кувшин, бросился к окну. Все видели, как после короткого жеста дракон отступил, а по второму лег и даже опустил голову на лапы.

Иггельд вернулся, сказал с раскаянием:

– Моя вина, я только велел не покидать двор. Сейчас все в порядке. Он не поднимется.

Ратша спросил с недоверием:

– Даже если буду водить перед его мордищей теленка?

– Да хоть свинью, – ответил Иггельд. Наткнувшись на непонимающий взгляд, объяснил:

– Он очень любит сало. Настоящий куяв!..

– И ничего?

– Как ничего? Быстрее наедается.

Апоница подошел к окну, Иггельд видел только худую согбенную спину, но и по ней видел, с каким напряженным вниманием старый смотритель драконов всматривается в Черныша. И сам, вспоминая внешность своего перепончатого друга, представил себе то, что видит Апоница: постоянные и все увеличивающиеся нагрузки сделали из простого дракона нечто чудовищное: весь в броне, под которой тугие мышцы, могучие крылья, широкая голова с высоким умным лбом и широко расставленные глаза под надбровными выступами...

– Ждет, – проронил Апоница, не оборачиваясь. – Он в самом деле тебе предан, Иггельд. Это видно, с какой надеждой он смотрит на дверь. Ждет, когда же ты, самый замечательный, ошастливишь его появлением...

– Он уже пробует огнем, – сказал Иггельд гордо. Добавил поспешно: – Правда, еще не получается... но горячий воздух уже выдыхает.

Апоница медленно повернулся, оперся костлявым задом о широкий подоконник.

– Это я ощутил... – заметил он. – Только не поверил. Думал, со страху.

– Со страху? – не поверил Иггельд.

– А что не так?

Иггельд промямлил в неловкости:

– Я просто не верю, что вы... чего-то боитесь. Я вас чаще видел на спинах драконов, чем на улице.

Апоница усмехнулся.

– Лучше поверь. Бесстрашные наездники гибнут быстро. Даже осторожные гибнут, сам знаешь. А тут иду, как дурак, это чудовище дышит за спиной прямо в затылок... А я иду, стыдно показать, что трушу, когда вы все идете, такие стойкие.

Ратша покрутил головой, признался со смешком:

– Если честно, то я все равно трусил. И когда летал, и когда эта зверюга топала за спиной.

Шварн и Чудин переглянулись, оба сказали почти в один голос:

– И я боялся...

– И я трусил...

Иггельд сказал обиженно:

– Вы чего? Он у меня такая застенчивая лягушечка!.. Тихий такой, мухи не тронет. Зачем обижаете?

Шварн переспросил с недоверием:

– Но как может пробовать огнем? Это же еще сколько лет, пока...

Ратша ответил вместо Иггельда:

– Дети героев взрослеют рано.

Апоница кивнул, глаза странно мерцали.

– Прочишь в герои? Впрочем, ты прав. В таких жутких условиях оставалось только умереть или стать героем.

Шварн тоже подошел к окну, долго рассматривал Черныша, повернулся с завистливым вздохом.

– Великолепен. Ничего не скажешь! Это не тот заморыш, которого надо было умертвить. Это же скала с крыльями, а не дракон. Куда там, если правду сказать, всем нашим котлованным драконам! Признавайся, гад, какие у тебя секреты?

Иггельд вздохнул: одни и те же вопросы, одни и те же ответы, скорее надо учиться просто отгавкиваться или посылать к черту. Ведь ясно же, что весь мир шагает не в ногу, только один он верно, так это надо еще и объяснять!

– Я не общаюсь с ним раз в неделю, – ответил он заученно. – С этим я...

– Дружишь?

Иггельд вымученно улыбнулся.

– А почему с таким недоверием? Да, я считаю, что именно дружу. И он все еще считает меня старшим другом. Он подчиняется мне не как конь или вол, а как... скажем, пес. Мы с ним постоянно летаем, охотимся. У него крылья вдесятеро сильнее, чем у ваших драконов, которых выпускают полетать раз в две недели. Даже когда нам незачем летать, мы летаем. Я заставляю его подниматься настолько высоко, что у нас обоих кровь из ноздрей, заставляю догонять мои стрелы, я взваливаю ему на спину целые скалы, и мы летаем так над горами...

– И он все это терпит?

Иггельд развел руками.

– Ему самому это нравится. Понимаешь, я его каждый раз хвалю, восторгаюсь, какой он сильный, какой быстрый, как высоко или далеко летает... а он из кожи вон лезет, чтобы удивить меня еще больше... Ну, ладно, нам пора! Спасибо, Апоница...

Апоница удивился:

– За что?

– Что предоставил двор, – ответил Иггельд серьезно.

– Для хвастовства, – пояснил Шварн ехидно.

– Для бахвальства, – уточнил Чудин еще ехиднее. Засмеялся: – Да ладно тебе, Иггельд! Не видишь разве, мы просто завидуем. И даже не скрываем, все равно такое не скроешь. Ты нас повозил мордами по земле, повозил... Завтра о твоём драконе заговорит весь город.

– Этого я и хочу, – ответил Иггельд очень серьезно. – Может быть, старшие смотрители поймут и тоже станут...

Ратша поднялся, прогудел могучим голосом:

– Это ты взлетел слишком высоко. Пойдем, я проведу тебя. Похоже, там за воротами уже собирается толпа! Нет, не с цветами... Готовы разорвать и тебя с драконом, и Апоницу. За что?... Люди всего боятся, Иггельд. Мы вот тоже боялись, теперь видим, что у тебя нет никакого дракона, а там во дворе сидит и лижет лапку просто тихий зайчик. Большой только зайчик. С крылышками, как воробышек. Но, думаю, тебе все же запретят прилетать сюда. У тебя ж нет штыря боли... в смысле, у твоего зайчика нет. Здесь уже забыли, с чего начинался наш Город Драконов, все давно обзавелись семьями, стали сытыми и берегущими свою сытость. Народ быстро привыкает к безопасности, Иггельд!.. И чтобы оправдаться в трусости, в стремлении вкусно есть и мягко спать, всегда ссылаются на семьи, детей. Мол, я бы на любые подвиги, но жена, дети, огород, корова... Они и тебе бы такой штырь вставили, чтобы управлять. Неуправляемые люди необходимы, чтобы державе выжить, но крайне неудобны для общения, для соседей...

Они гурьбой вышли на крыльцо. Черныш не выдержал, вскочил и, не сходя с места, с такой страстью потянулся к горячо любимому папочке, такой любовью и преданностью загорелись глаза на выразительной морде, что Ратша хлопнул себя по бедрам:

– Меня бы так кто встречал!.. Про жену молчу, хоть бы жена соседа... Эх, Иггельд, ну почему тебе так повезло? Почему я тогда не отнял у тебя того заморыша и сам не пошел в горы?

Гора в лучах утреннего солнца раскалилась так, что превратилась в сверкающий слиток, выхватываемый клещами из горна, но свирепый встречный ветер заледенил грудь и ососулил горло. Иггельд закрыл рот толстым шарфом: так дыхание задерживается, хоть чуточку сохраняет тепло. Черныш распахнул крылья, развернув их, как паруса, навстречу ветру. Внизу показалась крохотная площадка среди россыпи острых камней, а рядом обрыв, опасно, бедный Черныш еще не обучен садиться вот на такое...

Он не успел додумать, площадка надвигалась слишком быстро. Черныш выставил сильные лапы, чуть откинулся всем корпусом, гася скорость о встречный ветер, в последний миг успел повернуться, Иггельд ощутил толчок, дракон побежал, быстро-быстро перебирая лапами, замер.

Иггельд посмотрел через голову Черныша и похолодел. Они оказались на самом краю обрыва. Дракон, конечно, может сорваться с обрыва, распахнуть крылья и взлететь, но только не из этой щели, где сразу обломает крылья, а его окровавленная туша долго будет падать в пропасть, как и он, Иггельд...

Черныш лег, распластался на камне. Дыхание из него вырывалось горячее, уже почти с огнем, вот-вот, иногда даже получается, но пока Черныш сам не понимает, почему иногда дым, иногда язычок огня, а в другое время только горячий воздух.

Из-за скалы вышел приземистый, поперек себя шире человек, похожий на подземника, с чудовищно мощными длинными руками, выпуклой грудью и короткими ногами. В легкой кольчуге поверх толстой кожаной безрукавки, кожаные штаны и сапоги из простой кожи, на поясе короткий меч.

Длинные серые волосы падали на плечи, из-за чего голова казалась вросшей в туловище без перехода в шею. Еще издали вскинул руку ладонью к Иггельду.

– Приветствую!.. Ты и есть знаменитый наездник, что научил дракона слушаться без штыря боли?

Иггельд соскользнул по гладкому боку дракона на землю, с каждым годом скользить приходится дольше, тоже вскинул ладонь.

– Благородный Озбириш, меня зовут Иггельд, а это мой друг по имени Черныш. Мы прибыли по твоему зову.

Озбириш, не приближаясь, рассматривал Черныша, в глазах сильнейшее удивление.

– Я не верил, что эта ящерица уже в состоянии так летать! Тем более сесть на таком уступчике.

– Потому встреча назначена здесь?

– Да, – ответил Озбириш откровенно. – Почему бы сразу не отсечь брехню от правды?

Он наконец сдвинулся с места, начал медленно обходить Черныша, рассматривая его могучее тело, толстые жилистые лапы, покрытое прочнейшими пластинами тело. Иггельд украдкой посматривал на его спину, лихорадочно прикидывал, что можно успеть выклянчить за такой полет.

Озбириш сейчас глава клана Форсингов, одно время главный смотритель драконов, в недавнем прошлом водил их на знаменитое сражение над Черными Скалами с кланом Синих Молний. Он владел богатыми уделами Апонцами, Низовцами, Верхними Вязами и Омутьем, но вместо того, чтобы наслаждаться красотой и покоем тех мест, чуть не каждую неделю бывал в конюшнях для драконов, где вонь, где ночью можешь проснуться и вскочить в ужасе от

дикого рева чудовища, которое прищемило себе хвост или которому просто приснился дурной сон. Или которое просто вздумало пореветь всласть, перепутав время суток. Озбириш, вернувшись в племя и заняв опустевшую после отца крепость, драконов не забывал и, владея теперь большими деньгами, щедро жертвовал на постройку новых котлованов, на обучение драконов, на разведение молодняка.

– И что же, – спросил он недоверчиво, – он в самом деле способен перелететь через горы с двумя здоровенными мужчинами на спине?

– Мы уже летали, – скромно ответил Иггельд. – Ратша, есть у нас такой здоровяк, он уж, не обижайтесь, побольше и потяжелее вас...

Озбириш фыркнул.

– Чему обижаться? Я знаю Ратшу, вместе как-то воевали. Не рядом, но я видел его в бою. Хороший воин, надежный. Звезд с неба не хватает, вождем никогда не станет, но в друзьях такого каждый хочет иметь. Ладно, я заплачу тебе, как платил бы за целый караван с товарами, если сумеешь доставить меня в Чертову Подкову. И, конечно, если сумеешь в тот же день привезти обратно. Берешься?

Иггельд пожал плечами.

– Хоть сейчас.

Озбириш кивнул.

– Я ожидал что-то подобное. Молодые всегда самоуверенны. Но и я готов, всех уже предупредил, что до вечера пусть не ждут. Справишься?

– Садитесь, – ответил Иггельд коротко. – Там второе седло и ремни. Я покажу, как застегиваться.

Озбириш держался хорошо, старый наездник, хотя первое время косился на гладкий загривок дракона. У всех драконов торчит металлический штырь – символ подчинения воле человека. Так ребенок может вести быка за вдетое в ноздрю кольцо, и свирепый бык идет смиренно, нос – самое больное место, а здесь дракон летит как будто сам по себе...

– Уверен, – крикнул он Иггельду в ухо, – что он знает, куда мне надо?

– А разве направление не то?

Заснеженные вершины гор медленно и величаво уплывали назад, а впереди появлялись новые, двигались навстречу, похожие на застывшие торчком льдины с вкраплениями льда. Потом показались главные вершины хребта, Иггельд не стал понуждать Черныша подниматься выше, все равно за этими горами нужно сразу плавно идти вниз, и грозные острые каменные пики, где даже снег не мог зацепиться, быстро прошли почти под самым брюхом дракона. Казалось, стоит ему выпустить поджатые к брюху лапы, заденет за самые верхушки.

По ту сторону горы помельче, поуже, а затем и холмистая равнина. Показалась узкая синяя извилистая полоска, голос за ухом Иггельда произнес довольно:

– Да, мы близко... Вон по этой реке чуть ниже по течению... О, вон и Чертова Подкова!

Городок в самом деле походил на подкову, форма странная, но там река сделала тугую петлю, город расположился в этом удобном для защиты месте, разросся, со спины подлетающего дракона видно довольно большую пристань, с десятков просторных лодок и несколько объемных шнеков и ладей. Из ближайших складов к ладьям медленно двигались крохотные людишки с мешками за спиной.

Озбириш недовольно рыкнул:

– Зашевелились!.. Как будто знали, что прилечу. А что делали две недели?.. Товар ждут...

Иггельд старательно выбирал место, где сесть, чтобы и поближе к порту и чтоб не напугать народ. Проблему решил Озбириш, громыхнув над ухом:

– Сажай на пристань!

– Но люди испугаются...

– Вот и хорошо. Пусть видят, что я в любой момент могу вот так, как снег на голову, вздрючить, чтобы шерсть дыбом, и снова за тридевять земель!

Чтобы не пугать народ, они с Чернышом все-таки ушли с пристани, а Озбириш отправился вершить суд и расправу над нерадивыми работниками. Черныш испугался огромного количества воды, до этого близко знал только ручей в пещере и горную речушку, что протекала по краю долины. Иггельд выбрал место, где берег пологий, с чистым крупным песком, чтобы дно хорошо видно, сам вошел до колен, а потом до пояса, долго зазывал трусливого друга, а когда тот в нерешительности прыгал по берегу и отчаянно взывал: выйди оттуда, я боюсь за тебя, рассерженный, вылез и начал тащить его за голову, за лапу, пихал в зад.

На берегу в сторонке собралась толпа. Драконов в этом крае видели только в небе, да и то редко, а здесь живой, настоящий, ревет, лапами перебирает, хвостом стучит, а пасть-то, братцы, пасть какая! И что это он такое вытворяет, что у них за игра...

Иггельд, красный от стыда – снова опозорил, скотина, – заталкивал в воду, шипел сквозь зубы, стараясь сохранять для зрителей улыбку, но Черныш делал вид, что ориентируется не по словам, а по улыбке, лизал его в лицо, подпрыгивал, приглашая играть на берегу повыше и подальше от воды.

Наконец, когда Черныш кое-как уразумел, что родной папочка не настаивает, чтобы он лез в это страшное веселье, а достаточно, чтобы постоял в этом по колено, все-таки сдвинулся, дрожа и приподнимаясь на цыпочки, даже шею вытягивал к небу, чтобы подальше от этого, страшного. Иггельд начал говорить хорошие слова, гладил, что значит – стучал палкой по тем местам, где всегда чешется, потихоньку брызгал водой. Черныш наконец начал потихоньку опускать голову, расслабил окаменевшие мышцы, они перестали вздывать кожу так, словно вот-вот прорвут, как толстые корни деревьев, что, грозно вспучиваясь, выступают из укрывающего землю мха.

А потом Черныш наконец увидел рыбешек. Мелких, жалких, совсем не тех рыбин, что он ловил в ручье. Удивленный, пораженный, он опустил голову к воде и долго всматривался, все еще не веря глазам своим, ведь в большой воде должны быть и рыбы громадные, страшные, жуткие, кусачие, а здесь как-то даже неловко за такую воду, прямо стыдно за нее...

Осмелев чуть, он зарычал тихонько. Вода не ответила, он рыкнул громче, утих опасливо, прислушался и, видя, что вода не огрызается, в восторге ударил ее лапой. Иггельд прыгнул в сторону, но вода окатила с головы до ног. Черныш возликовал, родитель с ним играет, начал скакать, сперва по мелководью, потом нечаянно забирался все глубже, пока ноги не начали отрываться от земли. Он ощутил неудобство, не понял, страшно удивился, что стал легкий, как бабочка, а тут еще волна прямо в морду, он показал ей зубы, грозно рыкнул, пугая, но на всякий случай поспешил выбраться поближе к берегу.

По течению резво шла посреди реки, хлюпая бортами, тяжело груженная товаром ладья. Там заметили резвящегося в воде дракона и в панике попытались остановиться, но ладья набрала слишком большую скорость, да еще и течение, ладью старались сдвинуть в сторону, но Черныш уже почти вылез на берег, стоял по колени в воде, приглашающе двигал хвостом, но весьма резво, там бурлило, словно из-под воды бил могучий родник.

Иггельд помахал рукой, мол, плывите спокойно, Черныш дотянулся до него, сделал вид, что собирается лизнуть в руку, но исхитрился и лизнул в нос. С ладьи что-то прокричали, Иггельд не расслышал, снова помахал рукой, надеясь, что выглядит успокаивающе. Но очень испугались на ладье или не очень, но она все так же двигалась по течению, постепенно замедляя ход, начала поворачивать к пристани, где уже появились люди с причальными канатами в руках.

– Купайся, – сказал Иггельд, – лови рыбу... Черныш, как хорошо... мы с тобой – победители!

Он отошел на несколько шагов, плашмя рухнул в прогретую солнцем траву. Засмотрелся в синее небо с мелкими облачками, совсем не белыми, как их почему-то считают и даже называют, а слегка оранжевыми или желтоватыми, но никогда не белыми...

Рядом затопало, солнце заслонила огромная туша, что вовсе не черная, а с оттенком серо-зеленого. Распахнулась пасть, массивная голова пошла вниз, Иггельд поспешно перевернулся на живот. Черныш осторожно потрогал его лапой, Иггельд сказал сердито:

– Брысь, жаба!.. Брысь под корягу!..

Черныш лизнул его в затылок, но это не так интересно, Иггельд услышал, как над головой фыркнуло, топот начал удаляться, снова захлюпала вода. Щека лежит на теплой, прогретой, как подушка, земле, перед глазами на фоне синего неба слегка колеблется трубчатая травинка, по ней поползло нечто огромное, ужасное, с металлическим отливом на горбатой спине... а сама травинка не травинка, а огромное дерево, только не дерево, а нечто волшебное, огромное, неведомое, созданное огромными всемогущими богами, глаз ухватил движение внутри этой огромной трубы, солнце просвечивает толстые стены насквозь, из-за чего они как полупрозрачный изумруд, внутри тоже двигаются тени, сгущения, призраки, привидения, дивные лесные и древесные чудовища...

Стебель, чтобы не переломиться от собственной чудовищной тяжести и выстоять против ураганов, скреплен через равные промежутки толстыми кольцами, они наполовину утоплены в стены исполинской трубы, наполовину выступают валиками, из-за них труба поднимается не строго ровно, а коленами, с небольшими изгибами.

Он повернул голову, возвращаясь из колдовского мира в свой, где эти чудовищно огромные трубы волшебных деревьев всего лишь травинки, а он лежит бесцельно и бездумно, ожидая, пока Озбириш закончит свои дела, вот совсем близко мелкие остро пахнущие цветочки, с них поднимаются и ползут по небу растрепанные белые облачка, вот двигается по ромашке чудовищно огромный, раза в три крупнее Черныша, жук с металлическими надкрыльями, сейчас переберется на облачко и поедет, погрузив когтистые и крючковатые лапы в белый пух, как в снег... нет, опять он едва не провалился в колдовской мир, облака очень далеко, а жук – близко...

Потом плеск прекратился, рядом затопало, на миг все застыло, на Иггельда обрушился дождь мелких капелек, это Черныш отряхнулся, тут же рядом вздрогнула земля. Он приоткрыл один глаз, рядом тяжело вздувается огромный, блестящий от воды бок, чешуйки то раздвигаются, на миг становится видно нежное розовое мясо, то сдвигаются, задевая одна другую, Иггельд даже слышал хруст, переходящий в стрекочущий шорох.

Он отвернулся от дракона, вытянулся, разомлевший на солнце, задремал. Когда открыл глаза, в небе все так же кричат птицы, мелкая букашка тихонько стрекочет над ухом, в реке целыми стенами взлетает вода выше деревьев на берегу, мощные удары распугивают зверей в лесу, а оглушенная рыба всплывает кверху белым брюхом... Наверняка внизу по течению ее спешно хватают птицы, выдры и прочие мелкие звери. Он скосил глаз, лень даже повернуть голову, посреди реки страшно кипит вода, а посреди всей этой жути прыгает черный дракон, орет, глушит рыбу лапами, хвостом, крыльями, хватается пастью, плюется, а его хозяин лежит на берегу, греется, как кот на солнышке.

Сбоку и сверху надвинулась тень, густой голос пробасил с добродушной насмешкой:

– Что это он у тебя такой?

Иггельд открыл один глаз, прищурился от солнца, явно задремал, спросил непонимающе:

– Какой?.. Да играет просто. Ребенок ведь...

Озбириш покачал головой. Ребенок перекрыл все движение по реке, вверху и внизу придерживают ладьи и груженные шнеки, смотрят со страхом. Да и рыбы той – что собаке муха.

Черныш увидел возле родителя чужого, мигом выскочил, вытащив на себе массу воды, что, стекая обратно, размыла на берегу целый овраг, подбежал, в глазах любопытство и недоверие. Озбириш чуть побледнел, сказал заискивающим голосом:

– Мы с тобой уже друзья, правда?.. Уже знакомы, я свой...

Иггельд встал, потянулся.

– С делами закончили?.. Обратно?.. Черныш, лежать!.. Ну и что, если мокрый?.. В полете высохнешь.

Черныш с неохотой лег, оглядывался на такую, оказывается, восхитительную реку, пока по нему поднимались, соскальзывали, усаживались, что-то там привязывали, натягивали. Потом он услышал знакомый толчок, но еще раньше уловил нечто побуждающее встать и начать разбег для взлета.

Озбириш выждал, когда тяжесть отпустила, крикнул Иггельду в затылок:

– Все уладил!.. У них были, как они считают, уважительные причины, лодыри... Ладно, я со всеми разобрался. Да и кланяться теперь будут ниже... Подумать только, на драконе прилетел!.. Раньше только тцаров так возили...

Иггельд усмехнулся: в самом деле, одно дело – сами наездники, они такие же воины, как и пешие или всадники на конях, но чтобы вот так перевозить человека с места на место – это позволялось только тцару или тем, кого он пошлет. А он, Иггельд, не состоит на службе, он не выращивал своего дракончика на деньги тцара или какого-нибудь клана, так что он с ним свободен. И волен зарабатывать так, как изволит.

ГЛАВА 8

Озбириш велел садиться прямо во дворе его исполинского поместья, Иггельд поколебался, но если что не так, отвечает Озбириш, направил Черныша на середину подворья. Народ разбежался с криками, заметались всполошенные куры. Озбириш слез, крикнул довольно, велел:

– Жди, я мигом!

Он сам вынес мешочек с золотыми монетами, пожелал удачи. Черныш проводил голодными глазами толстую свинью, что металась в загородке, шумно вздохнул, опалив ноги Озбириша горячим воздухом.

– Если понадобится, – сказал Иггельд, принимая деньги, – только свистните!

– Еще как понадобится, – ответил Озбириш.

– Спасибо!

– Эт тебе спасибо. И что такого дракона вырастил, и что сам... тоже ниче вырос.

Черныш прыгнул в воздух, бодрый и свежий, будто вовсе не летал только что с двумя всадниками почти на другой конец Куявии. Засвистел встречный воздух, крылья шлепали часто, с каждым толчком тело тяжело, на земле все уменьшилось, потом вдали показались горы, медленно поплыли навстречу, а потом появились и знакомые пики, за которыми укрывается самая высокогорная из долин.

Черныш красиво сделал полукруг, зашел против ветра и опустился прямо напротив пещеры, не пробежав и шага, все четыре лапы как будто прилипли к земле. Крылья медленно стягивались на спину, он гордо и настороженно осматривался, красиво вырезанные ноздри раздувались и схлопывались, ловили запахи, определяя: не было ли за время отсутствия чужих?

Иггельд не отпустил, внимательно осмотрел, даже распахнул ему пасть и посмотрел язык. Черныш дышал учащенно, бока ходят ходуном, язык высунул, ноги стоят ровно, глаза открыты широко, нос влажный, а когда с горы с легким шумом покатился камешек, тут же повернул голову и посмотрел в ту сторону.

Здоров, подумал он с облегчением. Заболевший или сильно утомленный дракон сразу бы лег, закрыл глаза. Нос сразу же стал бы сухим и горячим.

– Сегодня ты молодец, – сказал он искренне. – Мы заработали себе еды на полгода, а главное – показали себя! Иди сюда, свиненок, почищу уши.

Черныш в восторге взвизгнул, брякнулся на землю так поспешно, что та загудела, вытянул шею, устроив морду на коленях папочки, и в ожидании неземного блаженства закрыл глаза. Больше всего он обожал, как и все драконы, чтобы ему чистили уши. Но другим драконам это почти не перепало, зато Чернышу везло сказочно: Иггельд чистил и осматривал его каждый день. Со шкурой проще, еще Апоница дал пару жестких щеток для чистки драконов, а вот чтобы чистить уши, пришлось придумать свои собственные приспособления.

Сейчас Черныш поскуливал от счастья, чуть-чуть поворачивал голову, указывая, где прижать сильнее, где залезть глубже, где поскоблить стенку. Иггельд вытаскивал комочки серы, самые крупные даже показывал Чернышу, тот делал большие глаза, ужасался и снова нетерпеливо повизгивал: чисти, чисти еще! Скобли сильнее! Там грязи еще много!

На следующий после полета с Озбиришем день он с утра выволок упирающегося Черныша из пещеры, осмотрел, похлопал по морде.

– Просыпайся, просыпайся!.. Мир так велик, а ты – в пещеру. Дракон ты или не дракон? Вот я – дракон! А ты что-то вроде дохловатой жабы.

Черныш шумно зевнул, почесался задней ногой за ухом, получилось шумно, но плохо, едва не упал и с укором посмотрел на папочку. Иггельд надел на него сбрую, закрепил, вчера

снова пришлось добавить большой кусок ремня, да и на этом будет появляться каждую неделю по новой дырке, ребенок растет не по дням.

Захватил мешок, Черныш терпеливо ждал, пока наверху топтались, дергали за гребень, наконец сверху донесся решительный голос:

– Взлет!.. Драконы мы или не драконы?

Черныш повернулся и понесся навстречу ветру. Вообще-то он мог теперь взлетать и без разбега: мощные лапы с такой силой выстреливали тело вверх, что даже крыльями успевал ударить без всякой спешки, с красивой ленцой полного сил и здоровья зверя, но нравилось именно ринуться навстречу когда-то пугавшему ветру с такой яростью, что тот испуганно прижимался к земле и покорно начинал поднимать его даже просто так, еще не видя выпростанных крыльев.

Сейчас Черныш красиво и мощно несся над близкими пиками, вершинами, нарочито снижался и проносился по ущельям, иногда настолько узким, что проскальзывал, либо собрав крылья, либо развернувшись наискось. Иггельд пригибался, распластывался на спине, чтобы кончики гребня выступали дальше, чем его голова, Черныш каким-то образом чувствует расстояние, ни разу не задел гребнем, хотя не раз проносился на огромной скорости на расстоянии ладони от гранитной стены.

Потом горы кончились, далеко внизу потянулась бесконечная зелень, перемежаемая желтыми пятнами песчаника, синими венами рек и голубыми глазами озер. Иногда он замечал широкие черные полосы, дважды видел поднимающийся дым: горит лес, в одном месте даже посверкивают оранжевые язычки огня. Черныш от избытка сил забирался все выше, наконец даже облака теперь проплывали внизу, белые, плотные, похожие на засыпанную снегом землю. А в разрывах все та же изумрудная зелень, – лето в разгаре. Потом облака кончились, воздух начал свежеть, хотя и так свеж донельзя, но в нем появилось нечто новое. Черныш тоже ощутил, Иггельд видел по задвигавшимся ушам, по изменениям, которые научился улавливать всей кожей, а истолковывать тоже не умом, а чувствами. Как и Черныш уже понимал его еще до того, как он стучал по спине или подавал команды голосом.

Если раньше он не мечтал, что легко взлетит, то сейчас страшился подумать, как сажать дракона на ревущее плато. Старые дракозники рассказывали, как непросто сажать боевых драконов на побережье, там ветер с моря бросает о скалы, вертит этих могучих зверей, как щепки в водовороте горловины Черных скал, как лопается от напряжения кожа на руках и срывает ногти. А страшные, как смерть, ураганы за Перевалом? А жуткий ветер с Севера, что смешивается с раскаленным подземным вихрем, что вырывается из Красного разлома, а затем сметает на своем пути караваны, дома, селения?

Далеко впереди показалась серая полоска с примесью синевы, не успела приблизиться, как облачко ушло, туда упали солнечные лучи, серая поверхность стала зеленовато-голубой. Черныш от неожиданности перестал махать крылами, провалился, тут же застучал ими по воздуху чаще, от любопытства даже шею вытянул, стремясь достичь невиданного чуда как можно скорее, вот прямо сейчас обнюхать, лизнуть и потрогать лапой.

Иггельд постучал по загривку.

– Снижаемся, Чернулик!.. Снижаемся.

Дракон послушно шелохнул крыльями, встречный ветер начал мягко отжимать к земле. Зелень внизу превратилась в траву, а потом и вовсе в крошечный лес, исчезла, сменившись настоящей травой, затем некоторое время шел песок с редкими вкраплениями деревьев, под Иггельдом пробегала волна, будто Черныш вздрагивал или ежился, крылья застыли, медленно опуская к поверхности.

– Еще... – приговаривал Иггельд, – еще... Во-о-он у тех деревьев и садимся!

Черныш, гордый, что все понял и может выполнить в точности, красиво растопырил крылья, а когда поравнялся с деревьями, резко изменил угол, выставив их, как паруса. Затрещали

мышцы, крылья под напором воздуха подались назад, но могучие мускулы выдержали, Черныш остановился как вкопанный. Лапы коснулись земли, но тут сам Черныш испортил образ могучего и сурового дракона, взвизгнув и откинувшись назад так, что не просто сел на зад, а едва не упал через голову, словно доносящийся спереди могучий неторопливый грохот с силой толкнул в грудь.

В трех шагах вниз опускается земля, там крупные блестящие камни, похожие на снесенные яйца, только черные и серые, а размером с баранов, которых он так хорошо наловчился хватать на склонах гор, а на них с шумом набегают волны... Но какие! Высотой ему до середины лапы, толстые, тяжелые, каждая с белым гребешком пены, а от удара, с которым обрушиваются на землю, та вздрагивает, покряхтывает, мелкие камешки со стуком колотятся о крупные валуны, вода прозрачайшая... и как ее много!

Иггельд без страха спустился к этой странной воде, воздух свежий, соленый, влажный, что озадачило Черныша еще больше, глаза как блюдца, ноздри прямо трепещут, уши ловят каждый звук, к воде пошел медленно, опасливо, поджимая шипастый хвост между задних лап.

Земля под его грузным телом слегка подвинулась по склону, и перепуганный дракон тут же бегом, потешно вскидывая зад, вернулся наверх и там опасливо выглядывал из-за дерева.

– Ко мне, – сказал Иггельд. Повторил нетерпеливо: – Ко мне, трус несчастный!.. Кому говорю?

Черныш боязливо выдвинулся, в глазах укоризна, вздохнул и начал спускаться по склону, под ноги не смотрел, глаза с испугом исследовали огромную массу воды. Иггельд посмотрел на море, на дракона, снова на море. Ему это бесконечное вместилище воды тоже кажется единым живым зверем, душа замирает в трепете и смятении, в осознании своей малости, ничтожности перед этим величием, так понимает его душа, у Черныша такая же, но, в отличие от дракона, человек наделен способностью понимать: это просто вода, много воды, а если это и зверь, то зверь, что не замечает ни людей, ни драконов, ни плавающих по нему кораблей: все слишком мелкое, чтобы заметить.

– Ко мне, – повторил Иггельд. Он вошел по колено в воду, зачерпнул воды, плеснул в лицо, хотя совсем не жарко после полета над облаками. – Иди сюда, трус!.. Реку освоил? Теперь учись купаться в море.

Черныш боязливо потрогал лапой воду. Набежавшая волна ударила в камень, разбилась и достала брызгами настороженную морду дракона. Черныш снова отпрянул, но не убежал, только поднялся на задних лапах, оберегая морду от напавшей на него злой волны.

– Ну что за трус, – сказал Иггельд. – Всем говорю, что ты не трус, а только осторожный... но ты трус, да? Признайся, трусенок...

Черныш взвизгнул и снова пошел в воду. На этот раз решил войти по колено, стоял так, дрожа и задирая хвост, чтобы злая вода не укусила, в глазах твердая решимость выстоять еще целую минуту, не убежать, не поддаться панике, ведь обожаемый папочка ходит себе, уже скрывшись в этом страшном до пояса, но ему можно, он все умеет и ничего не боится, это его все бояться...

Иггельд приблизился, поплескал водой, Черныш вздрагивал и закрывал глаза, а голову пугливо отдергивал.

– Это море, – повторил Иггельд счастливо. – Понимаешь? Море... Я тоже первый раз вижу море. Я даже больших рек не видел, а мы, пока летели, три или четыре видели внизу. А теперь – море... Чернышуля, мы же с тобой молодцы!.. Еще никто из небесных наездников не добирался до моря. Во всяком случае, вот так, за один перелет.

Он развязал мешок, сам поел и скормил Чернышу весь хлеб и сыр, Черныш все еще выглядел ошалелым от вида такого количества воды, но и ошавевший, осмелел настолько, что все порывался перелететь на тот берег этой удивительной реки, глаза выпучивались от безмерного изумления.

– Побываем и там, – ответил Иггельд на молчаливый вопрос. – Не может быть, чтобы там не было дивных сказочных стран... Хотя нет, стран там быть не может, на свете есть только три страны: Артания, Куявия и Славия, а остальные, даже Вантит, только земли, где живут дикари, где великаны сторожат в пещерах несметные сокровища... где неведомые звери, дивные птицы, чудо-юды рыбы, где песок под ногами из чистого золота, а на деревьях орехи растут размером с яблоко... Везде побываем!.. Везде побываем, Чернулик!

Он лег на песок так, чтобы вода накатывала на ноги, отдался странному чувству, когда можно вот так лежать, впитывать всем телом солнечные лучи, наполняться запахами огромного мира и медленно созреть для большого, великого.

Черныш то прыгал в воде, пытался ловить рыбу, то взлетал и делал широкие круги, всматриваясь сверху. Иггельд понаблюдал за ним, драконы видят в тысячи раз лучше человека, но это в воздухе, а что зрит через толщу воды, если так же, как и здесь, то какие же чудеса открываются его взору...

Остальное время Черныш парил над ним, распустив крылья, как огромная уродливая летучая мышь. Черная угловатая тень изломанно скользила взад-вперед, иногда становилась четче, это дракон приближается к земле, затем медленно увеличивалась в размерах, очертания слегка размывались – видать, нащупал рядом восходящий поток и забирался все выше и выше.

– Теперь будем летать и сюда, – сообщил ему Иггельд. – Понял?.. А какая здесь рыба водится крупная... и вкусная...

Черныш грузно приземлился рядом. В глазах и на морде полнейшее доверие и почтение, что Иггельду стало стыдно, пробурчал с неловкостью:

– Ну, наверное, вкусная...

Черныш все еще рос, шкура покрывалась роговыми чешуйками, что оказались прочнее закаленной стали. Крылья удлинились, теперь Черныш взлетал с легкостью даже с тремя мужчинами на спине, однажды Иггельд посадил пять человек, сделал большой круг над Долиной Драконов, показал всем неплохую скорость, затем посадил Черныша прямо на городской площади.

Теодорик, Хота Золотой Пояс и другие отцы города смотрели хмуро. Как опытные смотрители драконов, может быть, и радовались, но этот молодой бунтарь слишком уж нарушает установленные правила. У них все нацелено на то, чтобы драконов выращивать могли много, чтобы выращивать удавалось разным людям, а этот Иггельд со своим чудо-драконом – всего лишь исключение, другим повторить такое не удастся, но молодые дураки этого не понимают, уже бурчат, что в городе все не так. Надо по-другому... Хотя и на печи лежать, и чтоб драконы у них получились не хуже, чем у этого помешанного!

Иггельд смотрел на проплывающие внизу горы, вспоминал весь трудный путь, который прошел за все эти тяжелые годы, Черныш несли легко и стремительно, ни один дракон не догонит, теперь Иггельд не мыслит сидеть так, как сидел в первые разы, пронизывающий ледяной ветер поднебесья мигом проморозит до мозга костей, теперь всегда в плаще, завернувшись по самые глаза...

Качнуло, Черныш пошел вниз. Там среди гор показался Город Драконов, Иггельд в очередной раз подумал об удивительном чутье Черныша, всегда улавливает его желания за минуту до того, как он скажет. А сейчас и вовсе как будто заранее знал, куда они летят.

Город укрупнился, приблизился, котлованы с драконами уползли к стене гор. Иггельд сделал два круга над домом Апоницы, привлекая внимание. Если не выйдет, то придется лететь в сторону котлованов, хотя не хотелось бы впечатлительному Чернышу показывать эти темницы, иначе не назовешь, для его собратьев. Раньше никогда так не думал, а сейчас это сравнение навязчиво лезет в голову.

Из дома торопливо выкатилась во двор приплюснутая фигурка, отсюда они все приплюснутые, закинула голову. Иггельд увидел довольное лицо Апоницы.

– Вниз, Черныш, – велел он, и дракон снова пошел вниз на секунду раньше, чем Иггельд открыл рот. В следующий раз, мелькнула мысль, буду приказывать мысленно. Соберусь что-то сказать, но... смолчу. Тоже выполнит? – Переведем дух, поедим...

Ветер заревел в ушах, трепал волосы, сердце словно бы оторвалось, никак не привыкнет к такому вот словно бы падению, сколько бы вот так ни падали, ни разу не стукнет, ждет в ужасе, но Черныш растопырил крылья, принимая удар, те затрещали, а сердце застучало часто-часто, наперstывая за пугливое молчание.

Крохотные домики выросли, разбежались в стороны, как испугнутые куры. Лапы Черныша ударились о твердую землю. Иггельд ощутил сильнейший толчок снизу, тело стало таким тяжелым, словно он снова лежал в жару и не мог поднять руки, тут же все прошло, а уже совсем не снизу донесся бодрый голос:

– Это что, обучаешь скоростной посадке?.. Лихо, лихо!

Но в голосе звучало и осуждение, возвращая слову «лихо» первоначальное значение. Иггельд сбросил ремни, соскользнул по гладкому, словно отполированный панцирь, боку. Руки Апоницы подхватили, как будто Иггельд снова стал тем подростком, которого учил и наставлял старый наездник.

Иггельд смотрел на него сверху, возвышаясь почти на голову, обнял, в самом деле ощутив на миг себя ребенком, спросил:

– Может быть, все-таки мне опускаться где-то за городом?

Апоница отмахнулся.

– Во-первых, я живу не на самой городской площади, где устраивают гулянья, это мой двор! А второе, что самое важное, надо им напомнить...

– О чем?

Апоница повел его в дом, похлопывая по спине, сказал невесело:

– Что весь наш город начинался с таких вот иггельдов. Сумасшедших, бросивших уют, города, а то и семьи, ушедших в горы ради драконов! Это уже потом, когда наехали семьи, когда откуда-то взялись люди, что драконов не знают и не любят, но они здесь, все ближе к Совету... Хорошо, что у нас вольный город, нет берегов, а берич только один. Но все равно, отравили животы такие, словно мы родились и всю жизнь протираем задy на равнинах!

Последние слова произнес с открытым презрением человека гор к пласкатикам, жителям безгорья. Иггельд на пороге оглянулся на Черныша, тот сидел с высунутым языком, а под властным взглядом сурового, но справедливого папочки послушно лег и даже закрыл глаза.

Сестра Апоницы – надо бы узнать ее имя – подала на стол в глубоких глиняных мисках похлебку из пшена, но Апоница взглянул на Иггельда, по губам пробежала короткая усмешка, жестом велел сразу убрать, взамен на столе появились тушки птиц под соусом, а затем и баранье мясо, сваренное в сладком вине. Не успел Иггельд расправиться с этим, как сестра внесла, очень довольная, окорок могучего тура, все помещение заполнил густой мясной запах с возбуждающими приправами.

В завершение были еще горячие пышные пироги из тонкой муки, медовые, с дроблеными орешками, Иггельд чувствовал, как наполняется, а затем и раздвигается живот, спросил непонимающе:

– Да зачем все это?

В глазах Апоницы блестели искорки. Сказал со странной интонацией:

– Зачем?

– Да...

– Весь мир стремится заработать побольше, а потом сесть и жрать, жрать, жрать... Желательно – всякие диковинки. Я купил на всякий случай улиток и всякие ракушки из моря. Если вымочить в уксусе...

Иггельд отмахнулся.

– Оставь. Я этим никогда увлекаться не буду.

Апоница пожал плечами.

– Но должен я проверить или нет?.. Сейчас у тебя заработано столько, что можешь купить себе песиглавство или даже беричество.

– Разве это можно купить?

Апоница отмахнулся.

– В Куявии купить можно все. Конечно, надо найти где-то незанятый клочок земли, огородить забором, приманить туда народ... А ты уже скопил целое состояние. Можешь, можешь...

Иггельд пожал плечами, смолчал. Апоница с удовольствием следил, как Иггельд ест, запивает козьим молоком, усмехнулся своим мыслям, сказал с некоторым удивлением:

– Знаешь, тебе уже начинают завидовать. За последние дни пришло столько заказов...

– Это хорошо, – сказал Иггельд с набитым ртом. – Мои задумки обойдутся недешево...

– Догадываюсь, – проронил Апоница. – Еще хочешь взять дракончиков?

Иггельд испугался, даже ложку уронил на стол.

– Зачем? Мне Черныша хватает!.. Просто ветер в долине злит. Я уже придумал кое-что...

Глаза Апоницы погасли, сказал чутьочку разочарованно:

– Ах, вон оно что... Но заказов в самом деле слишком много. Все просто не сумеешь, не успеешь. Пора выбирать лучшие.

Иггельд смущенно запротестовал:

– Кто я, чтобы перебирать?.. Пусть лучшие заказы берут опытные поднебесники. А мне те, что останутся.

Апоница покачал головой.

– Шутишь?

– Нет, я вправду...

– Да половину заказов мы просто не в состоянии выполнить! Вот, к примеру, просьба отыскать в море корабли князя Клестоярда, вышли из порта и пропали. Если их нет и в порту Иствича, куда плыли, то князь перестанет их ждать, поищет замену... Если уцелели, то скажешь, где видел... Нет, самому снижаться не надо. Хотя, конечно, пусть увидят, потом подтвердят, что ты в самом деле отыскал... Оплата хорошая, даже очень, но наши драконы над морем не летают. Берешься? Или вот...

Он говорил и говорил, Иггельд вздрогнул, словно пробуждаясь от сна. Вот сидит он, Иггельд, высокий и крупный, все еще ребенок, как он сам себя чувствует, но другие видят в нем мужчину, обращаются, как с мужчиной, ждут от него действий, как должен вести себя мужчина. А он все еще тот, кто в слезах бежал через ночь, прижимая за пазухой к груди жалобного жабененка, а потом карабкался в жуткий страшный мир высокогорья, забивался в щель и радовался каждой пережитой ночи.

Но для других он – сильный и удачливый наездник, хозяин дракона, огромного, могучего и защищенного панцирем, как боевой, и в то же время способного летать очень далеко, словно это длиннокрылый и легкий телом дракон-разведчик. Сперва к ним обоим относились с брезгливой жалостью, дивились, что все-таки выжили, глубокомысленно толковали о счастливых совпадениях, что не повторяются, о случайности, о слепой удаче, а потом постарались не обращать внимания, как на урод с двумя головами, что изредка появляется во дворе старого и выживающего из ума Апоницы, тоже помешанного на драконах.

Первый год, когда начали сами зарабатывать на жизнь, они с Чернышом перевозили письма, мелкие грузы и даже людей, чтобы прокормиться и обустроиться в своей долине, затем начала расти стопка золотых монет в доме Апоницы, куда Иггельд сносил всю плату, появились драгоценные камни, его имя узнали в самых дальних уголках Куявии, князья и беры охотно пользовались его услугами, а потом как-то престарелый князь Когонь, который отдал любимую дочь в дальнее-предальнее княжество за горами, за долами, за бурными реками и темными непроходимыми лесами, восхотел ее навестить, Иггельд на Черныше доставил его туда за половину суток. Когонь ошалел, ведь сватовство в его собственное княжество добиралось полгода, теряя людей в болотах, трясилах, загрызенными лесным зверем, утопленными в зыбучих песках, сорвавшимися с крутых гор, унесенными бурными водами, так же полгода везли его дочь... Он навестил ее через год и... попал на свадьбу, жених с его дочерью только-только добрались до дому! Трое суток беспробудно пировал князь, а потом, как и договаривались, Иггельд прилетел за ним, но пьяный князь ничего не соображал, так хмельного и подняли на спину дракона, привязали. Проснулся Когонь уже в своей спальне, долго не мог опомниться, все казалось волшебством.

Слух о его приключении прокатился по княжествам, Иггельда наперебой уговаривали за большие деньги кого-то отвезти, привезти, доставить. Рассказывали про удивительного дракона, что ходит за хозяином, как верный пес, по его команде садится, ложится, переворачивается и даже прикидывается мертвым. Если перед ним положить кусок мяса, но хозяин не разрешает есть, дракон часами может сидеть и жалобно смотреть на мясо, истекая слюнками, но без разрешения не схватит.

Он вздрогнул от слов:

– Но все больше молодежи говорит о тебе и твоём драконе. Хотят у тебя поучиться...

Иггельд второй раз выронил ложку, подхватил, горячая кровь прилила к лицу, заговорил так торопливо, что голос сорвался на жалобный писк:

– Молодежи? А я кто?.. Мне еще девятнадцать... Через три месяца двадцать лет!.. Здесь такие, как я, все еще драконы стойла чистят! Я сам еще всему учусь!

Апоница хмыкнул.

– Какие-то мелочи ты, конечно, не знаешь. Но прекрасно без них обходишься, не так ли? Вся сложнейшая система управления, что необходима для дракона со штырем в загривке, тебе ни к чему. У тебя свой путь... Я все еще, если честно, в него не верю...

– Почему? – спросил Иггельд. Повторил растерянно и с испугом: – Почему?

Апоница развел руками.

– Как тебе сказать... Одно дело – научить ломать стены в каменоломнях. Или рубить дрова. Другое – вот так с драконами... Это так же, как не каждого можно научить петь. Даже из тех, кто в самом деле хочет петь. Понимаешь?

– Нет, – признался Иггельд. – Мне кажется, это так просто! Я ж ничего не знал, не умел, но Черныш... вон опять заглядывает в окно!

– Просто, – пробормотал Апоница. – Да-да, просто... Просто птенцу научиться летать, а поросенку это непросто. Даже если очень стараться. Ладно, расскажи, что понадобится для задумки, я тут начну подготавливать.

ГЛАВА 9

Долина казалась ему запертой в каменный мешок, он долго не понимал, почему такой сквозной ветер, пока в тот раз со спины Черныша не увидел в самой дальней стене сквозную пещеру, а потом вместе с ним обследовал, цепляясь за камни, чтобы лютый ветер не вышвырнул из окна на высоте парящих орлов.

Пещера широкая, со стертыми до блеска стенами, все острое за тысячи лет заглажено, десять драконов пройдут бок о бок. Лютый ветер, врываясь в долину, проносится по ней, как табун озверевших артанских коней, перед дырой стягивается в тугой ревущий узел и вламывается вовнутрь, с тем чтобы пронестись через широкую каменную дыру, отполировывая ее стены, пол и потолок, и с грохотом вырваться с той стороны на свободу.

Если бы каким-то образом заткнуть эту дыру, то ветер в самой долине потерял бы половину своей мощи, если не больше. Но дыра неимоверно огромная, а ветер в ней не ветер, а ураган, утащит любые камни и вышвырнет из дыры на той стороне, как песчинки...

Если первую зиму они едва пережили, то каждая следующая проходила легче, он мог думать уже не только о том, как бы выжить да как бы пережить еще ночь. Теперь без остановок для отдыха летал не только в Город Драконов, но даже до Кушака, самого дальнего города Куявии, где драконов не знали и никогда не видели. Он оставлял дракона возле городской стены, быстро покупал все диковинки, каких не знали в Городе Драконов, и спешил вернуться к Чернышу, что от нетерпения готов разнести городскую стену и ворваться в город, круша по дороге дома, только бы поскорее увидеть дорогого и любимого, самого обожаемого и замечательного человека на свете, своего папу!

Теперь Черныш большой и сильный дракон, Иггельд излетал на нем всю Куявию, все земли, княжества, побывал в крепостях, вылетал в сторону стольного града Куябы, сильно трусил при виде черных башен колдунов: кто знает, какие у них приказы по охране столицы, но с каждым разом кружил все ближе, однажды набрался отваги и пролетел над самим городом, жадно смотрел на огромные сказочные дворцы с покрытыми золотом крышами, видел, как народ останавливается и, приложив ладони козырьком к глазам, провожает его взглядами.

И однажды, возвращаясь в свою долину, наконец-то рассмотрел над входом в туннель растрескавшиеся скалы, нависающие глыбы. Видел их, конечно, и раньше, но сейчас как будто ощутил сильнейший толчок в сердце.

– Черныш, – сказал он охрипшим голосом, – похоже, я нашел нам новую игру...

Конечно, и сотня каменотесов не смогла бы вот так взбираться на самый верх, вбивать деревянные колья, поливать водой и ждать, пока те разбухнут и начнут ломать камень. Даже в пещере среди ночи они слышали внезапный короткий сухой треск, а долгие мгновения спустя – тяжелый удар о землю. Глыбы откалывались нехотя, разбивались, падали не всегда прямо перед входом, самые мелкие утаскивало ветром и вышвыривало с той стороны, но Иггельд упорно поднимался на спине Черныша, которому уже надоела эта непонятная игра, вбивал десятки кольев, выливал бочки воды.

Почти месяц он без перерывов ломал камень, вход завалили крупные глыбы, а между ними он набросал мелочи, даже щебня, и наконец изнуряющий все эти годы ветер... прекратился!

Нет, он, конечно, врвался в долину, уж очень удобная дорога, но сразу же наталкивался на стену, терял разбег и оставался простым ветром, а не той жутью, что отравляла жизнь.

Закончив, он кликнул Черныша, тот патрулировал над долиной и гонял журавлей, что осмелились пролететь чересчур близко от запретной зоны. Черныш, хотя в это время с раскрытой пастью ловил вожака журавлиной стаи, а тот виртуозно уворачивался, сразу заметил призывный жест, оставил журавлей и понесся вниз, сложив крылья.

Журавли что-то кричали вслед, то ли уверенные, что трус убежал, то ли сочли, что вообще убили это большое и толстое. Черныш наконец растопырил крылья, но его еще несло к земле, как падающий камень, крылья тресали под напором ветра, мышцы вздулись такими чудовищными буграми, что Иггельд напрягся и стиснул кулаки, передавая часть своей мощи крылатому другу.

Черныш выставил лапы, ударил о землю задними, они сильнее, и тут же треть веса обрушилась на передние. Он присел под собственной тяжестью, но, Иггельд заметил, брюхо едва-едва коснулось земли, и тут же выпрямился на лапах и даже помахал хвостиком: мол, оценил, какой я молодец?

– Оценил, – согласился Иггельд сердито. – Заикой оставишь!.. А если бы мордой о землю?.. А еще лучше – задницей?

Черныш снова помахал хвостом, извернулся и лизнул, пока Иггельд таскал, надевал и прилаживал упряжь. У папочки руки заняты, и можно воспользоваться, слизнуть часть его обожаемого запаха, приобщиться, стать еще ближе и роднее, стать на него похожее.

– К Апонице, – сказал Иггельд, пристегивая ремень.

Кровь отлила от лица, собравшись вся в том месте, которым Черныш рисковал шарahnуться о землю, а когда крылья перестали возносить их на скорости выпущенной из тугого лука стрелы и тяжесть отпустила, он подумал, что никто из старых наездников не упоминал вообще о памяти драконов. Ведь он уже просто говорит: «К Апонице» – и знает, что Черныш полетит прямо к Городу Драконов, там нацелится сразу на знакомый двор и опустится прямо посередине. Как он помнит такие слова, как «Куяба», «Кушак» и еще не меньше двух сотен слов? Если, к примеру, сказать: «К князю Велигору», где побывали только однажды три года тому, то Черныш без колебаний свернет на юг, полетит по прямой и опустится точно на то место, где они в тот раз встретили князя.

Сейчас Черныш тоже пошел строго по прямой, снизился, пролетел над городом, едва не задевая крыши нарочито выставленными лапами, от взмахов могучих крыльев по улице побежали пылевые смерчи. Во дворе бродили куры, при виде черной тени разбежались с истошным кудяхтаньем, но, когда Черныш опустился посреди двора, тут же вернулись доклевывать зерна: какой-то дракон не страшен, известно же, что нет страшнее птицы, чем коршун.

Иггельд соскочил, жестом велел Чернышу прилечь – вдруг да у Апоницы гости, – пошел к крыльцу, закричал весело:

– Ура!.. Я пришел!.. С хорошими новостями!

Никто не ответил, он поставил ногу на первую ступеньку, крикнул в сторону открытого окна:

– Апоница!.. Я сам напрашиваюсь на похвалу, оцени!

Дверь отворилась, в проеме возникла сухощавая фигура очень немолодой женщины. Иггельд узнал сестру Апоницы. Она хмуро смерила Иггельда с головы до ног недружелюбным взглядом, поморщилась при виде смиренного, как кролик, Черныша.

– Что кричишь?

– Мне, – жалко сказал Иггельд, – Апоницу... Он не дома?

– Конечно, – ответила она зло, – не дома.

– А где?

– А где все помешанные днюют и ночуют?

Иггельд отступил, развел руками.

– Простите, я не хотел... Извините, я пойду поищу его там.

Она бросила вслед:

– И эту толстую жабу с крыльями убери с моего двора!

– Да-да, конечно, – сказал он торопливо. – Уберу.

Черныш с удовольствием вскочил, едва папочка занял свое место на его заливке. Хвост с силой заскреб по каменным плитам двора.

– Тут близко, – предупредил Иггельд, – но тебе нельзя тут оставаться.

Черныш повернул голову и посмотрел ему в лицо большими непонимающими глазами. Иггельду стало неловко от простодушного взгляда, пожал плечами и одновременно развел руками.

– Не все любят нас, – пояснил он, – нас, людей-драконов и драконов-людей.

Солнце ярко и резко освещало эту скалистую часть долины. Сами котлованы постоянно в тени, солнечные лучи туда достигают только в полдень. Черныша он оставил в самом дальнем углу, велел не сходить с места, здесь совсем другие порядки, а то еще подумают, что он буйный, вырвался из котлована...

Дракозники разбежались и попрятались в строения, хотя все уже слышали о нем и его драконе, многие не раз видели во дворе Апоницы. Когда Черныш лег, начали выходить, один крикнул:

– Что случилось?.. Лучше убери дракона, а то наши разъярятся!

– Я на минутку, – прокричал Иггельд. – Он не сдвинется с места, его из котлованов никто не увидит. Где Апоница?

Дракозник, что раскрыл рот, похоже, для ругани, махнул рукой, другую запустил в редкие взмокшие волосы, почесал, а когда ответил, голос прозвучал совсем по-другому:

– Вон в том котловане...

– С ним что-то случилось? – спросил Иггельд, насторожившись.

– С ним? – повторил дракозник. – С ним – нет.

Из дальнего котлована поднимался душный тревожный запах, сердце тревожно стукнуло, зануло. Захотелось вернуться, но вот уже навстречу выплыла, покачиваясь, башенка с корзиной, а рядом и вовсе лестница, что значит, дракон там смирный, не ломает, не грызет.

Ступеньки подрагивали под его весом, Иггельд сбежал по ступенькам быстро, чувствуя свое сильное ловкое тело, цепкие пальцы, упругие мышцы ног. Дракон распластался под стеной, а рядом сгорбился на его лапе Апоница. Старый, понурый, печальный.

Иггельд открыл рот для приветствия, поспешно задавил в себе веселый вопль. Апоница наверняка услышал шаги за спиной, но не обернулся. И дракон не повел на Иггельда глазом, дышит редко, тяжело, распластался, как медуза на берегу, бока раздувает так, будто бежит, но явно не может оторвать от земли даже голову.

Он зашел сбоку, потоптался, не зная, что сказать. Покрасневшие глаза старого учителя все так же обращены на дракона. Дыхание того становилось то чаще, прерывистее, то замедлялось, но ясно доносились хрипы, словно ветром раскачивало сухое дерево. Коричневая пленка на глазах стала совсем серой.

Апоница прерывисто вздохнул, Иггельду почудился сдавленный всхлип, он хотел сказать что-нибудь утешающее, но слов не находил, а те, что выплывают сами, выглядят неуместными и неуклюжими. Драконы живут долго, но и они смертны. К счастью, даже в старости остаются подвижными, летают так же высоко, умеют охотиться, только сильно худеют, из-за чего переохлаждаются, чаще болеют. Этот дракон, сколько Иггельд помнил, всегда был старым, худым, с торчащими ребрами. Суставы на лапах всегда безобразно раздуты, деформированы, на спине горб, он уже тогда был стар, очень стар, когда он пришел с дядей в эту горную долину.

Драконы, как помнил Иггельд с детства, умирают легко и тихо. За благородство дракона и за его открытую чистую и лишённую коварства душу боги даровали ему возможность умирать легкой смертью, словно засыпая. Но, хоть и очень редко, случается и так, что у дракона перед смертью отказывают лапы и крылья. И вот сейчас Апоница сидит рядом с таким стариком, который, похоже, все понимает, глаза грустные, он чувствует скорое расставание с любимым хозяином, потому старческие глаза заволакивает слеза...

Апоница всхлипнул, Иггельд видел, как старый учитель торопливо вытер глаза, пока никто не видит его слабости. Иггельд тихохонько попятился. Если дракона нельзя вылечить, а от старости лекарства нет, то надо переступить через свое малодушие и помочь другу уйти из жизни. Все это знают, каждый это говорит другому, но сами малодушно прячутся друг за друга, отступают, когда нужно сделать решительный шаг...

Он представил себе, что если бы когда-то в далеком будущем понадобилось умертвить Черныша, ведь и он смертен, то никогда-никогда не сумеет заставить себя поднять на него руку. Проще убить человека. Хотя и человека – нехорошо, но человека хотя бы есть за что, но – дракона?

Черныш завизжал и затопал передними лапами, едва его голова показалась над краем котлована. Все это время он не сводил ревнивого взгляда с торчащих кончиков лестницы, сойти с места нельзя, он же хороший и послушный, но все-таки оттуда пахнет чужими драконами...

– Да люблю я тебя, люблю, – сказал Иггельд.

Черныш ликующе завизжал и ринулся навстречу, Иггельд втянул голову в плечи, локти к бокам, ладонями закрыл лицо. Горячий и влажный язык хлестал по голове, отпихивал руки, Черныш все же умудрился раздвинуть ладони и вылизал лицо начисто. И хотя язык дракона просто шелковый, как у собаки, Иггельд чувствовал себя так, будто его вылизала гигантская кошка с ее шершавым, как терка, языком. Лицо горело, он даже пощупал брови: не содрал ли обрadowанный зверь, сказал сердито:

– Ты уже взрослый кабан!.. Что ты прыгаешь, ты же дракон, а не...

Черныш подпрыгнул на всех четырех лапах, хвост с грохотом заходил из стороны в сторону. Треснуло и разлетелось в щепы бревно, а из облицовки стены полетели искры, запахло паленым.

– Ты что делаешь? – заорал Иггельд.

Черныш распахнул пасть, глаза с обожанием смотрели на самого лучшего на свете человека, по горлу прошло утолщение.

– Гру... гру, – громынуло, будто треснула каменная стена.

– И я тебя лу... блу, – ответил Иггельд и тут же пожалел о сказанном: Черныш, услыша знакомое слово, едва не свихнулся от счастья, пошел прыгать и скакать, земля и все вокруг задрожало, затряслось, каменная стена угрожающе крякнула, из щели посыпалась мелкая каменная крошка.

Иггельд снова прижался к стене, уворачивался от попыток Черныша схватить его лапами, тогда уж точно залижет до смерти, отбивался, заорал рассерженно:

– Стихни!.. А то не возьму с собой! Непослушных не берут!

Черныш тут же с готовностью шлепнулся толстым задом на землю, застыл, не сводя с Иггельда преданного взора. Иггельд вытерся рукавом, сказал уже не так сердито:

– Ладно, ты – хороший... Сиди-сиди! Не прыгай, сиди. Иначе не возьму тебя полетать над горами... Сам полечу, понял?

Большие выпуклые глаза дракона стали еще огромнее, в них отразилось великое изумление. Иггельд погрозил пальцем, дракон поспешно втянул голову в плечи. Иггельд покарабкался ему на спину, Черныш приподнялся, жадно оглянулся. Иггельд снова погрозил, Черныш послушно сел, но нетерпеливо ерзал костлявым задом, камни скрипели, поднялось легкое облачко мельчайшей каменной пыли.

Дракозники наблюдали за ними издали, приблизиться никто не посмел, потом прибежал запыхавшийся Беловолос, этот подошел вплотную, на Иггельда смотрел снизу вверх влюбленными и преданными, как у Черныша, глазами. Иггельду стало неловко, сказал торопливо:

– Не говорите Апонице, что я прилетал... Или скажете потом, не сейчас.

Двое суток он охотился, хотя теперь проще купить мяса и сыра, пополнил в пещере запасы зерна, дров. На третьи сутки, возвращаясь, обратил внимание, как часто Черныш, уже усталый, заработал крыльями, стремясь достичь долины побыстрее. Шею вытянул, голову поворачивал так и эдак, как бы рассматривая. Иггельд пробормотал:

– Да что там такое?.. Когда же ты научишься говорить!.. Вон Хота и то разговаривает...

Когда Черныш пошел резко вниз, удалось рассмотреть искорку костра и две человеческие фигурки рядом, а под скалой, защищенные от ветра, стояли шесть коней. На траве громоздилась куча вьюков, мешков. Иггельд подал Чернышу знак сесть вблизи, но тот еще раньше изогнул крылья и пошел вниз по суживающемуся кругу. Все-таки он как-то чувствует мои желания, успел подумать Иггельд, но тут же смутная мысль выпорхнула под натиском сильнейшего удивления: внизу встали на ноги и махали ему руками Беловолос и Чудин, молодые, но уже опытные смотрители драконов!

Иггельд опустил Черныша в сторонке, чтобы не напугать смотрителей, но, едва слез и пошел к ним, Черныш посидел малость и, не ощутив в голосе хозяина жесткости, потихоньку затрусил за ним следом, стараясь не шуметь, не наступать на шелестящие камешки.

Иггельд не понял, почему улыбающиеся ему смотрители начали улыбаться как-то иначе, ехиднее. Потом уловил, что Беловолос смотрит за его спину, оглянулся. Черныш, виновато пригибая голову, крался следом, стараясь двигаться, как неслышная кошечка.

Он не успел гаркнуть, Беловолос сказал торопливо:

– Не кричи на бедного ребенка... ради нашего приезда!

– Да, – поддакнул Чудин, – уважь гостей!

Иггельд пожал им руки, спросил немного встревоженно:

– Ничего не случилось?

– Случилось, – сказал Беловолос. Поймав встревоженный взгляд Иггельда, пояснил: – Ты не поверишь, но твоя дурь оказалась заразительной. По нашим рядам слишком долго гулял слух, какого могучего зверя ты выковал из хилого ящеренка!.. Начались брожения, потом Шварн сказал, что он скоро выберет себе дракончика по нраву и придет к тебе. Ну, если даже осторожный Шварн такое брякнул, то мы с Чуудином не такие уж и серьезные... Верно, Чудин? Вот мы двое решили... опередить Шварна. Собственно, мы все трусы, Иггельд. Ты проложил тропу, а мы по ней, за твоей могучей спиной... Принимай нас под свою могучую руку. Мы сейчас приехали повынюхивать, что и как, а если ты не против, то подберем себе по пещерке, а на следующей неделе приедем уже с дракончиками. А ты нам покажешь, как с ними обращаться правильно.

Иггельд ошалел, завопил:

– Какую могучую руку? В чем я могу быть против?.. Моя долина, что ли?.. Приезжайте, я буду счастлив, что я не один. А насчет показывать, так не смешите! У вас гораздо больше опыта и умения!

Беловолос покачал головой.

– Нет, Иггельд. Уже нет. У нас старые методы, с веревками да штырями. Но нам хотелось бы так, как и ты!.. Так что ты обогнал всех по умению. Кто-то знает больше, но ты – лучше. Так что мы будем учиться у тебя и смиренно просим принять нас к себе в ученики.

Он преклонил колено. Чудин тоже встал с ним рядом, и оба, коленопреклоненные, смотрели снизу вверх. Иггельд от смущения чуть не заплакал, а тут еще Черныш подошел и начал обнюхивать обоих, вяло лизнул Беловолоса, от обоих сильно пахнет драконами, так что можно с натяжкой считать своими, Беловолос и Чудин хоть и смертельно побледнели, чувствуя нависающую над ними громадную пасть с горячим дыханием, но остались на местах.

Иггельд торопливо и сбиваясь на каждом слове произнес формулу принятия в ученики. Оба встали, Беловолос сказал с бледной улыбкой:

– Надо ввести это в ритуал, освятить, так сказать... чтоб вот так свободный дракон стоял и обнюхивал каждого. Кто не испачкает штаны, того принимать. Кто хотя бы пукнет, того на корм, на корм! Чтоб сразу отсеять трусов.

Чудин сказал серьезно:

– А что? Для нового мира нужен новый устав.

Иггельд запротестовал:

– Какой новый мир?

– Новый, – возразил Чудин.

А Беловолос добавил:

– Не смейся, мы долго думали, прежде чем... Все-таки если ты сюда поневоле, то нас никто не гнал. Потому мы долго раздумывали, размышляли, спорили, чуть не дрались.

– Не дрались? – переспросил Чудин.

Беловолос отмахнулся.

– То не в счет. Оба пьяные были. Но могли драться и трезвые... Ты сам не понимаешь, что сделал, да?

Иггельд сказал виновато:

– Наверное, да. Я просто не мог принять то... как было там, на старом месте.

– Ты ушел и доказал, как надо, – сказал Беловолос. – Да, доказал всем!.. Даже старые поднебесники признают, что ты вышел победителем. Но они доказывают и тут, к сожалению, правы, что твой путь чересчур рискованный... и что нельзя твой способ применить в их Городе.

– Почему? – спросил Иггельд и тут же запнулся: – Да, вообще да...

– Понял? Да хоть один из дракончиков, которых начинают воспитывать по твоему способу, захочет порезвиться, он же разнесет весь город, порушит дома, перетопчет народ, а то и пожрет. А потом, ощутив человеческую кровь, станет совсем страшилищем.

Чудин добавил:

– И вообще, чтобы так воспитывать, надо самому быть немножко помешанным. Иггельд, мы – такие. Драконы для нас – все! Но только мы слабее тебя. Мы плакали, когда слабых убивали, отворачивались, закрывали глаза, а дома напивались, но даже не протестовали. Да и то подумать, ведь все делается верно... Ты же поступил не по уму, а по сердцу... и победил! Сейчас мы, руководствуясь не только сердцем, но и умом, пришли к тебе. Будем жить в пещерах, здесь их много. Будем растить своих дракончиков. Будем спать с ними на одном ложе, будем есть из одной миски. Сроднимся, как сроднился с Чернышом ты. Мы всегда хотели быть к драконам ближе, но с детства знали, что драконы – звери. Хищные и лютые. Что их можно только укрощать огнем и каленым железом.

Оба через три дня принесли с собой детенышей драконов. Пещер хватало, уже не такой пронизывающий ураган рассекал долину пополам и у самых пещер затихал, к тому же Иггельд научил закрываться так, чтобы сохранять тепло, и дракозники окунулись в новое для себя воспитание драконов по «способу Иггельда».

Он им чуточку завидовал, обоим есть с кого брать пример, знали бы они, через какую жуть он протопал, как не раз отогревал Черныша своим телом, лечил и выхаживал, как в холодные зимние ночи грели друг друга, укрывшись одним одеялом!

Молодым дракончикам тоже было с кого брать пример, их обучение шло даже легче, чем Черныша, а тем временем в долину перебрались еще двое, Шварн и Худыш, но знаменательнее было то, что Шварн приехал с женой и двумя детьми.

Почти сразу за Шварном появился Апоница. За ним двигались семеро тяжело нагруженных лошадей, сам Апоница, бледный, потерянный, с красными воспаленными веками, обнял Иггельда, сказал надтреснутым голосом:

– Обгоняющий Ветер... ушел. У меня уже там никого не осталось.

Иггельд проговорил глухо:

– А сестра? Она тебя любит.

– Да, конечно, – ответил Апоница отстраненно. – Любит... по-своему. Я ей оставил дом. А сам буду жить здесь. Тоже попробую взять дракончика... Может, получится?

Иггельд сказал горячо:

– Да, конечно! Если ты возьмешься, то все получится. Никто не знает столько о драконах, как ты. Здесь ты очень нужен, правда!

Апоница криво усмехнулся.

– Не скромничай. Ты уже знаешь больше. Да и вообще... Силен не тот, кто знает больше, а кто знает нужное. Теперь ты – учитель, хочешь этого или не хочешь.

Он ушел устраиваться в пещере, Иггельд растерянно смотрел вслед. Теперь, когда пришли не только Беловолос с Чудином, они все-таки молодые, но даже Апоница, теперь уже как-то нелепо жить во все еще продуваемой долине и в пещерах, как звери...

На другой день он собрал всех, сказал страстно:

– Когда я жил один, я долго терпел здесь лютый постоянный пронизывающий ветер. Тот самый, из-за которого никто здесь и не селился. Вы все слышали о нем! Кто-то, возможно, даже застал. Сейчас от него только остатки... да-да, видели бы, что было раньше! Но мы с Чернышом все-таки завалили туннель вон там, видите гору камней на противоположной стене? Но и сейчас этот ветер, его остатки здорово мешают жить...

Беловолос поинтересовался:

– Ну и что можем сейчас? Не заваливать же проход с другой стороны? Да и не завалишь, там слишком широко.

Иггельд сказал с жаром:

– В нашей долине скоро появятся дети! А Шварн вон уже приехал со своими двумя. Но даже звери делают все, чтобы спасти и обезопасить детей. А мы?.. Я прикинул, что, если поставим стену между теми горами, долина будет защищена от ветра. Но даже если не сумеем поднять ее высоко, то все равно силу ветра снизим!.. Если поднять хотя бы на высоту в два человеческих роста... представьте себе это!.. Ведь проклятый ветер обрушивается не сверху, а пробирается, как хитрая змея, почти снизу!..

Сперва, как он и ожидал, все дружно высмеяли идею борьбы с природой и богами. Потом начали доказывать, почему не получится. Иггельд спорил, горячился, его слушали, как ему казалось, мало, а то и совсем не слушали, слишком юн и горяч, но потом как-то решили попробовать в свободное время выломать подходящие глыбы, а вот на то, чтобы обтесать да сложить, доскать, лучше нанять умельцев. Такие в Городе Драконов есть, они и котлованы для драконов делали, и дворцы для знати построили, а сейчас томятся без дела и, главное, без заработка. Можно сговорить задешево, ведь работа несложная...

Не сказать, что это простое дело, но за весну, лето и осень выложили стену в два человеческих роста. Почти половина долины, что ближе к стене, ощутила снижение ветра, а те, которые поселились с другой стороны, убеждались, что в самом деле часть ветра разбивается о стену, и сами настаивали, чтобы ее поднимали выше.

Пришлось начинать с самого начала, то есть основание стены расширили втрое, иначе ветер повалит, когда она поднимется до вершин и, как плотина, удержит весь напор. Работали дни и ночи, залезли в долги, нанимали мастеров-каменотесов из Города Драконов, и всего за два года стену подняли почти до вершины соседних гор.

Для сообщений с Городом Драконов оставили сперва щель, а потом заделали и ее, поставив не очень красивые, зато массивные и надежные ворота.

Апоница, почесывая затылок, обронил задумчиво:

– У тебя получилась такая крепость, которую никакое войско не возьмет... Горы со всех сторон, ты заделал единственный проход!

Иггельд отмахнулся.

– Какое войско? Сюда если кто и добирается, семь потов сойдет. Никакое войско не проведи сюда по нашим горным тропам.

– Это так, – согласился Апоница, – но крепость – чудо! Молодец, здорово сделал. Теперь люди будут жить в тепле.

– А я при чем? – удивился Иггельд. – Мы все строили!

– Да-да, – снова согласился Апоница. – Только ты единственный, кто все еще называет это место Долиной Ветров.

Иггельд в великом смущении развел руками. Апоница с удовольствием смотрел, как густой румянец заливал его щеки, лоб, опускается на шею.

– Единственный, – повторил старый смотритель со вкусом. – И никто их не заставляет называть... Долиной Иггельда! Кстати, так начали называть еще раньше, когда сюда переселились Шварн и его жена. А теперь так и вовсе... При чем тут ветры, которых нет? А Иггельд – вот он! Отец-основатель.

Иггельд пробормотал в сильнейшем смущении:

– Апоница! Брось, не говори такое.

– Ты посмотри, – настойчиво сказал Апоница. – Оторви рыло от земли, посмотри вокруг. Посмотри на Долину... Иггельда.

Он даже ухватил его за плечи и развернул лицом к аккуратным домикам. Иггельд в неловкости пожимал плечами. Не сказать, что ничего не замечал все это время, но работы всегда выше головы, долина меняется просто стремительно. Уже не та продуваемая насквозь злым северным ветром безжизненная земля, что он застал в тот день, когда пришел измученный, держа Черныша то в мешке, то за пазухой, отогревая его своим теплом, озябшего, замерзающего, не понимающего, куда делись все ему подобные и где теплый огромный бок с торчащими сосцами, полными молока.

Сейчас со всех сторон дымки, в пещерах добывают руду, плавят, за железными слитками снизу цепочкой тянутся обозы. Вообще-то железо здесь ненамного лучше, чем внизу, но Апоница пустил слух, что в железо добавляют кровь молодых драконов, потому оно, дескать, обладает магическими свойствами, так что спрос на это железо велик, хорошая статья дохода для Долины, что вынуждена закупать зерно, ткани и вообще все-все, кроме камня. Правда, один из новых жителей, Метелик, нашел небольшую, но богатую самородками жилу золота, разрабатывал ее втайне, никому не говорил, а все золото приносил к Иггельду и складывал в укромное место.

– На черный день, – объяснил он сумрачно. – Почему я знаю, каким будет? И откуда?.. Я уже старый, битый, просто знаю, что будет обязательно. Это ты а-ла-ла и вперед, не оглядываясь, а мы, старшие, живем с оглядкой. Потому, правда, вы нас и обгоняете... Но зато половина из вас, даже больше, гибнет, а мы выживаем... Никому не говори про это золото. Используешь, когда нужно.

– Это твое золото, – сказал Иггельд.

– Я копал его на твоей земле, – ответил Метелик.

– Да какая она моя! – вскричал Иггельд. – Общая Долина, общая!..

Метелик сумрачно усмехнулся.

– Вот видишь... Любой на твоём месте важно бы надулся и кивнул. Да, дескать, моя. Но и тебе от щедрот, так и быть, дам... золотую монетку. А ты вот сразу от всего отказываешься. Потому, Иггельд, к тебе идут, что тебя обобрать можно, а ты... гм... сам дашь себя обобрать, да еще и собственную шкуру снимешь, если потребуют. Словом, это золото – твое. Я ж знаю, используешь не на себя, а на Долину и твоих долинчан.

Иггельд спросил растерянно:

– Но... зачем? Разве тебе самому не нужно это золото?

Метелик буркнул:

– А тебе?.. Ладно, считай, что я хоть и куяв, но мне вот взбрело в голову, прямо взбрелось поработать и на общество. Правда, на все общество, куявское, у меня кишка тонка, я бы там половину вообще перебил, а вот на эту малую родину, нашу долинную, я еще могу, это совсем, оказывается, не противно.

Иггельд обнял старого горняка, в глазах защипало, он чувствовал, что старик за внешней грубостью скрывает нежное доброе сердце. Возможно, если бы стал не золотоискателем, а смотрителем драконов, именно он много лет назад бежал бы в эту Долину с замерзающим дракончиком за пазухой.

ГЛАВА 10

Он ежедневно поднимал Черныша, садился на загривок и говорил: «Полетаем!» А если не приходил или медлил, Черныш хватал сбрую в пасть, вихрем вылетал из пещеры и огромными скачками бросался искать обожаемого родителя, неся к другим пещерам, отыскивал дорогого и самого любимого человека на свете, клал огромную башку на колени и вопросительно смотрел в глаза.

Народ, хоть и привычный к вольным драконам, шарахался от неожиданности, когда это черное чудовище несется прямо на тебя огромными прыжками, а из громадной оскаленной пасти свисает сбруя, болтаются ремни.

– Сейчас, – отвечал Иггельд. – Сейчас закончу разговор, и полетим!

Черныш терпеливо ждал, когда Иггельд приладит на загривке второе сложенную кожу, а то сразу протрет штаны, привяжет ремни. Это неслыханнейшее наслаждение: видеть мир сверху. Так могут чувствовать только птицы... нет, даже птицы не могут, они рождаются с крыльями, а человек рожден ползать – и обретает силу и власть полета! От безумного счастья вскипает кровь, кружится голова, он не раз ловил себя на странном желании расстегнуть ремень и, распахнув руки, самому полететь наперегонки с Чернышом.

Только первый год они летали над горами, потом над всей Куявией, затем Иггельд осторожно, но настойчиво начал увеличивать нагрузки, заставлял летать над пугающим и бескрайним морем. Усталый Черныш стонал, хрипел, просился брякнуться на землю и отдохнуть, а если над морем, то готов поплавать, как коровья лепешка, но Иггельд неумолимо заставлял летать и летать, выбрав место над ровной степью, а то и вовсе над озером: если Черныш вообще от усталости не сумеет правильно опуститься, то хоть не поломают лапы, не свернет шею.

За годы таких полетов у Черныша отросли такие крылья, что Апоница и Якун не верили глазам своим, то и дело щупали и замеряли чудовищные глыбы мускулов. Иггельд давал Чернышу отдохнуть два-три дня, только кормил и следил, чтобы тот отсыпался, потом совершал проверочный полет на дальность. Вернувшись, рассказывал Апонице, где был, и видел, что старый смотритель верит и не верит: таких драконов просто еще не существовало. Даже в самых старых хрониках никто не упоминал о таких удивительных драконах.

– Мудрецы сказали бы, – заявил он однажды, – что это магия.

Якун сидел за столом рядом, он кивнул и подтвердил:

– Но ведь в самом деле – магия!

Апоница не понял, удивился:

– Какая?

– Самая сильная, – ответил Якун. – Которая может все.

Он перегнулся через стол, схватил Иггельда за руку и положил ее на стол ладонью вверх. Иггельд опустил взор на свои толстые ороговевшие мозоли – желтые, твердые, как конские копыта, застеснялся, вырвал руку и спрятал под стол.

Апоница посмотрел на Иггельда с нежностью.

– Вот ты о какой магии, – сказал он Якуну. – Ты прав, сильнее ее нет ничего на всем белом свете. Иггельд ею владеет! Как никто здесь.

Стена, преграждающая путь ветру в Долину, с высоты выглядела тонкой щепочкой, даже листиком, застрявшим между двумя горами, и жители забыли о постоянном свирепом урагане. Вообще это была, пожалуй, единственная на белом свете стена, которую поставили для защиты не от людей или зверей, а от ветра. И в стене тоже уникальные врата, которые закрывают не перед врагами, а перед ветром.

Если оставить открытыми, то могучий поток воздуха превратится в ураган, сметет все, что рискнет оказаться на пути. Иггельд с самого начала забраковал ворота, которые предлагали опытные строители: с двумя распахивающимися широкими створками и красивыми запорами из толстой бронзы. Ветер не даст закрыть, а распахивать будет с такой силой, что створки быстро измочалятся в щепы, ударяясь о столбы. В какую бы сторону ни поставить открываться – все равно и недели не пройдет, как створки надо менять заново, но можно поставить ворота другого типа...

Он тогда долго объяснял, показывал, ссылаясь на то, что не сам придумал, а подсмотрел в дальних странствиях, но теперь вместо привычных створок в массивном проеме ворот всего-навсего одна широкая стена, что поднимается огромными воротами, наподобие тех, что у каждого котлована с драконами. Опустить и того проще: можно воротом, а можно просто бросить ручку, завертится сама, а створка ворот рухнет обитым железом краем, отсекая ветру хвост, а то и голову.

Но всякий раз, когда ворота поднимают перед прибывшими, стражи не могут удержаться от хохота, когда невесть откуда взявшийся ветер подхватывает перепуганных и ничего не понимающих людей и животных, вносит через узкие ворота и... пропадает, отрезанный упавшей, как острие топора, створкой ворот.

Иггельд с жалостью и сочувствием смотрел на троих мужчин и одну девушку, что вели под уздцы тяжело нагруженных коней. Вечер уже поджег облака, закат огромный, кровавый, на полнеба, скоро стемнеет, переселенцы это знали и, сами едва не падая от усталости после изнурительного подъема по опасной горной дороге, сейчас тащили коней под уздцы, понукали, обещали скорый отдых, отборное зерно и сладкую воду.

Они остановились на площади, смотрят в растерянности, где же постоянный двор, как можно без постоянного двора, что-то спрашивали местных. Им указывали в разные стороны, а женщине, как заметил Иггельд, указали прямо на него. Она оставила коней, пошла в его сторону быстрым шагом, высокая, собранная, в сером бесформенном плаще, скрывавшем фигуру.

В трех шагах сбросила капюшон, и словно солнце вспыхнуло на площади, оранжевый свет победно пошел от гривы длинных золотых волос, а большое багровое солнце над вершинами гор помолодело и чуть приподнялось, чтобы посмотреть на свое юное отражение. Золотые волосы освобожденно хлынули по плечам и спине, теперь он видел, что это молодая, очень стройная девушка, гибкая, но с сильным развитым телом. В ее лице он сразу прочел отвагу и решительность, даже дерзость, она смотрела влюбленными и вместе с тем удивленными глазами, и еще он успел увидеть, но не рассмотреть крупные, синие, как небо над горами, глаза.

– Иггельд! – услышал он ее чистый, немного хриловатый голос, в нем звучало сильнейшее изумление. – Я даже не думала, что вырастешь таким красивым и таким... громадным.

Он всмотрелся внимательнее, ее остроклюе лицо словно растопилось, превратилось в круглое детское, исчез прицельный прищур, взор стал по-детски ясным и чистым. Он запнулся, спросил с неуверенностью:

– Яська?

Она счастливо засмеялась, бросилась на шею, обняла, жарко расцеловала.

– Все-таки узнал?.. Мы же десять лет не виделись, да?

– Яська, – прошептал он, обнимая ее крепко и нежно, – дорогая моя... Как же ты изменилась! Почему мне казалось, что ты должна навсегда остаться такой... ну, сопливой, как была?

Она выдралась из его объятий, возразила негодуя, хотя глаза смеялись:

– Я никогда сопливой не была! Это ты... Ладно, я все бросила, когда услышала про Долину Иггельда. Ты мне местечко возле себя найдешь? Или, если возле тебя занято, хоть где-нибудь?

Он смотрел с нежностью в ее бесконечно милое доброе лицо. Они жили бедно, очень бедно, он не помнил такого дня, чтобы ему не хотелось есть, и не помнил дня, чтобы не работал

по дому, не помогал в поле. У него вроде бы появлялись братья и сестры, но часто случались неурожаи, а было и такое, что страшная засуха терзала их землю семь лет подряд, крикливые комочки затихали, потом исчезали. Выжили только они с Яськой, в их полуголодной семье мать оставляла им одну лепешку на двоих и уходила помогать отцу, так вот эта малолетняя сестра с презрительным видом отворачивалась от лепешки и говорила, что не голодна, что лепешка уже засохла, черствая, невкусная.

У него сердце защемило, в щеки с силой ударила горячая волна. А ведь он с облегчением хватал лепешку и жадно пожирал ее сам, один!

– Ты стала сильной, – сказал он с грустью. – Работала много?.. Но ты еще и очень красивая, Яська!

– На себя посмотри, – ответила она дерзко. – Так ты найдешь мне местечко? Ты прав, я работала жестоко, берусь за любую работу. Еще мне приходилось... защищаться, как ты понимаешь. Я в самом деле сильная, умею драться. Так что я надеюсь, что ты научишь меня... обращаться с драконами?

Он ахнул, отшатнулся.

– Яська! Ни одна женщина... Это же чисто мужское дело!

– Почему? – спросила она. – Почему? Ты ведь в своей Долине строишь новый мир? Говорят, даже создаешь собственное племя? Вот и создавай!

Иггельд тогда не нашелся, что ответить, просто ввел ее в дом и велел отдыхать, набираться сил, но хитрая Яська быстро сдружилась со Шварном и Чудином, Иггельд ахнул, когда Чудин съездил с Яськой в Город Драконов, а вернулись уже с дракончиком.

– Это мой зайчик, – объявила Яська. – Я его так и буду звать! Мой замечательный Зайчик. Он и по цвету такой же, верно? Серенький, тепленький, добрый... Я буду делать все, что скажешь, а в свободное время выращивать из него большого и красивого дракона. Вон добрый Чудин пообещал всему научить... ты же добрый, Чудин, верно?

Чудин покраснел, засмутился, потупил взор и начал ковырять сапогом землю. Иггельд скривился, но лишь развел руками.

Однажды через ворота проехал огромный закованный в железо всадник. Конь под ним шел спокойно, не ронял пену, не дрожал, хотя следом не тащился заводной конь, а позади всадника на конском крупе покачивался объемистый тюк.

Стражи уважительно провожали взглядами гостя. Свирепый ветер лишь распушил конский хвост и потрепал гриву, а конь даже не ускорил шага, да и сам всадник не изволил оглянуться. Спокойно и неторопливо доехал до площади, спросил Иггельда, дождался, когда Иггельд вышел из самого добротного и просторного дома.

– Ну, – прогудел он могучим, как рев дракона, голосом, – принимай еще... поселенца.

Он неторопливо снял закрывающий лицо шлем. Иггельд ахнул:

– Ратша!

Великан соскочил на землю, хорошо подогнанная грудa железа на нем даже не звякнула, раскинул руки, улыбка растянула губы едва ли не шире, чем раскинул руки:

– Дай тебя обнять... Ты стал еще крепче, настоящее дерево!.. Нет, у тебя тело как из камня. Ты, случаем, не из рода каменных исполинов?

– Случаем, нет, – ответил Иггельд, улыбаясь. – Хотя кто знает? Мы, простолюдые, не ведем родословных. Ты в гости?

Ратша покачал головой.

– Разве я не сказал? Нет, хочу поселиться у вас. Я там продал домик, все мое имущество со мной. Город Драконов все больше становится просто городом, где драконов все меньше и меньше, а народу уже как тараканов... У вас же пока наоборот.

Подошел Апоница, крепко обнял Ратшу, сказал с удовольствием:

– Ну вот, теперь у нас и собственная армия! Пусть пока из одного человека, но уже есть!

– Апоница, – сказал Иггельд с укором. – Зачем нам армия?.. Пусть Ратша пока отдохнет, а потом сам себе придумает, чем заняться.

Он жадно всматривался в лицо великана, оно почти не изменилось, Иггельд лихорадочно пытался представить, сколько же Ратше лет, ведь он всегда казался ему таким же могучим великаном, но для ребенка и двадцатилетний кажется чуть ли не стариком, тогда оценивают по росту и ширине плеч, а Ратша всегда такой. Ну ладно, даже если ему тогда было лет двадцать пять, то сейчас – тридцать пять, еще далеко не старик, не старик...

Ратша вступил в жизнь Долины без всякого привыкания и вживания в новый быт: видел все, как начиналось, знал здесь почти всех. Уже со второго дня предложил, что теперь, когда столько народу в Долине, как-то обезопасить бы, поставить крепость, но Иггельд отмахивался: какой дурак вздумает подниматься по узким горным тропам, чтобы напасть на бедных горцев? А если кому и восхочется пробраться, чтобы украсть детеныша дракона, то ему придется наступать на ноги очень многим.

Но Ратша не унимался, убеждал, доказывал, Иггельд наконец заколебался, природа сама позаботилась о том, чтобы такой работы было поменьше, к тому же надо чем-то занять крепких здоровых мужчин, что прибыли с равнины и не знают пока, чем заняться. Горы убрали Долину в каменный мешок, окружив почти сплошным кольцом отвесных скал, совершенно неприступных, но горловина сужается в двух местах, в самом узком уже поставили стену, но перед нею довольно широкое каменное плато, дальше горы сужаются снова, Ратша уговаривал поставить крепкую стену и там, но Иггельд решил, что это уж чересчур.

– Если поставить стену, где поуже, – доказывал Ратша, – то перед нею останется еще смотри какая площадь!.. Целое конное войско разгуляется!.. А если там, где я хочу, то вообще запрем вход к нам в Долину. А на той узкой тропе не поставить даже мало-мальского тарана.

Иггельд ахнул:

– О каком таране ты говоришь? Кому нас таранить?

Ратша развел руками.

– Не знаю. Но я прожил почти вдвое больше тебя, уже знаю, как все меняется.

– Нет, – сказал Иггельд. – Это слишком много работы.

– У нас сейчас свободные руки девать некуда!

– Так заставить делать бессмысленную работу? К тому же все меняется, как ты говоришь. Сейчас им нет работы, но к вечеру вполне может случиться так, что людей не хватит. Нет, Ратша, я тебя люблю и глубоко уважаю, но ты уж чересчур осторожен!

– Старость предусмотрительна, – вздохнул Ратша.

– Ну, какой ты старик! Пойдем, я тебе покажу, чему Черныш научился за это время. Сам не хочешь вырастить дракончика?

Ратша поколебался, наконец отмахнулся.

– Хочу, но не стану. Не сумею. Для меня кони привычнее. Да и поздно мне учиться новым трюкам. Это твоя Яська чудеса показывает...

В Долине, кроме Черныша, обитали еще двое молодых драконов, их в свое время принесли Беловолос и Чудин, а также носились друг за другом и таскали за хвосты, приставали к прохожим с десяток молодых дракончиков, больше похожих на крупных ящериц. Они же затевали игры и драки, напрыгивали, будто охотились, на лапы Черныша, бросались на него из засады, повисали и с наслаждением пытались вонзить молочные зубки в покрытый сверхпрочной чешуей хвост.

Яська в свое время упростила Чудина, тот сам выбрал и подарил ей ма-а-а-аленького дракончика, как можно меньше, чтобы могла носить на руках. Она его назвала Зайчиком, такой же серенький, мягкий и робкий, Яська и не хотела злого, тогда придется держать на привязи

или в закрытой пещере, лучше пусть носится по Долине, к нему привыкнут, и он привыкнет, что все люди – друзья, ссориться с ними нельзя.

Беловолос и Чудин воспитывали своих так, как в свое время Иггельд, нагружали, разве что не ели из одной миски, но теперь необходимости не было, посуды хватало, как и еды. Правда, Чернышу уступали и в силе, и в росте, как ни нагружай, а той нечеловеческой нагрузки уже нет, что прошли Иггельд со своим дракончиком, зато росли послушными, преданными, ходили следом, как утята, заглядывали в глаза с ожиданием: ну прикажите нам что-нибудь, прикажите! Мы сейчас же покажем, какие мы послушные, хорошие...

К ним привыкли настолько, что даже люди, никогда раньше не видавшие драконов, а пришедшие сюда только ради залежей золота или железа, не вздрагивали, когда через плечо внезапно опускалась громадная пасть на огромной шее. Более того, украдкой совали в распахнутую пасть припасенную булочку, не страшась, что откусит и руку. А если хозяину удавалось застать за таким нехорошим занятием, оправдывались: дык оно ж такое голодное, вон какими глазами смотрит!

– В котлованах лучше, – однажды сердито сказал Беловолос. – Там зверь знает только хозяина!.. А моего уже превратили в попрошайку. Пузо по земле волочится, так нажрался, а глаза у него, видите ли, голодные!.. Не понимают, что дракон, выпрашивая лакомство у человека, делает это не от голода, а повышает статус...

– Или добывается ответа на вечный вопрос, – сказал Апоница с улыбкой.

– Какой?

– «А ты меня любишь?»

– Да, но так каждый может отравить! Дракон должен брать только из рук хозяина!

Апоница вздохнул, развел руками.

– Верно. Это сейчас у нас безопасно, а когда понаедут всякие...

Иггельд, который со своего угла прислушивался, не вступая в спор, спросил с неловкостью:

– Да какие всякие?.. Кто сюда приедет из теплых и сытных равнин?

– Эх, Иггельд! – сказал Апоница со вздохом. – Люди меняют столицы на бедные деревни не только ради сытости...

В Городе Драконов, где сперва с насмешкой относились к полоумным, что ушли вслед за мальчишкой высоко в горы, где несколько лет сочиняли смешные истории про недотеп, которые решились с драконами жить в дружбе и обучать их так, как придумал мальчишка, а не как велит многовековой опыт предков, сперва медленно и очень нехотя оставили шуточки, потом встревожились, начали совещаться, как поступить правильно.

Напрасно Иггельд мечтал, что теперь и там поверят в правильность его обучения драконов, сами начнут так же, нет – в Куябу пошли доносы, что группа сумасшедших выкрала ценных детенышей драконов, тайком выращивает в уединенном месте, что-то задумывают, то ли сносятся с врагами Куявии, то ли сами замышляют что-то недоброе.

Иггельд в отчаянии восклицал: как они могут, ну разве же можно так, это же нехорошо, зрители кивали, соглашались, лица оставались хмурыми.

Апоница попыток:

– Это рано или поздно должно было случиться. Удивляет только Иггельда, у него слишком уж чистая душа. К нам относились снисходительно, пока считали выжившими из ума, но сейчас мы уже перехватили половину заказов, что раньше выполняли в Городе Драконов!.. Нас здесь горстка, мы богатеем быстро, к нам тянется народ, а мы уже берем не всех, а отбираем для поселения еще строже, чем отбираем драконов!.. Скажи, Иггельд, ты за один перелет на своем Черныше доставил послание Тулея и его дары тцару Вантита?.. Вот видишь, за один! А в Городе Драконов взяли бы за это втрое дороже, а везли бы на их медлительных драконах

трое суток, тем драконам надо часто отдыхать. А это тоже риск, могут встретить разбойников. Никакой их дракон не спасется, если наскочит дюжина отважных сорвиголов! И ценные дары будут потеряны, и тайное послание, что куда важнее. И после этого ты хочешь, чтобы в Городе Драконов нам не пакостили?

– Но это же нечестно! – воскликнул горестно Иггельд.

Смотрители переглянулись. Апоница спросил участливо:

– Ты не артанин, случаем?..

– При чем тут артане?

– Да это они всегда о чести... А куявов заботит прежде всего целесообразность.

– Так и пусть переходят на доброе воспитание драконов! И у них будут такие же!

Снова переглянулись, Апоница развел руками.

– У тебя доброе сердце, ты всем готов поделиться. И все готов отдать. Но дело в том, что они даже взять не могут...

– Почему?

– Увы, причин много. Одна из них – не могут вот так просто похоронить все, чем занимались они, их отцы, деды, прадеды. А те твердо и обоснованно утверждали, что драконов нужно подчинять болью. И это верно, это проверено веками. Ты ведь их не опроверг, ты просто нашел еще один способ!.. Я даже не скажу, что он – лучший...

Иггельд насторожился, холодная волна прошла по телу.

– Что ты говоришь?

– Все верно, Иггельд. Болью удастся подчинить всех драконов. А лаской и воспитанием... ну, тоже, может быть, удалось бы всех, но тут и люди должны быть другие. Ты не заметил разве, что никому не удастся вырастить дракона, который не то что лучше твоего Черныша, а хотя бы приблизился к нему?.. Вот видишь! Болью может работать почти всякий. Любовью, увы, очень немногие. Да, любовью можно добиться большего, но и сам учитель должен не просто работать с драконом, как работают в Городе, а жить его чувствами, понимать его, любить, горевать вместе с ним, стонать, когда тот прищемит лапу или загонит занозу. Здесь собрались такие, но в Городе подобных сумасшедших не осталось, все здесь. Да и то, знаешь, кое-кто даже здесь не выдержал, вернулся в Город. А значит, вернулся и к старым простеньким, зато надежным методам. Да, они не дают многого, как у нас, зато дают наверняка. И без особых усилий. Ну, опять же в сравнении, в сравнении... Ведь то, что мы называем жизнью, они считают, что мы рвем жилы, истязаем себя на этой жуткой работе...

Шварн сказал весело:

– А разве не так?.. Ладно-ладно, пошутил. Я слышал, из Куябы к нам приедут беры от самого Тулея. Чтоб, значит, все закрыть, все порушить, а наших крылатеньких передать обратно в Город Драконов. Что делать будем?

Все затихли. Иггельд прошелся вдоль стола, но видел только затылки, с ним никто не хотел встречаться взглядом, в глазах молодого основателя настоящее отчаяние. Наконец Иггельд тяжело вздохнул, сказал хриплым голосом:

– Противиться не можем, мы – куявы, а Тулей – наш тцар. Единственное, что можем, доказать, что мы – лучше. А значит – важнее для Куявии. Думаю, что для Тулея и мы, и Город Драконов – одинаково мелкие мошки, никому из нас не отдаст предпочтения... вот прямо сейчас. Мы должны доказать, что мы – лучше!

Апоница буркнул:

– Другим мы как раз и доказали! Лучше бы не доказывали.

Шварн задвигался, посмотрел по сторонам, хмурый и невеселый, спросил с надеждой:

– Что-то надумал?

– Нет, – признался Иггельд. Добавил: – Но что-то придумаю.

Бофор, один из самых молодых воспитателей драконов, привез новости, что в городах, особенно в областях Нижней Куявии, что граничит с Артанией, начали закупать в больших количествах муку, зерно, мясо, скупают орехи, крупу. Всего набирают столько, сколько бывает предложено. По стране поползли непонятные слухи, на базарах толкуют о дивных видениях, о хвостатых звездах, кто-то видел встававших из могил мертвецов, один из городской стражи клялся, что своими глазами видел, как гигантская метла ударила по небу и там вспыхнул пожар.

Все сходилось к тому, что вот-вот грянет война. Да не простая, не те стычки на границах, что случаются каждую неделю, не малая, что раз в год, а большая, великая, когда сдвинутся с мест народы, когда будет плач великий, а вороны обожрут так, что не смогут больше летать.

В доме Иггельда, где хозяйничала Яська, собрались наиболее уважаемые жители, оценивали слухи, прикидывали, что можно поиметь для родной Долины, а когда пришел Иггельд, в нижнем зале, уже целом зале, стоял дым коромыслом, горели печи, жарилось, пеклось и варилось, Апоница встретил с виноватой улыбкой:

– Мы тут проголодались, пока сводим концы с концами...

– Неужели так плохо? – спросил Иггельд встревоженно. – Где?

– Слухи сводим концы с концами, – объяснил Апоница. – Ты извини, что хозяйничаем в твоём доме... Но Яська прямо настаивала.

Яська мило улыбнулась, веселая, бойкая, покрасневшая, похожая на резвую белочку. Иггельд с порога оглядел собравшихся, в груди болезненно екнуло. В простой комнате за длинным добротным столом сидят Ратша, Апоница, Беловолос с Чудином, они так и ходят вместе, хотя оба уже обзавелись семьями, Бофор, а во главе устроился Ортард, степенный и рассудительный, перебрался совсем недавно, здесь-де его близкие – Иггельд и Яська, быстро и ловко завладел одной из золотых жил, поставил две плавильни, сперва работал с утра до ночи сам, а теперь уже нанял работников, сам только приглядывает, вообще приглядывается ко всему, а к его осторожным и взвешенным советам прислушиваются даже воспитатели драконов.

Иггельд прошел к свободному месту за столом.

– Да какой он мой! – сказал он жалобно. – Вы его же сами построили, я пальцем не шевельнул. В нем удобнее всего проводить сборы старейшин. Или отцов города. Вот пусть и будет...

Апоница прервал строгим голосом:

– Этот дом – твой. Отец у города один – ты. И у всей Долины – ты. На том стоим и стоять будем, чтобы разброда не было. Даже чтоб возможности не было!.. Есть хочешь? Из самой Куябы привезли замечательное вино...

– А что за новости?

– Сперва поешь, – буркнул Апоница. – Отощал весь... Что мы за народ, что своего отца-основателя так морим работой?

Иггельд не понял, насмешничает или в самом деле заботится, ноздри уловили ароматы зажаренного мяса, в желудке беспокойно задвигалось, начало отдирать от позвоночника прилипший живот.

Из новостей было главным, что цены на зерно сразу взлетели впятеро. Правда, зато перестали покупать дорогую одежду, прекратили строить дома. Потеряли работу каменотесы, столяры, прибавилось работы оружейникам, кузнецам, добытчикам руды. Золотых дел мастера работали, как работали: золотые вещи легче унести, легче спрятать, чем богатый дом или несметные стада.

Не знали землепашцы, стоит ли поднимать землю плугом, хотя пришла пора, не опоздать бы. Еще на околице встречали торговцев и, прежде чем смотреть их товары, жадно выпрашивали новости, бросались ко всем проезжающим через их села и города. Никто не мог объяснить толком, что затевается, с Артанией вроде бы совсем недавно заключили вечный мир, артанские купцы пригоняют несметные стада и уже сбили цены на мясо впятеро, зато покупают

втридорога шелка, богатую утварь, которую не умеют сами делать, дорогое вино, украшения из золота и драгоценных камней.

Не могло вроде быть войны и со Славией, та тоже никогда не нападала на Куявию, ей достаточно того, что из куявских войск, что вторгались в Славию, не вернулся ни один человек. Разве что таинственный Вантит, о котором знали меньше всего, решил вторгнуться в богатые земли, где есть и золото в земле, и железо, и олово, также богата мрамором, где самая жирная на свете земля, на которой растет все.

Все ждали, когда он поест, Иггельд это видел, глотал от смущения, почти не прожевывая, давился, торопливо запивал слабым вином. Ортард, поглядывая на него из-под косматых нависающих бровей, заговорил рассудительно, медленно:

– Ты ешь, ешь, не торопись, мы просто пока рассуждаем вслух... Что, мол, должны делать? И должны ли вообще?... Понятно, что если и начнется война, что маловероятно, то до нас не докатится, это понятно. Кому мы такие бедные нужны? Но любая война требует массы людей, золота, оружия, еды... Все это гибнет, горит, исчезает. Как все мы знаем, кто-то именно на войне наживается. Хотя бы поставщики доспехов и хороших мечей.

– И конезаводчики, – вставил Ратша.

– Вот-вот. Что мы можем делать и... должны ли?

Все помалкивали, осторожно поглядывали друг на друга. Иггельд торопливо запил вином и хотя голод еще не утолил, но неловко заставлял себя ждать таким уважаемым людям, отодвинул кубок, вытянул руки на столешнице и сделал вид, что слушает с вниманием. Да, верно, должны ли они что-то делать вообще? Куявия, как и Артания или Славия, вся из множества племен. Хоть и одного корня, но иной раз держатся разных обычаев, а то и вовсе призывают разных богов. Здесь, в предгорьях, всегда, как говорят, жило воинственное племя бойков. Вообще-то раньше бойки не были воинственными, но более многочисленные соседи оттеснили в горы, где защищаться легче, там бойки сумели отстоять себя, а постоянная необходимость быть на страже научила этой самой воинственности.

Потом пришли более спокойные времена, но мир уже поделен, долины захвачены гуцами и верхонцами, бойки с трудом выживали охотой в горах, потом сумели приручить драконов, и с той поры начался их взлет как единственного народа, который мог общаться с драконами. Нередко только появление дракона с человеком на загривке решало исход битвы, так что бойков ценили, им платили щедро, нанимали перевозить срочные послания, учитывали и то, что в случае необходимости на драконе можно перебросить одного-двух важных людей из конца в другой конец страны.

В конце концов высоко в горах под питомники для молодых драконов выбрали обширную удобную долину, с трех сторон на вершинах поднялись черные башни колдунов, а в долине постепенно вырос целый город, который люди равнины со страхом называли Городом Драконов и рассказывали о нем жуткие истории.

Увы, когда в Куявию вторгся Ютигга и началась долгая затяжная война, тцарам стало не до разведения драконов. Потом Ютигга все-таки захватил трон, но все, что он делал, это грабил страну, развлекался, то и дело казнил сотни знатных людей, подозревая всех в попытке свергнуть его с трона. Наконец в самом деле его свергли, только это пришло не изнутри, как ожидал Ютигга, а некий пастух в горном селении или простой охотник услышал глас, приказывающий идти на Куябу и освободить ее, пошел и в самом деле освободил. Правда, по дороге у него набралось около ста тысяч разношерстного войска.

Но и этот герой, пастух Тулей, драконами совсем не интересовался, более того, их хозяевам не доверял, услугами почти не пользовался, денег на содержание не выделял. Вообще, по слухам, все последние тцары слишком притесняли маленький гордый народ бойков, лишали многих прав, завоеванных в нелегкой борьбе, и потому главы родов бойков очень неохотно шли на службу к куявскому тцарю.

Иггельд сжал кулаки, вспомнив рассказы стариков про старые времена, когда те дрались с артанами в степи, настигали славов в их же лесу, встречали жестоких вантыйцев на море и топили их вместе с кораблями. Много подвигов они совершили с драконами и без них, много оказали услуг Куявии. Их, правда, щедро жаловали, так как все должны видеть, что тцар щедр и справедлив, но тут же отодвигали подальше. Бойков не то что к трону, не допускали даже во дворец, а самая высокая служба, о которой они могли мечтать, это работа в городской страже. Но и то старики с горечью отметили, что в охрану вместе с одним бойком выходят два-три местных куява.

Это было настолько обидно, что бойки перестали наниматься в столицу. Жили и работали в родных горах, но, понятно, молодые мечтали о возврате тех времен, когда бойки были в почете, окружены славой. И вот сейчас, когда в стране снова что-то назревает, как поступить?

– А никак, – сказал Апоница, хлопнул ладонью по столешнице. – Мы пока должны заниматься своими делами. Будет нужда – позовут. Мы не откажемся, мы – куявы. Но напрашиваться и предлагать услуги – это снова получить по носу.

Ортард задумчиво потрогал нос, почесал переносицу. Глаза жутко косили вовнутрь, стараясь уследить за пальцем.

– Лучше подождать, – согласился он. – Поспешешь – людей насмешишь, а драконы так и вовсе обхохочутся. Пока что нам все на руку: заказы сыплются со всех сторон!.. И все готовы платить втрое больше, чем раньше...

Беловолос и Чудин кивнули разом. Ортард прав, хоть вроде бы копается в золотой жиле и не знает о ценах на перевозки. Хотя Ортард есть Ортард, старается знать все цены.

ГЛАВА 11

Ратша всякий раз напрашивался с Иггельдом в полеты, Иггельд почти не отказывал, Ратша – великий воин, помимо того, что сам в схватке одолеет десяток бойцов, но еще и участник многих войн, знает воинские приемы, хитрости, ловушки, умеет выбирать позиции для открытого боя, для засад, знает, как завлечь противника в топкое или зыбучее место, превратить невыгодную позицию в выигрышную.

В Долине уже три дракона, на которых перевозят грузы: сам Черныш и драконы Беловолоса и Чудина, подрост Зайчик Яськи, уже второй год носит ее по небу, вот-вот заматереют драконы Шварна, Бофора и еще двух молодых смотрителей. В пещерах места еще есть, они тянутся вглубь, там тепло и сухо даже в лютые зимы, но в самой Долине поднимается пыль столбом, когда они все вылезают разом и начинают играть и таскать друг друга за хвосты.

Апоница стал и здесь главным смотрителем, помолодел, ожил, несмотря на суровую жизнь. На него пытались свалить и такие хозяйственные дела, как присмотр за шитьем теплой одежды на зиму или хотя бы за закупками, но он все сваливал на Ортарда, тот не отказывался, а сам весь отдавался выращиванию драконов.

Нижняя Куявия как будто и не помышляла о близком вторжении артан, хотя именно она лежит на пути в глубь Куявии, но в Средней и Верхолесье всю готовились к войне. А когда Иггельд и Ратша опускались на Черныше перевести дух и перекусить, везде стучали молоты, из кузниц охапками выносили деревянные пики с еще горячими наконечниками из бронзы, молоты, секиры, даже грубо выкованные мечи.

В одном некрупном селе на околицу пригнали коней, там обучали ратному делу молодежь и поселян, которые просились в поход, в отдельный амбар сносили припасы для войска: муку, крупу, копченое мясо. Везде Иггельд видел, как мирные поселенцы деловито смазывают салом луки, чтобы не рассохлись в походе, широкие поясные и заплечные ремни, на которых держаться тяжелым мечам, секирам, щитам.

Поскрипывали металлические панцири, их натирали мелом. К удивлению Иггельда, в каждой деревне таких панцирей находилось по два-три. Хорошо живут, оказывается, куявские поселенцы: даже городская стража защищена кожей, разве что с железными бляшками, а в таких богатырями забытых селах попадаются цельнометаллические, их сняли с трупов знатных людей, это ж с каких войн берегут, хитрецы...

В деревнях народ чаще всего окружал Ратшу, в нем издали виден суровый и опытный воин, он чаще всех сталкивался с варварами, умел с ними воевать, знает их обычаи, варварские приемы войны. Его угощали, подливали вина в его кружку в корчме, привечали в каждом доме и жадно слушали, слушали, слушали.

Иггельд сходил в корчму, купил мяса и рыбы, покормил Черныша. Как обычно, широким кольцом собралась сельская ребятня, на огромного дракона смотрели со страхом и восторгом. Прибегали испуганные матери и увлакивали чада, возмущенно вопящие, что дракон, мол, хороший и детей не ест.

– Жди, – велел Иггельд. – С места не сходить, понял?... Я отыщу Ратшу, и сразу полетим дальше.

Он всегда все рассказывал подробно, объяснял, уверенный, что Черныш каким-то образом все понимает. Да и вообще привычка разговаривать с Чернышом осталась еще с тех времен, когда в первые годы жизни в Долине вообще могли общаться только друг с другом.

Ратшу он застал на вытоптанной площади в середке села. Наступала ночь, горел костер, Ратша сидел на бревне, рядом еще пятеро из уважаемых селян, остальные сгрудились вокруг, едва не вступали в костер, жадно слушали.

– Артане храбры, – говорил Ратша внушительно, – но эта их храбрость оборотная сторона дурости. Артане никогда не отступают, это для них позор! А мы-то знаем, что бегство иной раз та же победа? Знаем. И пользуемся.

– Побежал, – сказал кто-то из селян рассудительно, – дык и воротиться можно!

– Верно, – согласился Ратша. – Артане идут в бой с голой грудью, а мы – закованные в доспехи. Артанину вроде бы легче драться, он ловчее и быстрее двигается, но нас не страшат его комариные укусы по хорошему доспеху. Зато если копье или дротик бьет в голую грудь... ха-ха, не родилось еще героя, чьи могучие мышцы выдержали бы удар моего копья!

– А если копье все же переломится?

– Само не переломится, – отпарировал Ратша. – Но если успеет перебить артанин, успевай выпустить из рук обломок и схватиться за меч. У тебя меч всегда должен висеть рукоятью вперед, чтобы сразу же ухватить, цапнуть!

Иггельд послушал за спинами, тихонько ступил в полосу света. Ратша увидел, кивнул, поднялся, огромный и красивый в суровой мужской мощи доспехов, длинного меча и кинжала на поясе.

– Надо лететь дальше, – сказал он значительно. – Если артане все-таки сюда доберутся, сумеете дать отпор!

В ответ загудели голоса:

– Не сумлевайся!

– Живыми не уйдут!

– Догоним и последние штаны с них сдерем!..

– С чем придут, от того и...

– Все шкуры слупим!

Прежде чем вернуться в долину, еще раз прошлись над Нижней Куявией, даже над сопредельными с Куявией землями Артании, но там никаких войск, с тем и вернулись. Правда, по пути остановились в Белой Веже – выгодный заказ, сразу же окружили, требовали вестей. Конечно же, о начале войны с Артанией. Особенно приставали с расспросами к Ратше, а на Иггельда засматривались разве что молодые женщины да еще отцы семейств, у которых поспевали дочери.

Ратша как мог рассказал, что знал, Иггельд наблюдал со стороны, видел, что горожане явно огорчились. Мирные вести, которым всегда рады, сейчас, напротив, огорчили даже женщин. Похоже, Куявия наконец-то ощутила свою безмерную мощь и страстно возжелала покончить с постоянно надоедающими варварами.

Прошла еще неделя, Иггельд сам поднял Черныша и отправился в затяжной полет над Нижней Куявией. Уже не слухи, он сам с большой высоты увидел, как огромное войско переходит вброд через пограничную речку, а дальше разбилось на огромные легкие отряды конников, что, как стремительные драконы, понеслись в разные стороны. За артанами можно следить издали по черным столбам дыма, по зареву пожаров, а если видел обширное пепелище и обгорелые трупы, то уже знал, здесь недавно прошли артане.

В Долине все восприняли с деловой хватки его дяди Ортарда по-своему: набрали заказов на оружие и доспехи, взвинтили цены, начали продавать втридорога снадобье из слюны боевого дракона, что якобы увеличивает силу в бою и оберегает от артанских топоров.

Еще через неделю в Долину дошли слухи, что захвачена и столица, славный град Куяба. Слухи оказались ложными, до стольного града артанам еще идти и идти, но молодежь Долины рвалась создать отряд и пойти на помощь. Все осложнялось тем, что накануне войны с Артанией тцар в очередной раз оскорбил бойков, запретив им летать на драконах над морем, а также приближаться на драконах к стольному граду ближе чем на три конных перехода. Старики роптали, что это, мол, оскорбление и недоверие, молодые приуныли, нельзя уже любоваться с

высоты драконьего полета морем, да и вообще крылья подрезали не только драконам, но и им тоже, молодым и готовым послужить державе.

Никто, понятно, не решался нарушить приказ тцара. Старики говорили, что тцару только дай к чему придраться, чтобы быть правым в глазах сограждан, он тогда вообще запретит подниматься в воздух всем, кроме тцарских посланцев, а это погубит выучку драконов, так как им до зарезу нужны полеты.

Ратша сидел под скалой, точил меч. Меч достаточно остер, но ему нравилось делать лезвие еще острее, довести до остроты бритвы. Конечно, против закованного в железо воина это ничего не даст, но горделивые артане предпочитают сражаться обнаженными до пояса...

Он хищно улыбнулся. Артане сражаются так не только из-за какой-то особой храбрости: без лат гораздо легче двигаться, в поединках они побеждают куявских латников за счет скорости, ловкости, но кто умеет и не уступает артанам в скорости, тот не упустит преимущество хороших доспехов.

Через двор мелькнула широкая тень, тут же ветерок поднял пыль и погнал к обрыву. Ратша вскинул голову, мир перечеркнула огромная темная туша. Черный дракон стремительно опустился с синего неба, по каменным плитам с цокотом и желтыми искрами пробежали толстые темно-зеленые лапы. Дракон с усилием выставил в стороны крылья, замедляя бег, его остановило в двух шагах от Ратши, он с великим облегчением лег, морда оказалась прямо у сапог Ратши.

Ратша опасливо подтянул ноги.

Слезли Иггельд и Апоница. Апоница кивнул Ратше, приветствуя, молча ушел в дом. Иггельд хлопнул Черныша по щеке, отпуская, подошел к воину. Ратша встал, Иггельд уже не мальчишка, каким убегал из Города Драконов, пряча за пазухой жалобного дракончика, это основатель всего здешнего городка, и приветствовать его нужно хотя бы как равного.

– Да сиди ты, – воскликнул Иггельд. На щеках появился румянец. – Ты чего смеешься?

– Привыкай, – сказал Ратша. – Если я тебе кланяюсь, то и другие, глядя на меня, начнут кланяться. Так надо. Мир на этом держится. Что прикажешь?

Иггельд огрызнулся:

– Ничего я не приказываю! И не буду. Но, если хочешь, могу взять с собой.

– Куда?

– Да просто прокатиться вниз, на равнину.

– Когда?

– Да прямо сейчас.

Ратша оглянулся в сторону скачущего Черныша. Тот отыскал выброшенную старую шкуру быка, играл с нею, то подбрасывая, то делая вид, что боится, прячется, а потом нападая на нее сбоку, страшно скаля зубы и грозно взрываясь.

– Не устал?

– С какой стати? Для Черныша от Города сюда рукой подать.

Ратша кивнул.

– Хорошо. Попей воды, а то скрипишь, как несмазанное колесо, я за это время все сделаю.

Иггельд молча направился в дом. Ратша прав, в горле в самом деле першит, скребется, царапает коготками. И хотя летал над горами, но кажется, что пыль из-под копыт артанских коней уже поднялась и сюда, к горным вершинам. А Ратша в самом деле все сделает. Уже не пугается, когда огромная закованная в прочнейший панцирь туша выпрыгивает из тьмы и бросается как на добычу: пасть разинута, клыки блещут, словно выдернутые из ножен клинки, топот, земля вздрагивает, в этом случае надо поскорее прижаться к стене, чтобы дракон не опрокинул, а он не успокоится, пока не оближет. Теперь, когда признал своим и Ратшу, приветствует его почти так же ликующе, как и Иггельда, хотя, правда, приказы начисто игнори-

рует, только скалит зубы и на особенно грозные команды просто стреляет длинным языком, стараясь залепить прямо в губы.

Кормит его, поит и чистит тоже Ратша, даже купает. Черныш освоился с этим действием, уже терпит, только следит, чтобы терли жесткой щеткой посильнее, чесали уши и стучали палкой по загривку. Ратша, как профессиональный воин, взял на себя и прочие мелочи, как-то: экипировка, седла, ремни, запас продовольствия, а когда пришли слухи о вторжении артан, неизменно брал в полеты тяжелые луки и связки с дротиками.

Да и вообще... Он ушел, точнее, убежал из Города Драконов, когда ему было десять. Сейчас двадцать пять, а безжизненная и зловещая Долина Ветров за пятнадцать лет превратилась в обжитой мир. Даже за десять: первые годы он выживал здесь сам, заваливал туннель, потом с ним были только полусумасшедшие Беловолос, Шварн, Худыш и Чудин, и только в последние годы сюда хлынули как учителя драконов, захотевшие научиться новому способу укрощения драконов, так и различные рудознатцы, плавильщики, кузнецы, приехали семьи, народ вышел из пещер и начал строить добротные дома. Некоторые, правда, так и оставили большую часть помещений в пещерах, лишь у входа пристроили дома на одну-две комнатки, так что нередко удивленный гость, ожидая обнаружить тесные каморки, где ютится вся семья, обнаруживал обширные залы.

И вот он, Иггельд, должен всем этим как-то заниматься, хотя он жаждет заниматься только Чернышом, мечтает побывать с ним в настолько далеких странах, чтобы вообще... добраться до края мира, который и есть самый настоящий Край, когда головой упрешься в хрустальный небосвод, что здесь в небесной выси, а там его основание упирается в землю!

Когда, напоенный и освеженный, успел даже наскоро умыться, вышел на крыльцо, там уже сидел благовоспитанно Черныш, Ратша стоял справа, словно готов поддержать ему, Иггельду, стремя. Он и на Черныша сел только после Иггельда, как садится послушный и подчиненный воин.

– Все в порядке, – сказал он за спиной Иггельда.

– Взлет! – сказал Иггельд. – Черныш, взлет...

И опять он чуть опоздал: лапы Черныша начали подгибаться для прыжка в тот момент, когда слово «взлет» оформилось в сознании, а когда он начал вытягивать губы для первого слога, Черныш уже присел к самой земле, прижимаясь почти брюхом, а когда Иггельд только начал произносить, дракон уже метнулся в воздух, распростер крылья, мощно ударил по воздуху, еще и еще. Их вжало в седла, тела потяжелели, с каждым днем Черныш ухитряется выпрыгивать в небо все стремительнее, глаза на лоб лезут, а кишки топчут одна другую.

Не делая круга над Долиной, как всегда поступают другие драконы, чтобы запомнить, откуда вылетели, Черныш сразу взял верное направление. Иггельд снова подумал, что у них с Чернышом особая связь, дракон чувствует желания Иггельда, улавливает сразу, как только он осознает четко и ярко.

Ратша негромко посоветовал укрыться плащом. Ветер еще не досаждал, это придет позже, но Иггельд укрылся, Ратша прав, потом будет уже просто зябко.

Черныш все набирал высоту, ему нравилось, когда облака уходят вниз так далеко, что кажутся заснеженным полем. И только опускаясь к этой «земле», опускаясь долго, с потрясением обнаруживаешь, что этот слой вовсе не зимнее поле, а под ним глубоко-глубоко внизу еще одна земля: с лесами, полями, тонкими нитями рек, синими пятнами озер, зелеными – болот и стариц.

Сейчас Иггельд сказал строго:

– Нет, с орлами сегодня состязаться не будем. Иди так, чтобы рассмотреть не то что войска, но и масть их коней.

Он не понял, чему сзади коротко хохотнул Ратша. Черныш вместо того, чтобы резко снизиться, напротив, свободно начал набирать высоту, на землю вроде бы не смотрел, хотя

у него глаза расположены так, что в полете вовсе не надо наклонять голову, это мешало бы полету, и так все видит...

– Ну что не так? – спросил он чуточку раздраженно.

Ратша хохотнул снова.

– Сказать или сам догадаешься?

– Уже догадался, – пробормотал Иггельд.

Вернее, не догадался, а вспомнил, подумал он хмуро, как не однажды дракон явно реагировал на нечто, что ускользало от зрения Иггельда. Не раз снижался для проверки, и всякий раз оказывалось, что под кустом либо задремал заяц, либо там птичье гнездо, а однажды дракон вовсе опустил в голой степи, Иггельд хотел его уже выругать, но Черныш яростно заработал лапами, земля полетела громадными комьями, тут же открылось гнездо с крохотными мышатами.

Иггельд обалдело мотал головой. То, что дракон увидел или учуял из-за облаков, само по себе чудо. Но зачем ему мыши? Или какая-то игра?

Не раз точно так же плюхались в реки и озера, над которыми пролетали. Иггельд поспешно соскакивал и наблюдал с берега, с каким азартом дракон ловит рыбу, гоняется из конца в конец озера, пробует нырнуть, но всякий раз на поверхности оставался толстый зад с шипастым хвостом, а когда Черныш поднимал голову, на ней свисали комья донной грязи, плети водяных растений.

Он давно понял, что обоняние дракона превосходит его собственное в сотни и даже тысячи раз, зрение тоже во много-много раз, а если Черныш не реагирует на мелких червяков, что грызут корни травы, то лишь потому, что неинтересны, а не потому, что не слышит. Возможно, слышит даже, как растет трава где-нибудь в Артании. И вот сейчас понял приказ, как Иггельд и приказал. Все правильно, надо думать, что брякаешь.

– Молодец, – пробормотал он, – молодец, умница... А теперь давай все же ниже. Ничего не поделаешь, мы с тобой хоть и видим отсюда...

– Но Ратша сзади не видит, – раздался сильный голос, в котором Ратша чересчур старательно прятал насмешку. – У Ратши, такого вот дурня, глазки ма-а-а-ахонькие!.. Как у червяка. Хуже того, как у человека, который даже видит, да не смотрит, а смотрит – ни черта не видит... Ого, что вон там?

– Где?

– Опустись ниже и подай Черняшку левее.

Иггельд сказал с неловкостью:

– Вот видишь, у тебя глаза лучше.

– Я просто привык замечать, – ответил Ратша. – Я не замечаю красот деревьев или озер, а вот... да, там что-то движется!

Иггельд видел сперва нечто мерцающее на серо-зеленой поверхности, Черныш замахал крыльями чаще, теперь он несся так, что догнал бы выпущенную из лука стрелу, встречный ветер свистел в ушах и дергал за волосы. Иггельд сбросил с головы капюшон, приложил ладонь козырьком к глазам.

На большом пространстве земля из зеленой стала серо-коричневой, и казалось, она слегка мерцала, словно покрытая рябью волн. Такое он видел только однажды, год назад, когда пролетал над полем, по которому двигалась исполинская стая саранчи. Саранча еще не отрастила крылья, но и такая, пешая, передвигалась с огромной скоростью, пожирая все на своем пути. После нее оставалась черная земля. Даже высокие деревья превращались в почерневшие, как после пожара, обглоданные до коры скелеты.

– Саранча, – вырвалось у него.

Поблескивающие искорки выглядели слюдяными крылышками, но точно так же с высоты блестит в солнечных и даже лунных лучах и обнаженное железо.

– Саранча? – переспросил Ратша. Голос звучал угрюмо. – Да, ты прав. На очень быстрых конях.

– А это значит, – проговорил Иггельд, – она уже отрастила крылья.

Ратша смолчал, Иггельд чувствовал его горячее, как у дракона, дыхание. Оба понимали друг друга с полуслова, с полувзгляда, и сейчас Ратша не удивился, когда Иггельд сказал громко:

– Черныш!.. Большими кругами!..

Крылья не сделали и взмаха, дракон едва заметно накренился, ветер чуть-чуть изменил направление. Они так и остались в центре мира как приклеенные, а мир внизу начал поворачиваться по дуге. Мерцающее пятно, что уже разбилось на множество крохотных скачущих на одинаково коричневых конях всадников, уплыло в сторону. Черныш снизился еще, уловив желание Иггельда, так летали довольно долго, наматывая широкие круги, пока Ратша не вскрикнул:

– Вон там!.. Десяток воинов!

Артане, обнаженные до пояса, мчались на быстрых степных конях тесной группкой, дракона не замечали, тот держался сзади, а чтобы тень не опередила, свернул, постепенно снижаясь, снова начал догонять быстро, как летящая птица. Ратша взял дротик, второй передал Иггельду.

Не сговариваясь, метнули одновременно, всадники неслись впереди, тяжелые дротики уменьшились, Иггельду почудилось, что растворились в воздухе. Черныш пронесся над артанями, снизу вроде бы крик, Ратша сказал со злым удовлетворением:

– Попал... Точно в загривок! Не такая уж у них и дубленая шкура.

– А я? – спросил Иггельд.

– Ты почти попал, – утешил Ратша. – Коня точно ранил.

– Бедный конь...

Их сильно качнуло, Ратша ухватился за ремни, умолк, Черныш развернулся по крутой дуге. Ратша снова подал Иггельду дротик, сам уже держал, всматривался, а когда пронеслись над артанями, с силой метнул. Артане, не испугавшись, выхватили луки. Стрелы, блистая на солнце крохотными искрами наконечников словно льдинками, взлетали быстро и часто.

– Не высовывайся! – предупредил Ратша строго.

Две-три стрелы пронесли мимо, по дуге их вернуло обратно, остальные щелкали по панцирю Черныша. Иггельд сжался в страхе: одно дело – знать о неимоверной прочности лат дракона, другое... Черныш, поняв, что требуется, попросту завис над всадниками, те все еще неслись вскачь, но все больше расходились в стороны, стреляли и стреляли, стараясь найти уязвимые места в туше настигающего их крылатого зверя.

Ратша прокричал:

– Садимся! Их только восьмеро!

– А нас? – крикнул Иггельд.

– Нас? Нас целых трое!

Иггельд понял, на душе страшно и темно, велел Чернышу:

– Вниз!.. Посадка!

Черныш удивился, голос папочки встревоженный, будто бесстрашный и всегда все знающий и умеющий папа робеет, чего быть просто не могло, сложил крылья и пошел к земле, резко выставил крылья парусами, гася скорость, плюхнулся всеми четырьмя. Ратша тут же соскользнул на землю, уже в полном боевом вооружении, со щитом и мечом, Иггельд замешкался, но схватил услужливо протянутый меч, крикнул:

– Черныш!.. Рассей их!.. А вон того, видишь?.. принеси мне. Выполняй!

Черныш, что при первых звуках знакомой команды сразу начал в нетерпении грести лапой землю, сорвался с места. Это ж самое любимое: гонять, давить, хватать и приносить

добычу. Во-первых, драконы – все и так гоняльные, давяльные, хватальные и приносящие в гнезда добычу. Во-вторых, можно отвести душу и насладиться осознанием, что теперь не он боится этих больших и страшных существ на огромных храпящих конях, а они, ставшие такими маленькими, бегут от него в ужасе, а он их ловит, как цыплят. И, самое главное, так сказал великий и горячо любимый папа, что всегда прав, всегда все знает и умеет.

Артане повернули коней и понеслись на них, пригнувшись к конским гривам. Иггельд видел только широкие мускулистые спины да толстые руки с блещущими в них острыми топорами. Холод прокатился по телу, он стиснул челюсти, да не увидит Ратша, как его трясет, взял меч обеими руками и приготовился встретить натиск. Артан восьмеро, значит, двоих Ратша уже сумел ссадить с коней. И еще ссадит...

Черныш выметнулся навстречу, издал страшный грохочущий рык, от которого ноги подогнулись, сердце застучало часто-часто. Оглянулся на Ратшу, тот побелел, едва не выронил меч, а щит опустил вовсе. Черныш распахнул пасть, растопырил лапы и крылья и так врезался в отряд. Если бы не сумели сдержать коней, то сшиблись бы и, возможно, опрокинули бы объединенной массой, но кони испугались до визга, сажались на круп, вставали на дыбы, поворачивали и уносили всадника, не слушаясь шпор и раздражающих рот удил, а Черныш налетел, начал опрокидывать вместе с конями, хватал пастью, бил лапами.

Двое всадников сумели справиться с конями и помчались на Иггельда и Ратшу.

– Мой левый, – предупредил Ратша.

Иггельд чуть не сказал, чтобы брал хоть обоих, но вместо этого сделал шаг вперед. Артанин налетел на огромном горячем коне, сам огромный и страшный, свирепый, с поднятым топором. Полуголый до пояса, он тем не менее выглядел облаченным в латы, настолько широка грудь, а обцелованная солнцем кожа цвета старой меди. Иггельд вскинул меч, послышался резкий звон, руки тряхнуло, артанин проскочил мимо, тут же развернул коня и ринулся на него снова. Коричневое от солнечного загара лицо перекошено бешенством. Он снова занес топор, искорка сорвалась с лезвия и кольнула глаз Иггельда, он отпрыгнул, извернулся и нанес встречный удар.

Кончик длинного меча задел кисть руки с топором в ладони. Как в кровавом тумане, Иггельд видел проскользнувшего дальше всадника на горячем коне, а кисть с зажатой рукоятью топора остановилась в воздухе, перевернулась, топор пошел острием вниз, а рукоять, брызгая кровью из вцепившейся мертвой хватки руки, последовала за ним...

– Берегись! – закричал Ратша.

Иггельд, все еще в оцепенении, медленно повернулся. Артанин, блестя огненными расширенными глазами, выхватил левой рукой кинжал и гнал коня прямо на проклятого куява. Иггельд отскочил, инстинктивно выставил перед собой меч, все так же держа обеими руками. Артанин прыгнул с коня, растопырившись, как лягушка, замахнулся ножом. Руки Иггельда тряхнуло, нож мелькнул перед лицом, он выпустил рукоять меча и отступил, а артанин, пронзенный насквозь, упал и забился в корчах.

Черныш все еще гонялся за всадниками, хотя в седле оставались двое, потом уже один, а кони с опустевшими седлами носились с безумным ржанием.

Подошел Ратша, вытер лоб, глаза пытливно всматривались в лицо Иггельда.

– Струхнул?

– Какое там струхнул, – едва выговорил Иггельд. – Меня всего трясет...

– Так всегда, – сообщил Ратша. – Первый раз человека жизни лишил. Потом привыкаешь. Вот курицу зарезать не могу... а человека – легко. Он же пришел с боевым топором! Знал, что идет убивать. Знал, что могут убить. Сам выбрал эту дорогу. Так что правильно, не терзайся. А вот курицу – не могу...

– Да, – прошептал Иггельд. – Да, Ратша... Прости, но меня все равно трясет.

– А ты смотри на Черныша, – предложил Ратша. – Сразу все понял. Видишь, как гоняет! Если коня скормить, он взлетит?

– Конь?

– Твоя жаба с крыльями!

– Еще как, – ответил Иггельд.

– А двух?

– Вряд ли. Если переест, ложится спать. Надолго. А когда спит, ничем не добудишься. Любой может подойти и убить...

Ратша с беспокойством следил за драконом, земля глухо гудела под его тяжелыми прыжками. Кони при всем ужасе перед чудовищем не убегали далеко, храня верность хозяевам, делали большие круги и возвращались к их телам. Черныш снова носился за ними, смешно подкидывая зад, а если догонял, то опрокидывал лапой и мчался за другим конем, а упавший вскакивал в ужасе. Стоял некоторое время, дрожа всем телом и дико вращая глазами, не понимая, что у него отъедено, а Черныш несясь дальше, догонял, валил в восторге от такой игры и ликующий от ощущения силы и ловкости.

– Мой убит, – сказал Ратша кратко, – пойдем посмотрим, что с теми...

Еще двое артан поднялись с земли, с ободранными в кровь руками и лицами, бросились разом, плечо в плечо, одинаковые, как два степных льва. Ратша быстро и ловко обезоружил обоих, каждого ранив не смертельно, но глубоко и выбив из рук топоры. Один схватился за нож, Ратша тут же заступил Иггельда и нанес короткий удар. Артанин захрипел и повалился навзничь, из разрубленной груди широкой струей хлынула кровь.

Второй все нащупывал нож, в глазах ненависть, губы дрожали, а лицо искривилось в бешенстве.

– Остынь, – сказал Ратша громко. – Мы не воины, мы не обязаны воевать... и убивать. Ответишь на вопросы – останешься жить.

– Я ничего не скажу, – процедил артанин. – Вы, две грязные куявские свиньи, ничего от меня не услышите. Скоро придет доблестный Придон, всю вашу грязную страну поставит на колени!

Ратша мрачно кивнул.

– Да, это мы слышали. А где сам Придон?

– Там, где ему надо, – отрезал артанин. – Небо следит за его подвигами, небожители восторгаются им!

– Ну да, – сказал Ратша, – а если он...

Договорить не успел, артанин молниеносно ринулся, минуя его, на Иггельда, признав за старшего. Иггельд не успел даже отшатнуться, его пальцы сами по себе перехватили кисть с ножом у самого горла, сжали. Артанин вскрикнул, хрустнуло, нож выпал из побелевших пальцев.

Ратша, ругнувшись, ударил мечом, как копьём, в спину. Обагранный кончик стали высунулся из груди артанина. Он захрипел, сказал окровавленным ртом, откуда сразу хлынула красная струя:

– Он... придет... Куяба будет взята!.. Мы отомстим... За правду... За честь...

Ратша с силой дернул меч на себя, артанин повалился лицом вниз. Ратша наступил на спину, освободил меч, вытер окровавленное лезвие о штаны убитого.

– А ты быстр, – сказал он с удивлением.

– Да он был ранен, – сказал Иггельд, защищаясь.

– Не настолько. Да и кисть ты ему сломал как лихо. Я слышал, как трещали кости.

– Это ты придумал!

– Правда-правда, – сказал Ратша. Он оглядел Иггельда с головы до ног. – Ты вырос, Иггельд. Окреп. Я не считаю тебя мальчишкой, но ты уже сейчас сильнее всех мужчин, которых знаю. Самому пожить в пещерах, что ли?

Лошадь с торчащим в шее дротиком тяжело ковыляла, алая кровь стекала по ноге на землю. Ратша милосердно взмахнул мечом, прекращая мучения. Иггельд подозвал Черныша, указал на убитую лошадь, сказал хмуро:

– Ешь!.. Можно.

Ратша снял было седло по крестьянской бережливости, подумал, с жалостью почесал затылок.

– И куда это теперь?.. Эх, столько добра пропадает...

Он окинул взглядом убитых. Коней можно изловить, с убитых поснимать хотя бы сапоги, с коней – седла. Топоров сколько штук, ножи на поясах. Все бедное, но оружие у артан всегда добротное, сталь закаленная, а ножи почти не тупятся и не ломаются.

Иггельд сказал с неудовольствием:

– Можно бы взять, но... зачем? Мы за одну перевозку какого-нибудь загулявшего бера из одного края в другой получаем в сотни раз больше.

– И то верно, – согласился Ратша со вздохом. – Да только все равно жалко вот так бросать. Другие ж все равно подберут!.. Тут не пустые земли, не сегодня, так завтра наткнутся. Чем и не люблю войны, что всегда много добра пропадает! Сколько везде воевал, а так и не привык.

Рядом слышался непрерывный мощный хруст. Черныш лежал на пузе, лошадь подгреб обеими лапами и, прижимываясь от удовольствия, пожирал еще теплое сочное мясо. Одним глазом время от времени косился в их сторону и, убедившись, что все спокойно, снова зажимывался и с наслаждением хрустел костями, вырывал огромные куски мяса и глотал, не разжевывая.

ГЛАВА 12

Артане продвигались по Куявии быстро, победно. Земли и целые княжества покорялись одно за другим, иные высылали гонцов навстречу артанской коннице и вручали ключи от городов. Наспех набранные армии либо разбегались сразу, еще только завидев ужасных артан, что живут войной, набегами, что обожают слышать звон оружия, крики жертв, либо выдерживали первый удар, после чего сдавались и приносили присягу верности уже артанам, их мстительному Придону.

Иггельд нарасхват, ему платили золотом за каждое слово, он успевал увидеть сверху и сообщить о том, с чем через трое или больше суток прискачут на взмыленных конях измученные гонцы. А видел он повсюду позор, трусость, предательство, стремление урвать жирный кус для себя лично, в то время как соседу плохо. Если какой-то володарь все же собирал войско и отправлял навстречу артанам, соседи тут же вторгались в его земли и либо отрезали часть его владений, пользуясь тем, что хозяин не в состоянии защититься, либо творили бесчинства, уводили людей и скот, жгли дома и села целиком: ослабленный сосед – не опасный сосед!

Несколько раз вдвоем с Ратшей выслеживали сверху и захватывали одиночные разъезды артан. Огромное артанское войско двигалось, выбросив вперед гигантские щупальца отрядов в тысячу топоров, те, в свою очередь, выпускали далеко вперед по сотне всадников, а каждая сотня отпускала на разведку десятков на быстрых неутомимых конях. Такой десяток шел обычно в сильно растянутой цепи, чтобы как можно больше увидеть и охватить взором в чужой стране, всадники просто старались не терять друг друга из вида и потому не успевали прийти на помощь, когда с неба обрушивался дракон, прижимал коня к земле лапами, ломая ему крестец, а двое куявов хватали и вязали оглушенного артанина.

Сегодня артанин дрался отчаянно, а когда Ратша навалился и прижал к земле, он ухитрился вытащить из-за пояса нож, Ратша успел перехватить за кисть, сжал, артанин захрипел, дернулся и навалился грудью на острие.

– Не взять... – прохрипел он люто, – подлым грязным свиньям... вольного сына...

– Дурак, – сказал Ратша с сердцем.

– Не быть артанину... рабом... – прошептал тот.

Ратша оставил его, поднялся, лицо хмурое, огляделся. Артанин смотрел победно, молодой и красивый, с хорошим размахом плеч, бронзовотелый, лицо быстро бледнело, изо рта широкой струйкой хлынула кровь. Он силился сказать еще что-то, но дернулся и застыл, глаза смотрели в небо, коричневые, как поспевшие желуди.

Иггельд суетливо вытянул голову, даже привстал на цыпочки.

– Сюда скачут, – напомнил он тревожно. – Справа... и тот, что слева! Что будем делать?

Ратша сказал зло:

– Нам нужен пленник!.. Князь Брун велел дознаться: думают ли артане останавливаться? Чего хотят? О чем говорят рядовые артане?

– Понятно, – торопливо сказал Иггельд. – Черныш!.. Охраняй!.. Понял? Охраняй!

Дракон завизжал от счастья, сейчас он покажет, как любит своего папочку, и сделает все, чтобы тот его похвалил, вскочил и сам понесся на ближайшего всадника. Тот не успел уклониться, Черныш ударил всем телом, конь с поросычьим визгом опрокинулся на спину, всадник вылетел из седла, а Черныш подпрыгнул, в воздухе растопырил крылья, Иггельд не поверил глазам, когда Черныш просто на месте сделал невероятнейший поворот, почти кувырок, и в три могучих рывка крыльями, от которых на земле началась буря, оказался над тем героем, что со вскинутым топором в руке мчался с другой стороны.

На этого Черныш просто обрушился сверху. Никто даже не вскрикнул, только жутко затрещали кости. Иггельд и Ратша бегом оказались над артанином, которого Черныш выбил

из седла, тот лежал на спине, раскинув руки, веки опущены, красные ссадины на щеке, плече, содрана кожа с локтя.

– Жив, – определил Ратша. – Повезло!

Он быстро и жестко связал артанину руки и ноги, тот медленно приходил в себя, дернулся, открыл глаза. Иггельд сказал торопливо:

– Ратша, сюда скачут еще!.. Заканчивай!

– Зови свою жабу с крыльями, – велел Ратша.

– Черныш! Ко мне!

Дракон тут же оставил расплющенные жертвы, в два прыжка оказался перед Иггельдом. Глаза с любовью и обожанием уставились в лицо папочки. Хвост усердно молотил по земле, оставляя глубокие вмятины.

– Молодец, – похвалил Иггельд. – Очень хорошо! Я тебя люблю... Нет-нет, сиди!.. Перестать лизаться. А теперь лежать!

Они быстро затащили связанного пленника на спину, Иггельд сказал торопливо:

– Взлет!..

Ратша проворчал:

– Мы бы и этих так же просто... А твоя жаба так и вовсе разгонит целое войско.

– А что толку? – спросил Иггельд тоскливо.

– Врага надо бить везде, – сообщил Ратша. – Не знал?

– Все равно всех не перебьем, – ответил Иггельд хмуро. – Они же идут широким потоком. Отвезем этого к князю, а тот пусть думает, как воевать...

Черныш в два прыжка оторвался от земли, могучие крылья широкими толчками подбрасывали к небу, земля уходила вниз, проваливалась. Пленник затих, брыкаться перестал, лицо стало бледным. Ратша бросил его через хребет лицом вниз, придерживал небрежно, пленник видел далеко внизу уменьшившийся лес, совсем узенькую реку, а потом поднялись в туман, влажный и липкий, пробили, оставив удаляться, и пленник застонал от страха, поняв, что этот туман – облака, на которые он всегда смотрел с земли как на нечто недостижимое!

Черныш поднялся на ту высоту, когда слой облаков остался внизу, дальше пошел ровными неспешными толчками. Если бы не встречный ветер, казалось бы, что застыл на месте, так далеко внизу медленно двигалась земля.

Еще в первые пару лет Иггельд учил Черныша выходить ночью и бегать по Долине, потом учил взлетать и даже летать при ярком лунном свете. Черныш сперва трясся, пугался всего, но со временем привык, только чаще обычного посматривал на папочку: не боится ли? Нет, не боится, значит, можно и ему не бояться. Тем более что в темноте видит хоть и намного хуже, чем днем, но все же лучше любимого и обожаемого родителя.

Сейчас это пригодилось, он несколько раз, обнаружив расположившихся на ночь артан, среди ночи опускался прямо на главный шатер, Черныш страшным ревом и ударами могучих лап и хвоста сеял панику. А они с Ратшей выхватывали ошалелого предводителя, Черныш тут же прыгал в черное небо, и они пропадали с глаз. Иггельд мечтал похитить так самого Придона, но тот никогда не ночевал посреди войска, всегда, по рассказам пленных, неся с одной из групп разведчиков, неотличимый от простых воинов.

– Тогда нам повезло, – буркнул однажды Ратша. – Если честно, то с Придоном нам не совладать...

– Уверен?

– Уверен, – ответил Ратша серьезно. – Говорят, он стал не то бессмертным, не то что-то еще получил от богов. И еще говорят, нет на земле героя... или даже толпы героев, что выстояли бы против богоравного Придона!

Иггельд хмурился; сейчас, когда все удавалось так легко, не верилось, что кто-то может выстоять, остановить, даже взять верх. Хотя, если честно, он помнит еще того Придона, преж-

него, который только шел за мечом, и то по спине проходила дрожь. Такие не часто рождаются среди людей, в нем силы и ярости на всю Артанию с Куявией вместе, и горе даже богу, что попробует загородить ему дорогу...

– Посмотрим, – ответил он уклончиво.

Ратша усмехнулся.

– Тебе мало, что артане тебя самого уже называют Ночным Драконом?

– Это Черныша, – слабо возразил Иггельд.

– Тебя, тебя!.. Черныш что, для артан это просто конь с крыльями. Нет, даже ящерица.

А вот твоим именем уже пугают народ.

Во дворце князя Бруна, для которого они захватывали пленника, их сразу провели в главный зал. Иггельд и Ратша озирались по сторонам: в таких пышных местах еще не бывали. Палаты вполне могут поспорить с залами куябского властелина. Поговаривали, кстати, что даже по размерам здесь дворец поболее, еще дед Бруна начал тягаться с тогдашним тцаром.

В большом зале, что вполне мог быть тронным, в самом деле на возвышении кресло с высокой спинкой, точная копия трона Тулея. Ступеньки покрывал дорогой бархат, спинка и поручни кресла блистают золотой отделкой. Ратша хмыкнул, его быстрые живые глаза сразу отыскивали на вершине спинки кресла золотого кабана, знак рода Брунов. Раньше этого не было, всего лишь кресло, но сейчас издали его вполне можно принять за трон. Да и чем золотой кабан хуже золотой лани – герба Тулея?

Иггельд полагал, что им придется долго ждать, но провожатый умело лавировал в толпе, ухитрившись никого не задеть, в то время как задиристый Ратша нарочито расставлял локти; так прошли через зал, небольшой коридор, миновали двух огромного роста стражей, небольшая дверь с эмблемой золотого кабана открылась без скрипа.

Комната впятеро меньше зала, хотя по богатству и пышности перещегооляла. Стены завешаны дорогими коврами дивной работы, на коврах самые дорогие мечи и кинжалы, рукояти в золоте и драгоценных камнях, и этого оружия столько, что и самих ковров не разглядеть. Мебель скромно у стен, только в центре комнаты огромный дубовый стол с резными ножками.

Трое мужчин склонились над расстеленной картой. Все трое негромко переговаривались, двигали по карте фигурки всадников, пеших воинов и даже одинокую фигурку дракона. Иггельд не сразу признал, кто есть кто, затем по широким плечам и львиной голове вычленил Бруна, владетельного воеводу, могущественного властелина и блистательного полководца.

Иггельд и Ратша тихо стояли под стенами. Трое самых могущественнейших людей края некоторое время двигали фигурки молча, хмурились, а Иггельд, затаив дыхание, рассматривал их в те короткие мгновения, когда они выпрямлялись и оглядывали карту единым взором. С Бруном стояли Клестоярд и Гайтан, после него самые богатые и знатные люди, они никогда в руках не держали оружия, их слава произросла на умелых торговых сделках сперва внутри страны, а потом и за ее пределами. Это благодаря умению Клестоярда в Куявию потекли шелка из дальних восточных стран, а Гайтан обеспечил Куявии проход у берегов Славии в неведомые земли Севера, а также ловлю рыбы у ее побережья. Не зря считались умнейшими и хитрейшими людьми в крае и хотя в воинском искусстве ничего не смыслили, но от умного человека в любом деле больше толку, чем от сведущего дурня.

Брун тоже выпрямился, его покрасневшие от напряжения глаза бросали взор, как заметил Иггельд, не столько на границу Куявии с Артанией, сколько на горную часть Куявии. Брови сошлись на переносице, крупное мясистое лицо дышало уверенной спесью, ощущением силы и собственной значимости. У него крупные глаза навывкате, крупный нос, крупные скулы, тяжелая мясистая челюсть, а в глазах даже сейчас загорались и гасли искорки гнева. От него веяло той мощью, что возносит людей из самых низов и делает их вожаками разбойничьих шаек, а потом правителями стран.

– Хорошо, – рыкнул он с неудовольствием, – так и поступим! Приступайте.

Клестоярд и Гайтан вежливо откланялись, но без подобострастия, каждый из них тоже полон силы и достоинства, ушли, даже не взглянув на прибывших.

Брун повернулся, Иггельд ощутил на себе испытующий взор, а рядом Ратша вздрогнул и вытянулся, словно в него ткнули палкой. Мгновение Брун рассматривал обоих, силой и мощью от него повеяло еще больше. Иггельд невольно вспомнил, что это тот самый Брун, который в прошлую войну нанес сокрушительное поражение артанам и вышвырнул их остатки из страны, это тот Брун, что в короткие сроки возродил разоренный набегами и разбойничьими шайками край, освободил от налогов и поборов на тридцать лет, выстроил крепости, возвел множество каменных башен, где хоть и не было чародеев, зато помещалось множество стрелков, что могли быстро подать сигнал о приближении быстрых артан, а сами оставались неуязвимыми на высоте. Это могучий и суровый властелин, что не задумываясь вешал всех захваченных разбойников, мародеров сажал на кол, железом и кровью быстро навел порядок в приграничном крае, и теперь ему не дают наслаждаться отдыхом в его же владениях.

– Дела, – сказал он хмуро, – дела... Как я понимаю, вы и есть знаменитые Иггельд и его друг, прославленный герой Ратша?

Брови Ратши удивленно взлетели, он быстро поклонился.

– Истину глаголете!.. Я – Ратша, моя слава, как вижу, бежит впереди меня. А вот это молчаливое чудо – Иггельд.

Брун скупно усмехнулся.

– Молчаливое? За него говорит его меч...

– ...и его дракон, – добавил Ратша.

Брун повел рукой в дальний угол, там стол поменьше, несколько стульев, на столе медный кувшин искусной работы.

– Присядем, переведем дух, – предложил он. – Я уже настоялся за сегодня. Какое вино предпочитаете?

– Спасибо, – ответил Ратша так же быстро. – Польщены вниманием и тем, что вообще запомнили наши имена. Я пью любое хорошее вино, а у вас, я слышал, самое лучшее в Куявии. Мой друг, увы, не пьет вовсе.

Брун взглянул на Иггельда с любопытством.

– Он что, разделяет веру артан?

Иггельд опустил за стол, прежде чем ответить, тяжелый взор Бруна угнетал, напоминал о его нечеловеческой мощи.

– Просто у меня не бывает отдыха.

– Ого, – сказал Брун со странной ноткой в голосе. – Почему?

Ратша сказал весело:

– А его Черныш, это его любимый дракон, не любит, когда он приходит пьяным.

Иггельд сдвинул плечами, поморщился, но взор Бруна пытливый, требующий ответа, и Иггельд сказал нехотя:

– Я силен, молод, у меня много работы. Интересной. С чего я буду проводить время за столом и пить, пить, пить?

– Зачем только пить? – встрял Ратша. – Так быстро под стол! Надо еще и есть. Пить и есть, пить и есть... правда, в перерывах иногда еще и...

Иггельд отмахнулся.

– Этим я смогу заняться, когда руки уже не смогут удержать тяжелый меч. Чашу с вином удержат всегда. Да и на лавке насажусь тогда, когда не смогу забираться на спину дракона. Но, конечно, из рук светлейшего князя я приму чашу с вином с великой благодарностью! И буду рассказывать потомкам, с каким великим человеком сидел за одним столом и какое вино пил.

Во взгляде Бруна появилось уважение. Он взглянул на Иггельда почти по-родственному, сказал благожелательно:

– Слова настоящего... не скажу – мужчины, ведь мужчин много, а вот настоящих героев мало. Лишь тот добивается под этим солнцем многого, кто не проводит время в пирах и праздности!..

Он хлопнул в ладоши. Неслышно появился слуга, на подносе большой кувшин с затейливой росписью. Почти незаметно, не привлекая к себе внимания, разломал глиняную пробку, по комнате пошел приятный дурманящий запах. Испытующий взор князя встретился со взглядом Иггельда. Иггельд ответил почтительно:

– Ни о чем другом не мыслю, кроме блага своей страны. И еще постоянно помню о вторжении дикарей, которых надо истребить нещадно.

– Дабы другим пример был, – вставил Ратша.

Брун отмахнулся.

– Для них ничто не бывает примером. У них столько рождается народа, что им просто девать его некуда. Вот и бросают каждый год подросший молодняк на куявские твердыни. Но мы им еще покажем... Иггельд, ты, как владетельный хозяин своей Долины...

Иггельд покачал головой.

– Я не владетельный. Я простой смотритель. Смотритель драконов.

Брови Бруна высоко взлетели, во взгляде сильнейшее недоумение.

– Как? Это после такого блестящего рейда?

Ратша подбоченился, смотрел соколом. Второй слуга так же неслышно внес на подносе три золотых кубка. По венчику горели красными огоньками мелкие рубины. Ратша подмигнул Иггельду, все три кубка одинаковые, князь не чинится, не выделяет себя, держится как с равными. Впрочем, они ж герои, а герои даже к тцарам заходят легко и по-свойски.

Слуга взял кувшин и ловко наполнил все три кубка до венчиков, не пролив ни капли. Запах дорогого терпкого вина стал заметнее, потек по комнате.

– Я просто проверял дракона, – ответил Иггельд.

– А сами? Я слышал, вы разгромили артанский обоз, разнесли всю охрану, а там около сотни крепких воинов!

Ратша даже сидя стал выше ростом, напыжился, а Иггельд ответил совсем нехотя:

– Обоз невелик... всего с десятков телег. Никто не ждал, что они в опасности, охрана ехала, сложив топоры и щиты на свободную телегу. Так что хоть их и сотня, но мы втроем просто застали их врасплох...

– Втроем? – переспросил Брун с интересом. – Кто третий?

– Черныш. Он – боевой дракон.

Брун в задумчивости побарабанил пальцами по краю столешницы. Звук сухой и чистый. Глаза оставались задумчивыми.

– Разве боевые могут забираться так далеко?

– Черныша я выращивал сам, – объяснил Иггельд. – Он не простой дракон. Он умеет намного больше, чем остальные.

Брун взглянул ему в глаза прямо.

– А можно и других драконов научить так же? К примеру, если взять племя от этого... Черныша?

Иггельд развел руками.

– Если вы найдете таких же сумасшедших, как я. Я сказал только, что не пью вина, но я не сказал, что я жил и спал в пещере с драконом, пока он рос. За это время я не только не пил вина, но и не спал с женщинами, не ел хорошей еды, не общался вообще с людьми.

Ратша хмыкнул, Брун усмехнулся, сказал с сожалением:

– Жаль... А я уж сразу представил себе десяток, а еще лучше – сотню таких драконов! Да еще с отборными воинами на спине. Чтобы высадить их поближе к самой Арсе, захватить ее внезапным ударом, сжечь напрочь... дабы эти дикари надолго запомнили ярость Куявии!

Гнев полыхнул в его очах, Иггельду показалось, что ветер сдул с полыхающих углей тонкую пленку пепла – так загорелись глаза, заблестали огнем. Он с силой выдохнул воздух, сказал уже спокойнее:

– Ничего, Куявия выстоит в любых бедах!

– Выстоит, светлый княже, – сказал Ратша преданно.

Брун кивнул с благосклонностью во взоре, взгляд стал отсутствующим, помедлил, сказал в гневном раздумье:

– Что за страна, где верных сынов не замечают, а лизоблюды дворцовые получают и земли, и звания, и богатства?.. Хорошо, что вы прибыли сюда, я сам родился на кордоне. Я как никто знаю, как трудна жизнь воина... Так, дайте подумать... Ага, есть хорошая земля в Светлолесье. Там прекрасные угодья, хотя сейчас там вблизи прошли артане и народ разбежался. Но артане ничего не спалили, только забрали весь скот, так что сейчас это все еще не разоренный край. Отдаю тебе во владение, там шесть деревень, леса, есть одна хорошая копальня железной руды. Кстати, там, помимо рудокопов, есть и прекрасные оружейники... Словом, жалую тебя званием песиглавца!

Ратша шумно вздохнул, глаза вспыхнули завистью, Иггельд покосился в его сторону, сказал нерешительно:

– Да я ведь не из-за богатств...

– Знаю-знаю, – прервал Брун. – Это только говорят, что куявы – никчемные воины! Да и сами куявы не прочь посмеяться над собой как воинами, так как торговлю всегда ставим выше, но и в воинском деле нам нет равных... если займемся им.

– Если, – вздохнул Иггельд. – Сейчас все надежды на вас.

– И правильно, – отрезал Брун, – что надеетесь! Я соберу здесь железный кулак, перед которым никакие артане не устоят. Мы покажем, что стоим немало. Потому я очень доволен, друзья мои, что вы здесь. Что вы начали доставлять мне пленных артан, что вы начали то, к чему мы только готовимся! Возьми эту бумагу! Возьми. Это богатая земля, ты сумеешь собрать народ, построить крепости и стать богатым и могущественным володарем. Ты уже почти что берич!.. А там с твоим умом, силой и отвагой сможешь стать бером.

Иггельд в великой неловкости взял из руки князя бумагу с коричневой сургучной печатью. Ратша подмигнул, сделал большие глаза.

– Бери, бери, – сказал Брун. – В пожизненное владение, тебе и твоему потомству. Волен владеть, устанавливать свои подати, судить и карать, дарить, продавать или пропить начисто – все в твоей воле!

Иггельд в замешательстве смотрел на бумагу. Во мгновение ока из бедного зрителя драконов превратился в довольно богатого можа. Песиглавца, а как только отстроит укрепление, то может именоваться беричем. И пусть тот край разорен, но сама земля стоит немало, да и шесть деревень, лес, залежи железной руды, кузницы и умелые оружейники – все имеет немалую цену. Хотя непонятно, как управлять этой землей, ведь она внизу, в междугорье, а его гнездо чуть ли не под самым небосводом.

– А ты откуда родом? – спросил Брун у Ратши.

Ратша молодцевато выпятил грудь.

– Из Плотска!

– Из Плотска? – удивился Брун. – Так оттуда и мой род!.. Ну, тогда понятно, почему такой герой, как ты, до сих пор в пренебрежении у правителя Куявии. Я сам как плотчанин по себе знаю, не любят нас в Куябе. Слишком мы гордые, не любим склоняться перед ничтожествами. Но гордость нам не позволяет напоминать тцару о своих заслугах! О пролитой за оте-

чество крови, о полученных ранах, о бессонных ночах, что провели на границе, высматривая просачивающихся на нашу сторону подлых головорезов...

Ратша выпячивал грудь все больше, глаза горели, как факелы.

– Истинно глаголете, великий княже! – сказал он с жаром. – В чести одни лизоблюды!

Брун взглянул остро.

– Не обидно?

– Что?

– Вот такое невнимание Куябы к героям?

Ратша отмахнулся.

– А что делать?.. Несправедливо, но тцар таков.

Брун покачал головой.

– Так не всегда будет. Эта война многое переменит. Она встряхнет все общество, перетряхнет, как заботливая хозяйка вытаскивает из сундуков старую одежду и отбирает, что оставить, что на тряпки, а что выбросить вообще. Сейчас все взоры с надеждой обращены на героев, что должны прийти и спасти Куявию. Да, мы придем и спасем!.. Но на этот раз не уйдем, как только в нас минует нужда. На этот раз мы должны получить все, что заслужили.

Ратша истово кивал, Иггельд слушал сочувствующе, в груди горела жажда вот прямо сейчас прыгнуть на спину Черныша и помчаться освобождать Куявию от свирепых захватчиков.

– Мы для того и явились, – сказал он преданно, – чтобы встать под ваши прославленные знамена! А награды... будут они – хорошо, не будут... что ж, нам не привыкать, ведь не ради богатых вотчин мы проливаем кровь, а токмо ради торжества любимой отчизны.

Ратша вставил торопливо:

– Хотя и от наград и пожалований отказываться не станем! Чужого нам не надо, но что заслужили...

Брун встал, Иггельд с Ратшей поспешно вскочили. Иггельд сказал четко:

– Мы просим принять наши мечи и наше умение на службу вашему княжескому могуществу. Что умеем – все ваше. Тот стыд, что мы видели своими глазами, жжет наши сердца. Мы не успокоимся, пока враг с позором не будет изгнан с наших земель!

– Пока хоть один артанин ходит по землям Куявии, – добавил Ратша четко, – наши мечи будут жаждать крови!

Брун обнял их по очереди, сказал сурово, но с чувством:

– Благодарю. Благодарю. Вы увидите, что поступили правильно. Мы будем бить артан! Будем бить... по-своему. Не считаясь с теми указаниями, что нам шлют из Куябы.

Иггельд ответить не успел, Ратша сказал громко:

– Да что они могут видеть оттуда?

– Верно, – согласился Брун. Глаза его сумрачно блеснули. – Что они могут видеть? И понимать.

В комнату вошел, легко и грациозно поклонившись на ходу, высокий и прекрасно сложенный красавец, улыбающийся, весь в блеске панциря, с золотой пряжкой на узком поясе, загорелый и предупредительный, сразу поймавший взгляд Бруна и выразивший готовность немедленно, да, немедленно бить, яркие перья на шлеме подрагивали, сам начищенный до блеска шлем рассыпал веселые искры, на выпуклой металлической груди выдавленное изображение кабаньей морды, штаны из добротной выделанной кожи, сапоги с металлическими щитками на носке.

Иггельд перехватил брошенный на него любопытствующий взгляд, а Брун сказал тепло:

– Мой сын Улнак. Тоже горит стремлением послужить отчизне. Думаю, вы еще повоюете с ним плечом к плечу!

ГЛАВА 13

Выйдя из дворца, Иггельд сразу же посмотрел вверх. Так и есть, крохотный темный крестик на белесо-голубом небе, неподвижен, кажется вообще прилипшим к небесной тверди. Даже орлы не забираются так высоко, но Черныш держится там легко, вот чуть сдвинулся, крылья исчезли, снова появились, подает знак, что увидел, что ждет приказов любимого папочки.

Ратша злорадно хохотнул, а Иггельд, стоя посреди людной улицы, начал размахивать руками, сразу покраснев сильнее вареного рака, люди либо ускоряли шаг, посматривая на него опасливо, либо останавливались в сторонке и смотрели с недоумением: парень с виду вроде здоров, силен, не похож на бесноватого, что говорит с собой и незримыми собеседниками.

Когда шли к постоялому двору, Ратша втолковывал:

– Я ж говорил тебе, что не полетит он обратно!.. Ну что ему лететь туда да обратно, это ж насколько от тебя удалиться? У него же сердце разорвется от разлуки!

Иггельд прорычал зло:

– Этому дурню сказано четко: завтра чтобы прилетел!.. Если я подам знак, чтобы сел. Но – не раньше! А теперь что?

Ратша подумал, предположил:

– А сможет он вот так всю ночь? До утра?

– Вряд ли, – ответил Иггельд. – Ночью воздух остывает. Сейчас он просто растопырился, а к утру совсем не останется восходящих потоков. Крыльями же махать всю ночь... гм...

– Наверное, сядет где-нибудь в сторонке, – предположил Ратша. – Коровку сопрет, овечек... э... попасет. А завтра с утра снова увидим твоего верного птенчика. На этом же месте.

– Я ему голову оторву, – пообещал Иггельд зло. – И крылья.

– Он за тобой побежит и без крыльев.

– И лапы оторву!

– На брюхе поползет. Ты ж его знаешь!

– Знаю, – вздохнул Иггельд.

На постоялом дворе многолюдно, с трудом удалось за щедрую плату выговорить себе малую комнатку на двоих, спустились в корчму, ели быстро, почти не обращая внимания, что именно ставят перед ними на блюдах. Ратша заметил, что Иггельд часто поглядывает на окна, словно опасается увидеть по ту сторону огромную морду, заглядывающую в помещение, как уже бывало.

Когда вернулись в отведенную им комнатку, Ратша снова начал восторгаться князем, похлопывал Иггельда по спине, все выдергивал из рук бумагу на владение обширной вотчиной, рассматривал печати и замысловатую подпись, размашисто шлепал друга по спине.

– Повезло тебе, повезло!.. Я знаю, тот край богатый. Там такие леса, такие леса...

– Да что тебе леса, – поморщился Иггельд, – ты думай, что мы будем делать. Эта вотчина – прекрасно, я благодарен князю, но сейчас это некстати...

Ратша изумился:

– Такое богатство некстати? Леса некстати? Да ты знаешь, какие там медведи? А кабаны? Там кабаны медведей гоняют, как зайцев!.. Кто кабана убьет, тот герой!

Он повалился на широкую лавку, та затрещала под могучим телом, прогнулась. Иггельд подошел к окну, высунулся почти до пояса, посмотрел прежде всего вверх, уже потемнело, закат в багровых перьях, над миром опустились сумерки, только на небе все еще солнечный день, но и там все яснее проступает половинка луны, наливается соком, как созревающий плод.

– Ну и что? – слышалось со спины насмешливое.

– Пока не видно, – ответил Иггельд. Он перевел дыхание. – Не могу же в те края появиться с драконом! А если останусь в своей Долине, то отныне мой народ будет спрашивать, где это прячется новый хозяин...

Ратша лежал на спине, руки закинул за голову, довольный, сытый и полный надежд, весело подмигнул, перехватив раздраженный взгляд Иггельда.

– А ты заметил, как ты назвал долину?

– Как? – переспросил Иггельд. – Долиной Грез...

– Нет, – засмеялся Ратша, – ты назвал ее своей!.. Попомни мои слова, она твоей будет. Я иногда прям пророк златокрылый, особенно когда хорошо упьюсь... Она уже твоя, ты прав, там все создано и выстроено твоими усилиями. И нет там другого хозяина!

Иггельд сдвинул плечами, поморщился.

– Да брось о таких мелочах. Надо думать, что делать...

– А что делать? – переспросил Ратша. Он глубокомысленно вперил взгляд в потолок, засмеялся. – Что делать? С таким вождем, как Брун, мы не только выстоим, но и разнесем этих жалких дикарей так, что полетят пух и перья! Ты видел, какое у него лицо? Как будто из меди ковали! Да не в тцарской кузне, а прямо на поле боя. Грубо, мощно, по-мужски...

– Еще скажи, по-артански.

– А что?.. – сказал Ратша убежденно. – Если хотим победить артан, надо в чем-то стать на них похожими. По крайней мере, такими же лютыми, жестокими, отважными. А Брун – такой! Он вообще единственный на всю Куявию, кто может собрать разбежавшиеся войска в кулак и дать этим железным кулаком артанскому зверю в лоб так, что мозги через уши брызнут. Поверь моему слову, под его знамя соберется настоящая армия! Могучая, грозная, такой и у Тулея не было. Всяк из нас желает служить под знаменем могучего воителя, а не дворцового лизоблюда, что не показывает носа из носилок...

Иггельд сказал задумчиво:

– Ты сказал... Гм, что-то у меня от твоих слов нехорошо.

– От каких? – удивился Ратша. – От моих героических речей? Ты чего?.. Или уже в мечтах таскаешь на сеновал девок из своих деревень?.. И то дело доброе, полезное. Надо землю населять детьми сильными, здоровыми! От кого еще дети пойдут сильными да храбрыми, как не от нас с тобой?.. Я сказал только, что сейчас, когда от всего войска только ошметки, эти остатки ошметков стянутся только к настоящим полководцам. Вот тут-то и видно всем и каждому, кто чего стоит!

Иггельд кивнул, лицо оставалось задумчивым.

– Ты прав. Ты еще как прав. Сейчас, когда каждый сам выбирает, под чьи знамена встать, как раз и видно...

– Ты что, недоволен?

– Да нет, но у князя в самом деле войско скоро будет больше, чем у самого Тулея.

– Если уже не больше, – сказал Ратша довольно.

– Если уже не больше, – повторил Иггельд очень серьезно. – Еще я слыхивал, что Брун сам раздавал вотчины и земли своим лизоблюдам и подхалимам. Что сейчас с ним случилось?

Ратша подбоченился.

– Разве не ясно? Лизоблюды и подхалимы нужны только в дни праздности. Но когда приходит лихая година, любой смотрит с надеждой на таких орлов, как мы с тобой! И самых сильных стараются задобрить, подкупить, привлечь на свою сторону. Мы разве не те, кто придет и спасет?

Иггельд наконец оттолкнулся спиной от стены, у него такая же лавка, как и у Ратши, в комнатах для бедных и слуг это заменяет кровати, лег, тоже вперил задумчивый взгляд в потолок.

– Надо поскорее заснуть, – ответил он невпопад.

- Почему?
- Чтобы скорее наступило утро.

Рано утром уже во дворе у князя толклись вместе с другими такими же, жаждущими сражений, перемен, ловили новости. Если с дракона можно разом ухватить взглядом передвижение армий, то узнать, что какой князь или бер сказал о войне с артанам, можно вот так, из подслушанных разговоров. И кто какие действия предпримет.

Князь появился после завтрака, сразу же в сопровождении знатных лиц вышел на площадь, там за ночь собрали помост. Вокруг начал собираться народ, все обвешанные оружием, почти все уже прокаленные солнцем, с обветренными лицами, решительные, с громкими уверенными голосами. Но хотя все держались гордо, никто спин не склонял, Иггельд и Ратша с их громадным ростом смотрели поверх голов и сразу увидели, как на дальний конец площади из кривой улочки начали выплескиваться всадники в блещущих доспехах, на тяжелых рослых конях. Все это умело и слаженно развернулось в полк тяжелой панцирной конницы, неторопливой рысью двинулось в сторону помоста, а из переулка все выплескивались новые всадники и с ходу настигали, сразу умело и безукоризненно занимая место в строю. Вся эта масса перешла на такой же неторопливый галоп, стремясь пройти мимо князя Бруна во всем блеске железного и несокрушимого войска. Звонкий стук подков перешел в грохот, они неслись в шесть рядов, привычно пригнувшись к конским гривам, разве что копыта держали остриями вверх. Один только скакавший впереди полка молодой бер выпрямился и, выхватив меч, прокричал что-то, обращаясь к Бруну.

Князь кивнул с покровительственным видом, грохот заглушал слова, видно только разинутый рот, белые блестящие зубы на покрытом пылью лице. Иггельд насторожил слух, но услышал только довольный голос человека, стоявшего справа от князя:

– Чьи эти люди?

– Бера Озбириша, – ответил Брун. – Он первым откликнулся на мой призыв, но прибыл только сейчас...

– Зато как, – сказал тот восторженно. – Разве с этими стальными львами не победим?

Брун проговорил мрачно:

– Только бы оставались верными. Когда на страну сыплются такие удары, то все разбегаются в страхе. Каждый начинает рвать добычу не у врага, а у ослабевшего соседа. Мы должны быть едины!..

Всадники проносились мимо, уже все что-то выкрикивали, Иггельд видел веселые лица, смеющиеся глаза. Отсюда, сверху, в металлических доспехах и переливающихся на солнце кольчугах они казались плотной стаей рыбы, идущей на нерест, но когда проскакали мимо, за ними остался жаркий накаленный воздух и облачко бурой прожаренной пыли.

Ратша толкнул Иггельда в бок, лицо сияло довольством.

– Ну как тебе такое?

– Мощь, – признался Иггельд. – Я не видел, как они дерутся, но не представляю, как артане смогут выдержать удар такой конницы!

– Никто не может, – заверил Ратша. – Надеюсь, князь сегодня же придумает, чем заняться и нам. Пока армия разворачивается, это займет дни и недели, но мы могли бы прямо сегодня!.. Пойдем в корчму, поедим, подумаем. Если надо, он сам за нами пришлет человека, а если нет, то после обеда заявимся к нему и скажем... Да, скажем! Ты как?

– Скажем, – согласился Иггельд. Он посмотрел в небо. – Бедный Чернышник...

– Почему бедный?

– Все летает... Голодный, наверное.

– Он у тебя всегда голодный, – уличил Ратша. – А летать сейчас не трудно, крылья растопырил – и все. Даже я чувствую, какой теплый воздух от земли идет. Коня поднимет!

Народу в княжеском дворе и на площади перед дворцом становилось все больше – куявы любят поспать, Иггельд и Ратша едва протолкались на свободное место, осмотрелись, Иггельду есть не хотелось, но Ратша резонно спросил, а чем еще заняться, если не есть, пить да по бабам, Иггельд нехотя потащился следом. Ратша на ходу расстегнул пояс, расстегнул ворот рубашки, закатал рукава выше локтей, намереваясь заняться очень серьезным и важным делом поглощения жареного кабанчика. Как они уже достали, эти жареные кабанчики, подумал Иггельд сердито.

Когда миновали ворота постоянного двора, вдали звонко и торжественно пропели трубы. Донесся далекий звук, будто стучали в огромные бубны. Ратша прислушался, повертел головой. Иггельд остановился, тоже оглядывался, искал глазами хоть что-то, что стряхнет это ощущение неудачи, но все равно видел только крупное властное лицо князя с его насупленными бровями, полные гордости и вызова глаза, плотно стиснутые губы. Нет, вроде бы получил даже больше, чем ожидалось: вон какую вотчину светлейший князь пожаловал! Но все-таки неспокойно, даже тревожно. Не успел поговорить о самом важном: где же и каким боком впишется в эту войну со своим Чернышом, чтобы с наибольшей пользой, да и вообще...

Ратша вернулся, выглянул из ворот.

– Ого! – донесся его удивленный возглас. – Да ты не поверишь... Да очнись же!

Надо было что-то ответить, Иггельд сказал раздраженно:

– Ну что там?

– Посмотри сам!

– Говори, – отозвался Иггельд. – Тебе же все видно.

– Ты не поверишь!

– Поверю, – устало возразил Иггельд.

– Не поверишь, – сказал Ратша настойчиво. – Иди сюда! Кто не хотел идти жрать? Прикидывался, значит?

На улицу со стороны городских ворот въезжали пятеро артан. Все обнаженные до пояса, хотя уже немолоды, но тела их на зависть вельможам сухи и поджары, с блестящей здоровой кожей и перекатывающимися мышцами. У всех пятерых волосы прихвачены широкими стальными обручами: поговаривают, что артане в бою еще и бодаются, как козлы, а удар головой вообще страшен и без всякого стального обруча, на запястьях и бицепсах боевые браслеты: толстые, с шипами, с ловушками для улавливания лезвия чужого меча.

Их окружали всадники Бруна, пышно одетые, в прекрасных доспехах, с султанами на шлемах и с такими же султанами, укрепленными между конских ушей. Иггельд ощутил, что на фоне таких вот полуголых воинов они выглядят как надутые петухи, нелепо разряженные, смешные в своем стремлении нацеплять на себя побольше ярких перьев.

– На пленных не похожи, – пробормотал он.

– Какие пленные! – воскликнул Ратша. – Смотри, с каким почетом их встречают!.. Неужели начинаются переговоры о мире?

– Вряд ли, – сказал Иггельд с сомнением. – Сейчас ни им это не надо, ни нам...

– Почему?

– Они прут, не встречая сопротивления, а переговоры начнут, когда расшибутся о какую-нибудь твердыню. Нам тоже сейчас мир зачем? Слишком много прогадали. Да еще так быстро, что еще не опомнились, не смирились... Нет, тут что-то иное.

– Да, – сказал Ратша, – тут ты, цыпленок, прав. Ну, пойдем есть?

– Ты что? – удивился Иггельд. – Сам уже сейчас побежишь следом.

– Я? Это ты побежишь, а я пошествую, как положено мужчине.

Он не стал опускать рукава или застегивать рубашку на груди, но концы расстегнутого пояса попытался свести воедино. От него пахло волной жара, как от разъяренного дракона. Иггельд смотрел вслед проехавшим артанам и почетной страже, за спиной слышались прокля-

тия, наконец Ратша выдохнул весь воздух, что еще оставался в нем, втянул живот, и проклятая пряжка защелкнулась со стуком захлопнувшихся перед носом врага крепостных ворот.

– Фу, – просипел Ратша. – Ну и ремни делают!

– Проколи еще дырку, – посоветовал Иггельд.

– Куда еще? – огрызнулся Ратша замученно. – Уже ремень кончается от этой спокойной жизни...

– Другой закажи, – предложил Иггельд.

– И ходи с пузом ниже колен? Нет уж, надо в ратное поле, подрастрясти жирок...

На всем пути не встретили человека, что шел бы навстречу, все бежали вслед за всадниками. Когда добрались до площади, там и без того уже ожидающая новостей толпа, прибывшим пришлось пробираться через толпу, Иггельд с Ратшей успели рассмотреть их если не вблизи, то на достаточном расстоянии. Артане все пятеро немолоды, сейчас еще заметнее их мужская стать, нерастроченная сила, гордость и отвага, что сквозят в каждом жесте, каждом взгляде.

Это воины, подумал Иггельд невольно. Настоящие воины, что рождены для войны, созданы для войны, росли для войны и набегов. О каком мире они могут говорить? Разве что предложат, чтобы мы сами надели ярмо и пошли покорно пахать землю... Да и то это им неинтересно. По мордам видно, что им не сама наша покорность нужна, а бой, побоище, сражение, битва – когда кровь кипит, когда звон мечей и лязг, крики ярости и боли, стук копыт, когда жизнь и смерть на лезвии верного топора или чужого меча...

Отряд проехал к дворцу Бруна. Там уже открыли ворота загодя, ждали. Толпа валила следом, все возбужденно переговаривались, Иггельд подумал хмуро, до чего же артане презирают сейчас куявов, что не умеют себя вести, прут, как любопытные дети, как болтливые женщины, которым не надо соблюдать достоинство, галдят, как гуси, перебивая собеседника и не слушая один другого.

Ратша принялся расспрашивать людей, у него уже появились здесь знакомые. Почти со всеми ветеранами он когда-то пил или буянил, даже ссорился, а то и дрался, но ему рассказывали охотно, без злобы, Иггельд только хмуро завидовал такой уживаемости.

– Это от самого Придона, – растолковывал ему один берич. – Видел того, что с камнем во лбу? Это сам Вяземайт...

– Вяземайт? – воскликнул Ратша. – Так он еще живой?

– А что, были слухи о его гибели?

– Да нет, – пробормотал Ратша осевшим голосом, – просто мой дед рассказывал, что как-то видел этого Вяземайта в молодости... Тот уже был стариком, уже Верховным волхвом... Так чего они приехали?

– Говорят, переговоры будут.

– Переговоры? – Он оглянулся к Иггельду. – Я ж говорил, переговоры!.. А о чем?

– Никто не знает. Но, говорят, артане уже дознались, что Брун собирает войско под свои знамена.

– И что?

– А то, что сами они увязли под Плотском. Или под Резаньском, а впереди еще Куяба, там черные башни колдунов, там отборные войска Дуная!

Ратша радостно расхохотался, потер ладони.

– Вот тут им и зададим жару!.. Они пока не могут сюда всей мощью, успеем собраться. Зачуяли, подлецы, где жареным пахнет!.. Самого Тулея с его войском не страшатся, а перед князем Бруном хвостами метут по-лисы, в переговоры влезают!

Берич сказал довольно:

– Это точно. Артане уважают только силу. А единственная сила сейчас в Куявии – это князь Брун. Свиреп он и крут бывает, но с артанами это как раз то, что надобно.

Ратша повернулся довольный, сияющий, словно уже разгромил Артанию самолично, звучно хлопнул Иггельда по плечу.

– Вот теперь у меня аппетит разыгрался!.. Пойдем, я сожру целого быка. Правда, увидишь! Печеного или жареного – без разницы. С копытами. И новую дырку не стану прокалывать, чую – скоро растрясем не только лишний жирок, но и лишнее мясо!

В корчме половина столов оказалась пуста, но едва Ратша занял место и велел подать им много и всего лучшего, а вина так и вовсе только самого-самого, как помещение начало заполняться галдящим и шумным, взбудораженным народом. Хозяин как чувствовал скорый наплыв, из кухни уже катили, подминая под себя все ароматы, одуряющие запахи жареного мяса, печеной рыбы, горячего лукового супа, гороховой похлебки...

К удовольствию Ратши, им на стол сперва поставили кувшин и две медные чаши. Ратша едва не наделся на горлышко ноздрей, принюхиваясь, пробурчал:

– А винцо слабовато... Ладно, сойдет запивать то, что у вас считается мясом. Но для аппетита принеси что-нить покрепче.

Мальчишка ответил, запинаясь:

– Есть, но... то вино дорогое. И далеко, в подвале...

– Узнаю Куявию, – фыркнул Ратша. Он бросил на стол монетку. – Тащи поживее!

Мальчишка исчез, а спустя несколько минут Ратша разливал по чашам темно-красное остро пахнущее вино. Вязкое на вкус, оказалось на удивление взбадривающим, хотя обычно Иггельд от вина соловел, его тут же клонило в сон, потому пить не любил и попойек избегал. Когда подали мясо, Ратша уже раскраснелся, распустил пояс, глаза блестели, а увлажненное вином горло перестало сипеть, как прохудившийся бурдюк.

Некоторое время ел молча, только все чаще и чаще запивал вином, потом с грохотом отодвинул лавку, поднялся, оглядел наполненный зал, одним прыжком оказался на середине стола.

– Куявы! – прокричал громовым голосом. – Да, сейчас мы – куявы! Не дрегляне, аламасты, боярты, ягерцы и всякие там, не в обиду будь сказано, вени!.. Мы, как и водится у нас, грыземся, как псы лютые, за мелкую кость, за баранью жилу, а то и просто так. Но когда в нашу кошару лезет волк, мы должны забыть распри и разорвать зверя в клочья!.. Вы сами видите, что, как только мы перестаем грызться, нас начинают страшиться!

Говор затих, все повернулись в его сторону и внимательно слушали.

– Еще не собрано войско, – продолжал он, – я говорю о большом войске, а эти артане уже трусили! Уже поджали хвосты, как побитые псы, уже прибыли на переговоры! А что будет, когда войско соберется в железный кулак? Артане прекрасно помнят, как мы их бивали! Бивали, еще как бивали. Мало кто из них успевал добежать до своих земель!

В толпе закричали:

– Бивали!

– В прошлую войну артане потеряли все свое войско!

– А когда их гнал и бил Сиромаха, то, говорят, только сотня артан успела вернуться живыми!

Ратша выхватил меч, вскинул над головой.

– Брун сейчас как никогда нуждается в нашей поддержке! Он ведет трудные переговоры, артане уже захватили половину страны, и многие слабые души уstraшились... Покажем ему, что мы верно и преданно встанем на защиту Куявии! Все ко дворцу!

Он спрыгнул со стола и, не опуская меча, пошел к выходу из корчмы. Народ вскакивал, воодушевленный, Иггельд везде видел красные от вина лица, блестящие восторгом глаза. Заблестали вынимаемые из ножен мечи. Послышались крики:

– Ко дворцу!

– Ко дворцу, к Бруну!

Ратша прокричал громче всех:

– Все ко дворцу, выразим свою поддержку до последней капли крови!..

Раздались крики:

– За Куявию!

– Смерть артанам!

– Ни одного живым!

Иггельд поднялся, иначе рискует остаться один в опустевшей корчме, вышел вслед за последними. Вопящая толпа, сверкающие над головой мечи сразу привлекли внимание, на улицах начал останавливаться народ. Ратша, из-за своего громадного роста заметный издали, двигался впереди, меч рассыпал синеватые искры над головой, а Ратша кричал громовым голосом:

– Все на защиту Куявии!.. Все под знамена Бруна, верного защитника отечества, настоящего героя-полководца!

За ним двигалась огромная толпа, заполонив собой улицу, а потом выдавилась на площадь, заняла ее всю, повалила к дворцу. Всюду раздавались кличи:

– На артан!

– Смерть артанам!

– Ни пяди родной земли!

– Князь, веди нас!

Ратша прокричал:

– Помните, сейчас артане давят на Бруна, добиваются, чтобы он согласился на их условия... уж не знаю, какие, но все одно подлые. Ощутили нашу растущую мощь, забежали, затревожились!.. Вот прямо сейчас уговаривают его встать в стороне, напоминают про всякие обиды от Тулея... но кто из нас не терпел обид от родителей? И все одно они – наши, мы за них в огонь и воду. Если Брун услышит наш голос, ему легче будет вести переговоры. Ему вообще будет легче, полководец напитывается духом своих воинов. Так покажем же ему, что мы думаем, как ему верим! А те проклятые собаки устроятся нашего грозного клича, подожмут хвосты, будут умолять, чтобы он их не бил и отпустил обратно в свои собачьи степи!

Дворец надвинулся огромный, величественный, с каменными кабанами по обе стороны широкой лестницы. Ратша остановился, взмахнул руками.

– Раз-два, – скомандовал он, – крикнем дружно: на артан!.. Княже, веди нас!

Толпа нескладно, а потом все увереннее попадая в лад, заревела:

– На артан!

– На артан!

– На артан!

– Княже, веди нас!

– Всех артан под наши мечи!

– Под твоим знаменем, княже, сокрушим Артанию!

Они орали, пьянея от своей отваги, силы, мощи, жажды ударить и сокрушить, Иггельд ощутил прилив сверхъестественных сил, будто все они стали единым человеком-великаном, у которого одна воля, одна страсть, одна сокровенная и настойчивая жажда сокрушить и уничтожить вторжение диких степняков. Кровь с шумом перекачивалась по жилам, сердце стучало радостно, сильно, легко, мускулы вздувались, он чувствовал, как становится выше ростом...

Парадные двери дворца распахнулись с треском. Выбежал толстый слуга в дорогом костюме из голубого шелка, на голове шляпа с пышными перьями, сапоги на высоком каблуке, но сейчас растерял всю важность, бросился, расталкивая слуг и стражей, к толпе, запричитал испуганным шепотом:

– Братья, опомнитесь!.. Важные переговоры!

Ратша закричал громко:

– А подать нам этих артан!.. Мы срубим им головы и покатаем в пыли!

– Братья, – закричал слуга уже в голос, – как можно! Это же послы!

– А мы и послов! – гаркнул Ратша еще громче, чтобы слышали там через распахнутые окна в комнате для переговоров. – Артане не соблюдают правил ведения войн, вот и мы... А потом пойдем в Артанию, разнесем там все, перебьем посуду и перес... в общем, перегадим все, как они тут перегадили!.. Брун, веди нас!

Толпа дружно подхватила:

– Княже, веди нас!

– Не посрамим!

– Веди, смерть артанам!

– Князь, мы с тобой! На артан!

Слуга метался, хватал разгорячившихся храбрецов за рукава, умолял, просил, едва не плакал, а в толпе стояли рев и гам, над головами сверкали обнаженные мечи, кинжалы, кто-то нацепил на острие пики клочок красной материи и размахивал над головой, словно дразнил в небе драконов.

Ратша прокричал оглушительно:

– С нашим доблестным князем, что бил артан и будет бить, мы растопчем их, аки туры трусливых зайцев!.. Ишь, миру запросили! Не будет вам мира!

Толпа ликующе заорала:

– Не будет им мира!

– Будем бить!

– На артан!

– На Артанию!

Сердце Иггельда билось часто и мощно. Кровь кипела, в душе отросли крылья, страстно хотелось что-то сделать такое для всей Куявии, чтобы сразу вот так ее спасти, укрыть, очистить. Он чувствовал, что задыхается от непонятного чувства, сильного и чистого, воспламенившего его сердце, и теперь он тоже может, как дракон, выдыхать огонь...

Наконец Ратша с видом победителя вскинул руки, гаркнул:

– А теперь, друзья, когда мы показали свою волю и помогли своему доблестному князю... да, помогли!.. отправимся и попируем, этот день – первый день нашей великой победы!

Толпа загалдела довольно: выпить и поесть – едва ли не главное счастье в жизни куява, а может быть, и самое главное, послушно отхлынули от стен дворца и поспешно потекли обратно с еще большей торопливостью, ведь при таком наплыве все корчмы и харчевни переполнены, надо успеть захватить место.

Ратша протолкался к Иггельду. Он раскраснелся, морда красная, даже сытая, будто подкормился всеобщим воодушевлением.

– Ну как?

– Здорово, – сказал Иггельд с чувством. – Ты растревожил и меня, гад. Чуть слезы не брызнули. Действительно, такие мы, куявы, – про отчизну вспоминаем не раньше, чем она повиснет на одной руке над пропастью! А вот артане все время о ней помнят, гордятся... У них и песни все о войнах, набегах, подвигах, а у нас какие-то похабные смехогавкалки!

– Ничего, – сказал Ратша недобро, – после этой войны и у нас запоют про подвиги! А предстоит нам свершить немало. Ох немало!

– Так ты радуешься или печалишься?

– Я тебе что, артанин? Это у них «или – или». А я и радуюсь, и печалюсь. Еще и подсчитаю, чем поживимся. Во всем надо искать и выгоду. Нет, не искать ее в первую очередь, но даже артане не забывают в своем стремлении к подвигам пограбить, увезти хорошую добычу. Ты вот уже огреб право на такую вотчину, у меня уже слюни до пояса!..

ГЛАВА 14

Ратша направился в корчму, не мог не оказаться снова во главе самых воинственных и в то же время не забывающих погулять всласть, а Иггельд выскользнул из города, прошел как можно дальше, выбирая пустынное место. Он еще не успел подать знак, только подумал, как темный крестик в синеве сдвинулся, поплыл чуть в сторону. Иггельд не стал даже шевелиться, ждал, что же дальше, но силуэт дракона все увеличивался, стал объемным, вырос, и спустя пару минут Черныш начал распускать крылья, что едва не выворачивало встречным ветром.

Послышался глухой удар, Иггельд бросился к месту падения, но Черныш уже вскочил, распахнул пасть, красный язык выметнулся из пасти, Иггельд зажмурился, горячее и влажное шлепнуло по лицу, а он обхватил его за морду, поцеловал в нос.

– Да люблю я тебя, люблю... Но ты, свинья, обнаглел! Кто ж так садится? Ногу подвернул? Хромать будешь?

Черныш лизнул в лицо, в глазах любовь и новый вопрос: а ты правда меня любишь? А ты меня не бросишь? Не прогонишь?.. Я очень тебя люблю, папочка, я буду очень-очень послушный, только не бросай меня, не оставляй надолго!..

– Не оставлю, не оставлю, – заверил Иггельд. Было неловко, что такой огромный зверь искательно заглядывает в глаза, виляет хвостом, добивается его любви, словно он не Иггельд, горный охотник, а грозный и могущественный тцар или даже бог. – Люблю я тебя, дурачину!

Черныш от восторга запрыгал на всех четырех, на одну лапу в самом деле прихрамывал, чересчур торопился к двуногому папе, рисковал, ошибся бы еще чуть-чуть – и разбился бы в лепешку, Иггельд ощутил такой прилив нежности к этому нелепому существу, огромному и грозному, и в то же время такому ребенку.

– Я тебя люблю, – повторил он. – Ладно-ладно, оближи еще... Но сейчас давай снова в небо. Тут тебя почему-то боятся, странные такие люди. Обещаю, скоро мы полетаем вдвоем. До-олго!

Он ухватил Черныша за щеки, поцеловал в нос. Тот лизнул в ответ, Иггельд отступил, требовательно указал в небо. Черныш с неохотой присел, могучие лапы бросили в небо с силой камня из пращи, Иггельду показалось, что чуточку занесло вбок, понятно – сказывается ушибленная лапа, но тут же порыв ветра едва не сбил с ног. Закружилась пыль, травы полегли от воздушного удара, а сорванные листья унесло, как стаю испуганных воробьев.

Возвращаясь, Иггельд чувствовал себя гадко, как будто обманул, обидел ребенка. На воротах стражники посматривали с интересом, все слышали о хозяевах драконов, мало кто их видел, и привыкли считать их обязательно старыми, с длинными седыми волосами и обязательно увешанными с головы до ног амулетами и талисманами.

В самом городе народу стало как будто вдвое больше, его толкали со всех сторон, слышался конский топот, ржание, могучий говор толпы, и он наконец ощутил, как общий подъем снова наполнил его по самую макушку, что уже вместе со всеми глупо и счастливо улыбается, готов прямо сейчас с поднятым мечом броситься на врага. Со всех сторон блестели железные шлемы, латы, панцири, люди двигались при мечах, на поясах кинжалы, боевые ножи, что так не похоже на всегда мирных куявов. На лицах злость и решимость дать бой, со всех сторон он слышал разговоры, что артане пока еще не сталкивались с настоящим войском и настоящим полководцем.

Он сам перебирал славные имена, но в Куявии больше знали умелых торговцев, послов, богатых володарей обширных земель, но не воителей, чье ремесло казалось не очень достойным, и только имя князя Бруна оставалось незапятнанным и сверкало лучами кровавой славы. Он в самом деле не потерпел ни одного поражения в многочисленных войнах ни со славянами, ни с вантйцами, ни с артанами. Всегда возвращался с богатой добычей, чему куявы всегда при-

давали первостепенное значение, всегда приводил назад войско. Нередко только часть войска, но все равно возвращался с добычей, а его воины с жаром рассказывали, сколько истребили и сожгли в тех чужих краях, куда вторглись на плечах отступающего врага.

Вообще в самом городе Бруна и за его пределами, как заметил Иггельд, витал бодрый дух скорого сражения. Артане продвигаются быстро, пусть даже с обозами, пора им показать, на что способны куявы, которых наконец-то раздражат. Иггельд видел, как в поле за город выходят все новые войска, их старательно выстраивают, указывают каждому полку его место, готовят, объясняют, когда и как вступить в битву.

От людского гама в ушах шумело, как будто с гор медленно ползла лавина из мелких камней. Богатые горожане на всякий случай спешно отправляли семьи в горную часть страны, под башни чародеев артане уж точно не сунутся, из всех ворот торопливо выезжали подводы и телеги со скарбом.

На постоялом дворе, где остановились Иггельд и Ратша, беры гуляли в корчме с утра до поздней ночи. Иггельд явился почти в полночь, до этого гулял по городу и осматривал укрепления, через двор корчмы десяток крепких мужиков выкатывали из подвалов винные бочки, им освещали дорогу факелами, в воздухе стоял запах горячей смолы.

Ратша сидел за богато накрытым столом, с ним еще с десятков беров, он сразу поймал взглядом могучую фигуру молодого друга, заорал, помахал рукой с зажатой в кулаке полуобглоданной костью.

Иггельд сел на краешек скамьи, подвинуть на лавке вольно рассеявшихся беров не решился, поинтересовался:

– Какие новости?

Ратша хмыкнул.

– Мы тут с полудня сидим, а ты только что явился. Ты и рассказывай.

Перед ним поставили кувшин с вином, чару и блюдо с горячим мясом.

Иггельд поморщился, велел слуге:

– Чару убери. Принеси чарку, а еще лучше – чарочку. Я не собираюсь упиваться, как... как слав.

Ратша сказал бодро:

– Не сегодня-завтра – в бой! Напоследок и погулять можно. Я видел, что на княжеские подводы укладывают походные кузницы. Это значит, что мы не только дадим бой, но и должны будем на плечах артан двигаться за ними, пока не достигнем Артании.

Один из беров спросил живо:

– А потом? Вернемся?

– Наверное, – ответил Ратша с неохотой. – Всегда так делали. А зря...

– Зря, – подтвердил бер. – Только даем им набраться сил.

– Надо вторгнуться в Артанию и захватить Арсу, – сказал второй бер твердо. Он сам испугался своих слов, быстро посмотрел на беров, но те закивали, с шумом сдвинули чары, выплескивая красное вино на столешницу. – На Артанию!

Иггельд прислушался, справа и слева за столами, как и во всей корчме, говорили о наступлении артан, о пожарах и разорениях, о грабежах, артане предадут огню все, что не могут увезти. Все кипело гневом, артане поступили подло, напав сразу же после заключения Вечного Мира. Их не оправдывает то, что тцар Тулей поступил не совсем честно, взял меч бога Хорса, а потом вытолкал тупого артанина в шею. По правде сказать, почти каждый поступил бы так же: не отдавать же в самом деле сверкающую жемчужину Куявии этому грязному пастуху, что именует себя – ха-ха! – сыном тцара, как будто в дикой вонючей Артании могут быть тцары!

Иггельд посматривал по сторонам, сердце наполнялось гордостью. Жуткие вести о стремительном приближении артан не сломили дух куявов, все полны негодования и жаждут дать бой. А чем больше докатывается слухов о неслыханных зверствах артан, о поголовном истреб-

лении жителей городов, где оказали сопротивление, тем ожесточеннее сердца и тем злее становятся куявы.

– Артане продвинулись только благодаря внезапности, – доказывал Ратша, его суровое лицо, изрезанное шрамами, потемнело от прилива крови. – У них все успехи только благодаря их легкой коннице! Эти дикари даже коней своих не умеют подковывать, куда им сражаться с настоящими воинами! Если запремся в городах, а они вообще не умеют их брать...

– Коня через стену не скачут, – вставил Улаф, такой же бывалый воин, как и Ратша, разве что постарше да одет побогаче.

Все захохотали, кто-то дотянулся до Улафа и похлопал по плечу.

– Вот-вот, – сказал Ратша. – Да когда наш князь в прошлую войну дрался с ними в чистом поле, что – сумели они его взять? Нет, это он их теснил! А почему? Да князь Брун и в чистом ровном поле, где артане вроде бы полные хозяева, на ночь огораживался рвом!.. Только и всего. А утром снова выходил и теснил их. А когда артане стягивали все силы, чтобы его опрокинуть, он снова огораживался рвом, втыкал в него колья... И так он теснил артан до самой их границы, даже вторгся на их сторону!

– После чего артане запросили мира, – снова вставил Улаф.

– Точно! Артане страшатся не только наших крепостей и укрепленных городов, где под стенами они положат все их войско, но даже нашей тяжелой конницы!..

Лица светлели, головы поднимались, а в глазах блеснула удаля. Как нарочно, за окном послышался далекий топот, нарастал все громче и громче, наконец пронеслась, как стадо железных быков, тяжелая конница на огромных рослых конях, воины все в железе с головы до ног, тяжелые длинные копыта в руках, мечи и топоры на поясе...

Ратша выкрикнул довольно, перекрывая шум:

– Видите? Да никакая сила на свете не способна выдержать такой удар!

– Это у артан все от бедности, – сказал глубокомысленно старший Примаки. – А бедность артанская от лени. Земля у них богатая, урожайная, но эти дикари всю загадили своими стадами. А тот край на самом юге, где выращивают хлеб, кормит не только всю Артанию, но эти дикари продают его в другие страны. Зерно артанской пшеницы размером с орех, клянусь всеми богами! И какую пользу они от нее имеют?

Все одобрительно кричали, тянулись через стол к Примаку чокнуться краями кубков и чар. Знаменитая артанская пшеница всегда оставалась предметом зависти куявов да и других соседей. Только в Артании она вырастала с невысоким стеблем, но с могучим колосом, зерен много, все крупные, ядреные. Сами артане продавали только муку, зерно в мешках вывозить не позволяли, но куявы не стали бы куявами, если не исхитрились бы выкрасть и привезти в Куявию не то что горсть зерен, а целые сумки. Увы, даже первый урожай всегда бывал вполнину мельче артанского, а на следующий год артанская пшеница уже ничем не отличалась от мелкой и болезненной куявской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.